СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ, КОТОРУЮ МЫ НАЧАЛИ 24 ФЕВРАЛЯ 2022 ГОДА И КОТОРАЯ ЯВЛЯЕТСЯ ЛОГИЧЕСКИМ ПРОДОЛЖЕНИЕМ ДОНБАССКОЙ ВОЙНЫ, ЯВЛЯЕТСЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНО ВАЖНЫМ СОБЫТИЕМ ДЛЯ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ НЕ ТОЛЬКО РОССИИ, НО И ВСЕГО МИРА.
СВО – ЭТО РЕВАНШ ИСТОРИИ, ЕЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ.
СВО – ЭТО ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЭТАПОВ НОВОГО МИРОВОГО КОНФЛИКТА, КОТОРЫЙ РАЗВЯЗЫВАЕТ ГЛОБАЛИСТСКИЙ КОЛЛЕКТИВНЫЙ ЗАПАД – ЧЕТВЕРТОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.
ЭТО, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, КОНФЛИКТ ИДЕЙ, КОНФЛИКТ ПОНЯТИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ И О ЕГО БУДУЩЕМ. ЭТО КОНФЛИКТ ЗА ЧЕЛОВЕКА, ЗА ТО, БЫТЬ ЕМУ ЧЕЛОВЕКОМ ИЛИ ПРЕВРАТИТЬСЯ В ПОСТЧЕЛОВЕКА. ЭТО БУКВАЛЬНО КОНФЛИКТ БЫТИЯ С НЕБЫТИЕМ.

СВО – ЭТО НАЧАЛО ВЕЛИКОГО РУССКОГО ИСПРАВЛЕНИЯ ИМЕН, КОГДА ВСЕ ВЕЩИ ПРИВОДЯТСЯ В СООТВЕТСТВИЕ С ТЕМ, ЧЕМ ОНИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ.

В ЭТОМ СБОРНИКЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ ТЕКСТЫ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ, В КОТОРЫХ ДАЕТСЯ ОТВЕТ, ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ВЕЛИКОЕ ИСПРАВЛЕНИЕ ИМЕН И ЧТО НЕОБХОДИМО ДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ЕГО ПО-НАСТОЯЩЕМУ ДОВЕСТИ ДО КОНЦА, Т.Е. ЧТОБЫ ПОБЕДИТЬ.

ПАМЯТИ ДАРЬИ ДУГИНОЙ

ВЕЛИКОЕ РУССКОЕ ИСПРАВЛЕНИЕ ИМЁН

СБОРНИК ИЗБРАННЫХ СТАТЕЙ

СОЛНЦЕ СОБОРА

ВЕЛИКОЕ РУССКОЕ ИСПРАВЛЕНИЕ ИМЁН

СБОРНИК ИЗБРАННЫХ СТАТЕЙ

ВЕЛИКОЕ РУССКОЕ ИСПРАВЛЕНИЕ ИМЕН

сборник по итогам заседаний философского собора в 2022 году

Под редакцией
А.Ю. Коробова-Латынцева,
Н.В. Арутюнова

Санкт-Петербург
Издательство «Солнце Севера»
2023

Памяти Дарьи Александровны Дугиной

ББК 87
УДК 355.01

Великое русское исправление имен

Сборник «Великое русское исправление имен». — Под ред. А.Ю. Коробова-Латынцева, Н.В. Арутюнова, Санкт-Петербург: изд-во «Солнце Севера», 2023 — 240 с.

ISBN 978-5-906708-57-1

24 февраля 2022 года была начата специальная военная операция на Украине. Данный сборник ставит целью философское осмысление феномена войны в целом и СВО в частности. Авторы сборника проводят актуализацию концептов, составляющих русскую идею, предлагают новые концепты.

Книга будет интересна как для философов, так и для политруков (или людей их заменяющих).

©Культурное Пространство «Солнце Севера», Санкт-Петербург, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

СОГЛАШЕНИЕ ДАРЬИ ДУГИНОЙ....8

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО....9

ДУГИНА Д.А ФЕНОМЕН ВОЙНЫ: МЕТАФИЗИКА, ОНТОЛОГИЯ, ГРАНИЦЫ....12

ДУГИН А.Г. УКРАИНА КАК ТЕРРИТОРИЯ АРМАГЕДДОНА....23

ВАРАВА В.В. ПАЦИФИЗМ КАК ЭВТАНАЗИЯ....38

СЕКАЦКИЙ А.К. СТРОЙ ДУШИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ: ПРИНЦИПЫ ЕДИНОЙ ТОПОГРАФИИ....58

ГИРЕНОК Ф.И. НОВЫЙ СОЦИАЛИЗМ....65

ЧЕРНЯЕВ А.В.«ИСПРАВЛЕНИЕ ИМЕН» В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ ПОВЕСТКЕ РОССИИ....77

ЕВЛАМПИЕВ И.И. ПРОРОЧЕСТВО РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ О КРАХЕ ЗАПАДНОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ РОССИИ....98

ВАНЧУГОВ В.В. ЭТНОСОФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЗНАНИЯ. ФИЛОСОФСКИЕ УРОКИ ИЗ «СТОЛКНОВЕНИЯ НАРОДОВ» И ВЫЯВЛЕНИЕ СКРЫВАЕМОЙ СУЩНОСТИ ИНДИВИДОВ И ОБЩНОСТЕЙ....109

ДАРЕНСКИЙ В.Ю. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТЫ РУССКОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ....122

СКВОРЦОВ А.А. ВОЙНА КАК ОБЫДЕННОСТЬ И ВЫХОД ИЗ НЕБЫТИЯ....135

ПУЩАЕВ Ю.В. НАСТОЯЩАЯ ЦЕЛЬ СВО И ВОЙНЫ:
ДЕЗАПАДНИЗАЦИЯ УКРАИНЫ И РОССИИ 152

ТРУХАН А.В. СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА РОССИИ В ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ ИСТОРИИ: ИДЕОКРАТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....183

ОТЕЦ ДМИТРИЙ (ТРИБУШНЫЙ) «ВЕЛИКОЕ РУССКОЕ ИСПРАВЛЕНИЕ ИМЕН»: НЕГАТИВНЫЙ ПЛАТОНИЗМ
ИЛИ СВЯЩЕННОЕ ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ?.....191

СЮНДЮКОВ Н. РУССКАЯ ПУСТОТА,
ИЛИ К ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМУ ПОНИМАНИЮ ИСТОРИИ.....196

БОВДУНОВ А.Л. АПРОПРИАЦИЯ «МОВЫ»: ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ
С УКРАИНСКИМ ЯЗЫКОМ? 203

ДЗЕРМАНТ А.В. ВОЕННАЯ СПЕЦОПЕРАЦИЯ РОССИИ
НА УКРАИНЕ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ
И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.....209

ЭРВЬЕ Г.А. СВО КАК ВОЛЕВОЙ ТРАНЗИТ
К НОВОМУ МИРОПОРЯДКУ 215

АРУТЮНОВ Н.В. ВСТРЕЧА В НОВОМ МЕСТЕ.....224

КОРОБОВ-ЛАТЫНЦЕВ А.Ю. «ВЕЛИКОЕ РУССКОЕ ИСПРАВЛЕНИЕ ИМЕН»: БОРЬБА ЗА ОТКРЫТЫЙ РУССКИЙ КОСМОС И СТОЯНИЕ ЗА ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ДОВОДЫ.....230

Благодарим сердечно за помощь в работе с текстами помощников Культурного Пространства «Солнце Севера»: Гаврилову О.М., Мочалову Д.А., Мамонтова А.В., Праводелова С.С., Шакиртянову Д.Р., Резвушкину С.А., Михайлова А.А., Вдовенко Е.С., Ефремову Ю.В., Полянкину С.Ю., Паршукову А.В., Серегину Д.Д., Н.Крыжановскую, за верстку — Г. Данилова, за оформление и обложку — Е. Ставицкую.

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
«СОЛНЦЕ СЕВЕРА»

ОТКРЫТЫЙ РУССКИЙ КОСМОС

ЦЕНТР
КОГНИТИВНОЙ
ОБОРОНЫ

СОГЛАШЕНИЕ ДАРЬИ ДУГИНОЙ

20 августа 2022 года террористами была подло убита Дарья Александровна Дугина (Платонова), известная журналистка, философ, дочь русского мыслителя Александра Гельевича Дугина. Трагическая гибель Дарьи вызвала отклик со стороны всех патриотов: левых, правых, центристов.

Даша Дугина обладала той самой всеотзывчивостью, о которой писал Достоевский, способностью воспринимать самые разные, порой противоположные идеи как грани единой Русской идеи. Даша Дугина всем была своя.

Те, кто убил ее – наш общий враг, с которым необходимо бороться на всех фронтах. Мы взыскуем не мщения, но справедливого возмездия. Поэтому предлагаем всем патриотически настроенным силам заключить «Соглашение Дугиной», суть которого – в установке на соработничество в деле достижения нашей общей Победы в глобальном конфликте, развёртывающемся на наших глазах и несущем экзистенциальную угрозу нашей общей Родине.

Мы, нижеподписавшиеся, призываем на время отложить свои раздоры и претензии друг к другу и сообща соработничать нашему государству, нашей Армии, нашей общей Родине для скорейшего достижения нашей общей Победы на всех фронтах.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

24 февраля 2022 года была объявлена специальная военная операция по демилитаризации и денацификации Украины (далее — СВО), которая продолжается до сих пор. СВО получила амбивалентные оценки со стороны общества: от всецелой поддержки до фанатичного отрицания. Подобные неоднозначные оценки этого акта сами по себе указывают на то, что этот долгожданный акт имеет идейные основания, которые должны быть осмыслены и получить текстовое выражение со стороны профессионального философского сообщества. Для этого мы с соратниками с мая 2022 года проводили философский собор «Великое русское исправление имен», на котором ведущие отечественные философы смогут публично высказать свои мысли о спецоперации. Как итог философского собора — этот сборник.

Все участники собора были согласны друг с другом в том, что СВО как событие эпохального масштаба имеет под собой идейные основания, и даже больше — ярко выраженный философский характер. По аналогии с древней конфуцианской реформой, СВО можно обозначить как Великое русское исправление имен. Как и у конфуцианцев, цель этой реформы состоит в том, чтобы привести вещи в соответствие с тем, чем они должны быть. В случае с СВО речь идет об Украине, которая с точки зрения западного глобализма должна быть анти-Россией, тогда как с точки зрения русской цивилизации (Русского Мира), Украина должна быть добрым соседом и братским народом, должна вернуться в лоно русской цивилизации. За последние десятилетия и особенно последние годы на Украине покусились на фун-

даментальные традиционные установки русской жизни, на нормальный порядок вещей, на саму их суть — на имена, на язык. Отсюда мысль, что назначение СВО заключается как раз в том, чтобы восстановить нормальный порядок вещей на том пространстве, которое исторически называется Малороссией.

С полным правом можно сказать, что СВО имеет не только военный характер, но и характер философский, поэтому осуществлять эту операцию должна не только Армия, но и философы.

Считаем, что собранные в этой книге философские тексты помогут сформировать целостное понимание развертывающегося на наших глазах мирового конфликта, обличить его сущность и, главное, указать путь к нашей общей, одной на всех — Победе.

Этот сборник предназначен не только для философов и интеллектуалов в широком смысле, но прежде всего для всех тех, кто встал на путь защиты своего Отечества, нашей России, нашей самобытной цивилизации. Для тех, кто сейчас на фронте с оружием в руках защищает наши земли, для тех, кто ведет бои на фронтах информационной войны. В новых войнах фронт — везде, а тыл нигде. Война стала тотальной. И она требует тотальной мобилизации.

Надеемся, что такой мобилизации будет содействовать этот сборник, который мы с товарищами, волонтерами, военкорами и просто неравнодушными людьми, доставим на фронт, чтобы с ним могли познакомиться наши замполиты, непосредственно на поле боя отвечающие за морально-психологический настрой наших бойцов, то есть буквально — за их ум и сердце, за их души. Потому что эта война прежде всего и есть война за умы, сердца и за души человеческие.

Мы решили посвятить этот сборник памяти нашей подруги и соратницы Дарьи Александровны Дугиной, которая

вместе со мной и Николаем Владимировичем Арутюновым была одним из инициаторов и организаторов проведения философского собора.

Андрей Юрьевич Коробов-Латынцев

Дугина
Дарья Александровна
философ-евразиец, журналист, общественный деятель

ФЕНОМЕН ВОЙНЫ: МЕТАФИЗИКА, ОНТОЛОГИЯ, ГРАНИЦЫ

«ВОЙНА – ОТЕЦ ВСЕХ ВЕЩЕЙ»

(Текст прочитан как лекция в Русском студенческом клубе и передан для размещения в сборнике А. Г. Дугиным)

Без философского осмысления мы не сможем понять всю глубину нынешнего противостояния. Война всегда осмыслялась философами как *нечто необходимое*. Гераклит говорит о войне как об «отце вещей»: Πόλεμος πάντων μεν πατήρ εστί, πάντων δε βασιλεύς. Война всегда конституировала мир, космос. Если нет войны, нет разделения, то нет и мира. То есть война в каком-то смысле осмыслялась, как космологический акт. У Фукидида и Сократа, которые были теоретиками войны, происходит определенная романтизация войны. При этом имеет место очень интересное разделение, которое нам сегодня необходимо при анализе конфликта с Украиной. Дело не в том, что война – это всегда хорошо или всегда плохо, но есть войны хорошие и есть войны плохие.

Войны хорошие — это войны с внешним врагом, они не осуждаются ни Фукидидом, ни Сократом, ни Ксенофонтом. И есть войны междоусобные, которые как правило оцениваются негативно. У Платона в «Законах» для обозначения внешней войны используется греческий термин πόλεμος (как у Гераклита), в противопоставление внутренней войне — раздору, νεικος (как у Эмпедокла).

Душа греков оправдывала войны с внешним врагом. Позитивно оценивалась война с другими, с чужими, с варварами, которых необходимо победить, а при определенных обстоятельствах и подчинить. Но война как раздор (νετκος), которая могла случаться и в греческих полисах, между самими греками, внутренние усобицы в городах – всё это оценивалось негативно. Так, по мнению Платона, конфликтов Афин и Спарты следовало бы избегать и искать путей к примирению. Если же они и случались, то они ни в коем случае не должны были вести к взаимному уничтожению или прямому подчинению. Это было скорее продолжением состязаний — τθλησις. Отсюда слово «атлетика», но у греков оно означало как состязание, так и брань. «Духовная Брань» или «Умное Делание» православного монашества на греческом звучит как Νοερά Ἄθλησις.

УКРАИНА: ВОВНЕ ИЛИ ВНУТРИ?

Когда мы говорим о сегодняшнем конфликте, о противостоянии России и Украины, возникает вопрос, является ли эта война внешней или междоусобной? Это очень сложный вопрос. Однажды я выступала на индийском телеканале «Republic TV», и от моего оппонента с Украины, из Киева, экс-советницы министра обороны, я услышала такие слова: «Русских нету, а если они есть, их нужно убивать». Тут мне показалось, что война, которая идет с ними, уже не междоусобная – она ведется с *внешним врагом*. То есть те люди, которые противостоят нам, которые совершают акты агрессии по отношению к русскому народу и совершали их на протяжении восьми лет, которые запрещали русским жить, запрещали им говорить на своем языке, запрещали исповедовать культуру, это уже не наши братья-славяне. Это уже некоторая иная сущность.

Меня очень заинтересовала эта идея — попытка осмысления конфликта на Украине как борьбы с *внешним врагом*, как πόλεμος, а не как νεικος. И этот πόλεμος, согласно Платону, следует вести очень жестко и очень мужественно. В то же время, согласно тому же Платону, война – это следствие несовершенства человека. Но при этом война должна вестись справедливо, и она должна устанавливать правильный порядок. Война должна исправлять человека, а не делать его хуже. Поэтому и в войне должна всегда соблюдаться иерархия: высшее — это созерцательное начало, а низшее — это начало вожделеющее.

Если мы взглянем на структуру украинской власти, то за последние восемь лет с 2014 года дотации в военной области со стороны США составили 20,5 миллиардов долларов на военную технику. В других сферах также инвестиции огромные. Если же говорить про суммарный объем инвестиций в гражданское общество со стороны различных фондов, думаю, что там поменьше было, до 1,5 миллиардов долларов, но это все равно гигантские цифры.

Если посмотреть на эти объемы, то возникает вопрос, а не является ли как раз Украина и украинское марионеточное государство форпостом внешнего врага? Обратим внимание, что во главе его стоит комик, юморист, то есть шут. Смех – очень важное явление. Философы по-разному объясняли его природу. Бергсон посвятил смеху отдельный труд[1]. Смех – важнейшее сакральное явление. Гераклита, например, назвали «грустным философом», он никогда не смеялся. А Демокрита, напротив – «смеющимся философом». Есть предание, что он постоянно хихикал и ухмылялся. Вообще говоря, Демокрит в целом в классической Античности считался проклятым, как и его атомистское учение. Он же

1 Бергсон А. Смех: эссе о значении комического. М.: Издательский дом Искусство, 1992.

изобрел спекуляции (скупив урожай в плодородный год и продав его жителям родного города Абдер в год неурожайный). Не случайно есть предание, что его книги сжигали платоники и пифагорейцы.

Итак, Украина – это Анти-Россия. И наш фронт является не просто политическим, но геополитическим полюсом. Украина – это прокси-актор американского атлантистского начала, враждебной нам американской цивилизации, форпост американского глобалистского порядка. Украина является Анти-Россией также экзистенциально и метафизически. Это общество, где ценности перевернуты с ног на голову, где правит вожделение – низшее вожделеющее начало, связанное с животом и печенью у Платона. Минобороны России сегодня заявило, что «наша страна не начинала военных действий, напротив, Россия их завершает». И завершение нами военных действий — это завершение восстановления справедливости.

СПРАВЕДЛИВАЯ ВОЙНА

Вы можете заметить, раз мы говорим о философских концепциях применительно к войне, то можно вспомнить и теорию «справедливой войны» (bellum iustum). Эта концепция уходит в греко-римскую античность. В Новое время ее развивал Гуго Гроций[2]. В нашем мире тезис о справедливой войне берется как аргумент множеством разных акторов. Американцы так обосновывают свое «право» на проведение военных операций в разных странах. Для нас понятие «справедливости», а соответственно, и справедливой войны, также чрезвычайно важно. Посмотрите, как мы действуем, и как действуют американцы. Американцы в ходе вторжения в Ирак, Афганистан, а также Сирию, Ливию и т.д. просто

2 Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994;

зачищают все кварталы, убивая мирное население без всякого зазрения совести. Повсеместно практикуется массовый обстрел жилых и нежилых кварталов, населенных пунктов с гражданским населением. Их частные военные компании спокойно расстреливают мирное население. И все это под предлогом «справедливой» борьбы с терроризмом. А «террористом» США могут в одностороннем порядке назвать кого угодно. Мы же все-таки идем во имя живых. Наша справедливость совсем иная – не формальная. И даже несмотря на некоторые заблуждения и ошибки, несмотря на то, что украинский народ был очарован и даже загипнотизирован нарративом, который является внешним по отношению к нему, иным логосом, русские миротворцы желают ему жизни.

Сейчас все говорят, что СВО должна была завершиться за один день. Нет, не должна была и не могла. Потому что это очень сложный процесс. Это борьба метафизическая, цивилизационная. Она слишком масштабна, слишком фундаментальна.

Однако в целом мы видим, что русские при установлении своего имперского, по сути, сакрального порядка ведут себя гуманно. В целом Империя исходит из преобладания разумного, высшего начала в платоновской иерархии свойств души. Как есть колесница души из возничего (ум) и двух коней – белого (гордость) и черного (вожделение), так же устроена и душа Империи. Должна быть, по крайней мере. И справедливой война будет тогда, когда соблюдена иерархия – выше всего разумность, ей подчинена доблесть, поиск воинской славы, а вожделеющему началу никакой автономии не дается. Поэтому русские воюют с высшей целью и во имя Победы и славы, не совершая преступлений – особенно диктуемых похотью, вожделением, жестокостью, садизмом, мародерством, насилием над мирным населением. В отличие от наших

врагов, которые прикрывают обращением к «справедливости» свои низменные чисто материальные аппетиты.

ПЛАТОНОВСКАЯ КОЛЕСНИЦА ИМПЕРИЯ

Получается, что, с одной стороны, русские ведут войну с внешним врагом — США, но они понимают, что тела людей, которые там, на той стороне, они не являются внешними по отношению к нам. Тела и души этих людей — это мы сами, это наше отражение. Но это отражение, которое забрело в далекий и совершенно неправильный мир другой онтологии, с другой иерархией ценностей. Поэтому, с одной стороны, это война внешняя, то есть с внешним врагом, с внешней цивилизацией, с материалистическим логосом Кибелы, с логосом вожделения, даже с мифом вожделения, с одержимостью потреблением. И то, что происходит на Украине – это настоящее общество спектакля, по Ги Дебору[3]. Многие сегодня отмечают асимметрию информационной войны. Это признак внешней для нас цивилизации лжи. Но, с другой стороны, это война и внутренняя. Ведь логос Кибелы действует и в нашем обществе – либерализм, материализм, коррупция, западничество. В украинцах это лишь отражается. В этом случае это раздор (νετκος), который должен привести к миру через победу любви (φιλία, по Эмпедоклу). Фактически, это раздор двух начал души, как было у Платона. Есть кормчий, это Империя. Ему подчинен белый конь, взыскующий славы и чести. Русская власть – кормчий, а наши русские военные подобны белому коню, который помогает кормчему усмирить этого разбушевавшегося черного коня.

Вот такую интерпретацию я бы предложила, как историк философии, историк платонизма. Я надеюсь, что эта

3 Debord G. La Société du spectacle. P.: Buchet-Chastel, 1967.

тема в дальнейшем получит свое развитие. Стоит заметить, что некоторые американские философы, например, неоконсерваторы, тоже строят свои теории на платонизме. Лео Штраус, который является идейным вдохновителем всего неоконсерватизма, является исследователем Платона. Через обращение к платонизму можно объяснить и такое современное явление как использование fake-news. Тот же Лео Штраус считает (хотя это и спорно), что у Платона была идея «благородной лжи». Из этого он заключает, что для установления «справедливого» миропорядка, то есть миропорядка американского, Pax Americana, вполне возможно и даже необходимо прибегать к определенным формам «благородной лжи». Вот вам и философское обоснование «общества спектакля» и fake-news.

Без метафизики, без философии мы можем, конечно описать конфликт, но тогда мы упустим что-то очень важное.

РУССКОЕ СОБЫТИЕ

Теперь к вопросу о том, является ли война искуплением. Думаю, является. Вообще война ведется русскими, чтобы установить мир. В русском языке было два написания слова «мир»: через і и через «и». Хотя еще глубже, в древности, оба слова писалась одинаково и имели всеохватывающий смысл: мир как космос, вселенная мыслился славянами как нечто мирное, утихомиренное, успокоенное. Это отличает нашу культуру, например, от германской, где слово мир die Welt, как показывает Хайдеггер, берет начало от основы walten, откуда Gewalt, насилие. Совсем по Гераклиту – «вражда как отец вещей». У нас, русских, мир – это отец вещей.

Мiр через «і» можно трактовать как просто данность, а мир через «и» другое — как результат войны, как следствие некоего пакта, заключенного после того, как состоялось

трагическое разделение. Нам это свойственно, именно такое мышление — сначала разделение, потом воссоединение. И, конечно, русские хотят мира.

В русской философии конца XIX— начала XX века широко обсуждалась и продумывалась идея соборности. Эта соборность сейчас должна в конце концов возобладать и в отношениях с украинским народом. Мы пытаемся сейчас не столько уничтожить противника, сколько преодолеть эту разделенность. Я желаю истинных успехов нашей армии и считаю, что сейчас сбывается история. Если говорить в терминологии Хайдегера, то сейчас происходит Ereignis, то есть Событие[4]. Проявление русского бытия в истории.

И я считаю, что нам надо искренне молиться за тех, кто сейчас там, на линии фронта. Конечно, очень хотелось бы призвать к молитве и за врагов, чтобы они образумились. Но на данный момент я еще не готова внутренне это сделать. Мне это тяжело, сложно, после опыта просмотра всех видео, после угроз, которые поступают в мой адрес. Я считаю, что надо подождать и пока остановиться на молитве за наших миротворцев.

РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И «БОЛЬШОЕ ПРОСТРАНСТВО»

Нам нужно подумать, *кто мы*. Потому что, когда мы сталкиваемся с нами самими по другую сторону, с восточными славянами, мы видим, что у них есть довольно отчетливые контуры идентичности. Да, она совершенно искусственна,

4 См. Дугин А. Мартин Хайдеггер. Философия другого начала. М.: Академический проект; Фонд «мир», 2010.

да, она не основана на истории и онтологии. Это отдельные образы и сочетание нацизма с глобализмом, своего рода либерал-нацизма. Этот проект культивирует Джордж Сорос. Будучи одним из главных теоретиков и практиков либерализма и глобализма, спонсор и организатор цветных революций, выступая при этом против любого намека на патриотизм в странах самого Запада, именно Сорос поддерживает нацистов на Украине. Главным критерием и целью для него является разжигание ненависть к русскому миру, к нашей Империи. Пусть чудовищная и извращенная, но идентичность у наших врагов есть. Она искусственная, она не может стать основанием для созидания, она почти сразу срывается в безумие, но она все же довольно отчетливо выражена.

Вопрос к нам — а что у нас с идентичностью? Мы обсуждали в пространстве «Солнца Севера» вопрос о традиционных ценностях и проект Указа, принятие которого временно приостановлено, но не снято с повестки[5]. Это очень важно, и я думаю, что вопрос продумывания наших традиционных ценностей, нашей идентичности, создание полноценной идеологии, процесс осмысления новой геополитической ситуации — это для нас приоритет номер один. И если сейчас миротворческая операция завершится успехом, то мы должны понять, как быть дальше. Как контролировать новые территории, этот Grossraum («большое пространство» по К. Шмитту) не только при помощи военных, политически, экономически, а именно идеологически.

Какова основа этого «большого пространства»? Это вопрос открытый. Я думаю, что ответ на него коренится в самом названии, а паролем будет «традиционные ценности».

---

5 Речь идет об Указе 908 Президента РФ Владимира Путина об Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, принятом позднее уже после гибели Даши 09.11.2022.

Если мы включаем земли Украины в наше «большое пространство», то именно на основе нашей общей православной восточно-славянской духовной традиции.

Но что это такое — нам следует изучить, определить и обозначить на сей раз четко, потому что сейчас история движется гораздо быстрее, чем двигалась раньше. И сейчас нам необходимо извлекать из нашей истории смыслы, мифологемы, семантические узлы со скоростью в сто раз большей, чем мы это делали в течение последних восьми лет – после того как в 2014 творение «большого пространства» было искусственно заморожено, прервано, отложено.

ПОСТРОИТЬ РУССКОЕ БУДУЩЕЕ

Мы должны срочно сформировать ясное представление о нашей доминирующей идеологии, понять, на кого опираться. Славянофилы? Я думаю, да, они здесь необходимы. Идеи панславизма? Да. Евразийство? Конечно! Я считаю, что именно евразийство — та идеология, которая может объединить это большое пространство Евразии. Вы скажете, как же так, ведь славянофильство и панславизм несовместимы с евразийством? Давайте сделаем так, чтобы были совместимы. Давайте продумаем, как эти концепции можно сочетать.

Что еще нужно? Еще нужно религиозное измерение, традиционалистское измерение, геополитическое измерение и метафизическое, о котором мы сегодня говорили. Это задача номер один.

Я обращаюсь сейчас ко всем, и призываю вас думать в этом направлении. Сейчас мы имеем некоторый дисбаланс идентичностей. У той стороны есть аргументы, есть идеология и есть одержимость. А у нас ее не то чтобы нет, она есть, но она не так ярко и отчетливо проявлена. Значит где-то мы

недоработали, значит когда-то за последние восемь лет упорной борьбы за Новороссию мы не пошли вперед тогда, когда нужно было идти вперед. Возможно, мы что-то упустили. Но «ничто не потеряно, пока не потеряно все», как говорил итальянский политический философ Курцио Малапарте. Думаю, что вся эта работа может быть оперативно сделана.

Предпосылок к этому много. Обозначу лишь ключи, коды и точки. Главное — это исихазм, византизм, евразийство, неоевразийство, Четвертая политическая теория[6], преодоление Модерна, традиционализм. И конечно же это весь комплекс русской философии, начиная от славянофилов и кончая философией Серебряного века, которую необходимо изучить и черпать из нее вдохновение. В Серебряном веке для нас наиболее важна идея соборности и, возможно, софиология, особенно труды Павла Флоренского.

Я думаю, что это кодовые точки, которые помогут нам открыть дверь в русское будущее, которое нам необходимо построить.

6 Дугин А.Г. Четвертый Путь. М.: Академический проект, 2014.

Дугин
Александр Гельевич
философ, доктор политических наук,
доктор социологических наук,
кандидат философских наук, профессор,
директор Института Царьграда

УКРАИНА КАК ТЕРРИТОРИЯ АРМАГЕДДОНА

СВО КАК ВАЖНЕЙШЕЕ СОБЫТИЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Сформулирую тезисно то основное, что необходимо иметь в виду, рассматривая ситуацию, в которой мы оказались после начала Специальной Военной Операции. Начиналась она, действительно, как «Специальная Военная Операция», но быстро переросла в нечто намного большее — в прямое столкновение цивилизаций, в борьбу за миропорядок и, возможно, в прелюдию полноценного Армагеддона.

Многие начинают понимать, что происходящее вообще никак не объясняется ни анализом национальных интересов, ни следствием экономических трендов или энергетической политики, ни территориальными разногласиями, ни этническими противоречиями. Практически любой эксперт, пытающийся описать происходящее в привычных терминах и концептах довоенного времени, выглядит, по меньшей мере, неубедительно, а чаще всего просто глупо. Чтобы даже отдаленно разобраться в положении вещей,

необходимо обратиться к гораздо более глубоким и фундаментальным категориям, в повседневной аналитике почти никогда не привлекаемым.

НЕОБХОДИМОСТЬ ГЛОБАЛЬНОГО КОНТЕКСТА

То, что по-прежнему называется в России СВО, а по сути является полноценной войной с «коллективным Западом», можно понять только в контексте таких масштабных подходов, как:

- геополитика, основанная на рассмотрении смертельной дуэли цивилизации Моря и цивилизации Суши, идентифицирующая предельное обострение великой войны континентов;
- цивилизационный анализ — столкновение цивилизаций (современная западная цивилизация, претендующая на гегемонию против поднимающихся альтернативных ей незападных цивилизаций);
- определение будущей архитектуры миропорядка — противоречие между однополярным и многополярным миром;
- кульминация мировой истории — финальная стадия становления западной модели глобальной доминации, столкнувшейся с фундаментальным кризисом;
- политэкономический макроанализ, построенный на фиксации коллапса мирового капитализма;
- и наконец, религиозная эсхатология, описывающая «последние времена» и присущие им конфликты, столкновения и бедствия, а также феноменологию прихода Антихриста.

Все остальные факторы — политический, национальный, энергетический, ресурсный, этнический, правовой, дипломатический и т.д., при всем их значении, второстепенны

и играют подчиненную роль. По меньшей мере, они ничего не объясняют и не проясняют по существу.

Поместим СВО в шесть выделенных нами теоретических контекстов, каждый из которых представляет собой целые дисциплины. Этим дисциплинам ранее уделяли мало внимания, предпочитая им более «позитивные» и «точные» области исследований, поэтому многим они могут показаться «экзотическими» или «иррелевантными». Но для осмысления по-настоящему глобальных процессов необходима значительная дистанция по отношению ко всему частному, локальному и детальному.

СВО В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИКИ

Вся геополитика построена на рассмотрении извечного противостояния цивилизации Моря (талассократии) и цивилизации Суши (теллурократия). Яркими выражениями этих начал в древности были противостояния сухопутной Спарты и портовых Афин, сухопутного Рима и морского Карфагена.

Обе цивилизации различаются не только в стратегическом и географическом смысле, но по своей главной ориентации: сухопутная Империя основана на сакральной традиции, долге и иерархической вертикали во главе со священным Императором. Это цивилизация духа. Морские державы представляют собой олигархии, торговый строй, с доминантой материально-технического развития. По сути, это пиратские государства. Их ценности и традиции условны и постоянно меняются — как сама морская стихия. Отсюда свойственный им прогресс — особенно в материальной сфере, и напротив, постоянство уклада и преемственность цивилизации Суши, вечного Рима.

По мере того как политика становилась глобальной и захватывала всю территорию земного шара, эти две ци-

вилизации окончательно приобрели пространственное воплощение. Ядром цивилизации Суши стала Россия-Евразия, а полюс цивилизации Моря закрепился в зоне англосаксонского влияния — от Британской Империи к США и блоку НАТО. Именно так геополитика видит историю последних столетий. Российская Империя, СССР и современная Россия наследуют эстафету цивилизации Суши. В контексте геополитики Россия и есть вечный Рим, Третий Рим. А современный Запад — классический Карфаген.

Распад СССР стал важнейшей победой цивилизации Моря (НАТО, англосаксов) и страшной катастрофой для цивилизации Суши (России, Третьего Рима).

Талассократия и теллурократия как два сообщающихся сосуда, поэтому те территории, что вышли из-под контроля Москвы, стали переходить под контроль Вашингтона и Брюсселя. Прежде всего это коснулось Восточной Европы и отколовшихся от СССР прибалтийских республик. Дальше настал черед постсоветских государств. Цивилизация Моря продолжала великую войну континентов с главным врагом — цивилизацией Суши, пережившей удар, но не рухнувшей совсем. При этом поражение Москвы привело к тому, что в самой России в 90-е установилась колониальная система — атлантисты наводнили государство своими агентами, поставленными на высшие позиции. Так сложилась современная российская элита, продолжение олигархии, система внешнего управления со стороны цивилизации Моря.

Ряд бывших советских республик стал готовиться к полной интеграции в цивилизацию Моря. Другие следовали более осторожной стратегии и не спешили рвать с Москвой исторически сложившиеся геополитические связи. Так образовались два лагеря: евразийский (Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Армения) и антлантистский (Украина, Грузия, Молдова, Азербайджан). Азер-

байджан, впрочем, отошел от этой крайней позиции и стал сближаться с Москвой.

Именно это привело к событиям 2008 года в Грузии, а затем после пронатовского переворота на Украине в 2014 — к отделению Крыма и восстанию на Донбассе. Часть территорий новообразованных единиц не хотела присоединяться к цивилизации Моря и восстала против такой политики, ища поддержки у Москвы.

Это и привело к началу СВО в 2022 году. Москва как цивилизация Суши достаточно усилилась, чтобы вступить в прямую конфронтацию с цивилизацией Моря на Украине и переломить тенденцию усиления талассократии и НАТО в ущерб теллурократии и Третьему Риму. Так мы пришли к геополитике сегодняшнего конфликта. Россия как Рим бьется с Карфагеном и его колониальными сателлитами.

При этом новым в геополитике является то, что Россия-Евразия не может сегодня выступать как единственный представитель цивилизации Суши. Отсюда концепция «распределенного Хартленда». Полюсами цивилизации Суши в новых условиях становятся не только Россия, но и Китай, Индия, исламский мир, Африка и Латинская Америка. Более того, если допустить крах цивилизации Моря, то и западные «большие пространства» — Европа и сама Америка — могут превратиться в соответствующие «Хартленды». В США к этому почти открыто призывают Д. Трамп и республиканцы, опирающиеся как раз на красные, внутриконтинентальные Штаты. В Европе интуитивно к такому сценарию тяготеют популисты и сторонники концепта «крепость Европа».

СВО В КОНТЕКСТЕ СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Чисто геополитическому подходу соответствует цивилизационный. Но, как мы видели, адекватное понимание самой

геополитики уже включает в себя цивилизационное измерение.

На уровне цивилизаций в СВО сталкиваются два главных вектора:

- либерально-демократический индивидуализм, атомизм, доминация материально-технического подхода к человеку и обществу, упразднение государства, гендерная политика, по сути отменяющая семьи и сам пол, а в пределе — переход к правлению Искусственного Интеллекта (все это называется «прогрессизмом» или «концом истории»);
- верность традиционным ценностям, цельность культуры, превосходства духа над материей, сохранение семьи, державы, патриотизм, сохранение многообразия культур и, в конце концов спасение самого человека.

Западная цивилизация после поражения СССР придала своей стратегии особенно радикальный характер, настаивая на том, чтобы финализировать — причем немедленно! — свои установки. Отсюда насильственное навязывание гендера, дегуманизации (ИИ, генная инженерия), глубинной экологии, разрушающих государства «цветных революций» и т.д. Причем западная цивилизация открыто отождествила себя со всем человечеством, призывая все культуры и народы немедленно идти вслед за собой. При этом это не предложение, а приказ, своего рода категорический императив глобализации.

В какой-то степени влияния современной западной цивилизации затронули все общества. В том числе и наше, где с 90-х годов в качестве доминирующего утвердился именно западнический либеральный подход. Мы приняли либерализм и постмодернизм как своего рода операционную систему и не смогли толком от нее освободиться, несмотря на 23 года суверенного курса В. В. Путина.

Но сегодня прямой геополитический конфликт с НАТО и коллективным Западом обострил и это цивилизационное

противостояние. Отсюда обращение В. В. Путина к традиционным ценностям, отвержение либерализма, гендерной политики и т.д.

И хотя в полной мере это еще не осознанно нашим обществом и нашей правящей элитой, СВО представляет собой прямое лобовое столкновение двух цивилизаций: постмодернистского либерал-глобалистского Запада и традиционного общества, представленного Россией, и теми, кто занимает как минимум определенную дистанцию по отношению к Западу.

Так война переходит на уровень культурной идентичности и приобретает глубинный идеологический характер. Она становится войной культур, ожесточенным противостоянием Традиции против Модерна и Постмодерна.

СВО В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ МЕЖДУ ОДНОПОЛЯРНОСТЬЮ И МНОГОПОЛЯРНОСТЬЮ

С точки зрения архитектуры мировой политики СВО является тем топосом, в котором определяется, будет ли мир однополярным или станет многополярным

Победа Запада над СССР завершила эпоху двухполюсной организации мировой политики. Один из двух противоборствующих лагерей распался и сошел со сцены, а другой остался и объявил себя главным и единственным. В этот момент Ф. Фукуяма и провозгласил «конец истории».

На уровне геополитики, как мы видели, это соответствовало решительной победе цивилизации Моря над цивилизацией Суши. Более осторожные специалисты в Международных Отношениях (Ч. Краутхаммер) назвали сложившуюся ситуацию «однополярным моментом», подчеркивая тем

самым, что образовавшаяся система имеет шанс стать устойчивой, то есть собственно «однополярным миром», но может не удержаться и уступить место другой конфигурации. Именно это и решается сегодня на Украине: победа России будет означать, что «однополярный момент» необратимо завершен и многополярность наступила как нечто необратимое. В противном случае у сторонников однополярного мира любой ценой появится шанс как минимум оттянуть свой конец.

И здесь снова следует обратиться к геополитической концепции «распределенного Хартленда», которая вносит в классическую геополитику важную поправку: если цивилизация Моря сегодня консолидирована и представляет собой нечто одно, планетарную систему либерального глобализма под стратегическим лидерством Вашингтона и командованием НАТО, то, хотя напрямую противоборствующую цивилизацию Суши пока представляет собой только Россия (что отсылает к классической геополитике), Россия бьется не только за себя, но за сам принцип Хартленда, признавая правомочность и других цивилизаций быть самостоятельными полюсами, иметь свои системы традиционных ценностей, свой суверенитет.

Поэтому Россия и олицетворяет собой многополярное мироустройство, в котором Западу уделяется роль лишь одного из регионов, одного из полюсов, не имеющего никакого основания навязывать свои критерии и ценности как нечто универсальное.

СВО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Однако современная западная цивилизация является результатом того исторического вектора, который сложился в Западной Европе с начала Нового времени, эпохи Модерна.

Это не девиация и не эксцесс. Это логический финал общества, вставшего на путь десакрализации, дехристианизации, отвержения духовной вертикали, на путь атеистического человека и материального преуспеяния. Именно это и называется «прогрессом», и такой «прогресс» включает в себя полное отвержение и уничтожение ценностей, устоев и принципов общества традиционного.

Последние пять веков западной цивилизации — это история борьбы Модерна против Традиции, человека против Бога, атомизма против целостности. В каком-то смысле это история борьбы Запада и Востока, поскольку современный Запад и стал воплощать в себе «прогресс», а остальной мир, прежде всего Восток, напротив, воспринимался как территория Традиции, сохранившегося сакрального уклада.

Модернизация по западному образцу была неотъемлемо сопряжена с колонизацией, ведь те, кто вводил свои правила игры, и следили за тем, чтобы они работали только в их пользу. Так постепенно весь мир оказался под влиянием западного Модерна, и с какого-то момента уже никто не мог позволить себе усомниться в оправданности такой «прогрессистской» и глубоко западоцентрической картины мира.

Современный западный либеральный глобализм, сама атлантистская цивилизация, её геополитическая и геостратегическая платформа в форме НАТО и в конце концов сам однополярный миропорядок — это кульминация исторического «прогресса», как его расшифровывает сама западная цивилизация. И именно такой «прогресс» и оказывается поставленным под вопрос ведением СВО. Если мы столкнулись с пиком исторического движения Запада к той цели, которая была намечена еще 500 лет назад и оказалась почти достигнутой сегодня, то наша победа в СВО будет означать ни больше ни меньше как резкое изменение всего хода мировой истории. Запад шёл к своей цели, и на последнем этапе Россия сорвала эту историческую миссию, превратила универсализм по-запад-

ному понятого «прогресса» в локальное частное региональное явление, отняла у Запада право на то, чтобы олицетворять собой человечество и его судьбу.

Вот что стоит на кону и что решается сегодня в окопах СВО.

СВО В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА

Современная западная цивилизация является капиталистической. Она основана на всевластии капитала, доминации финансов и на банковском проценте. Капитализм стал судьбой современного западного общества с того момента, когда оно порвало с Традицией, отвергающей одержимость материальными сторонами бытия, а подчас и строго ограничивающей некоторые экономические практики (например, процентный рост) как нечто глубоко безбожное, несправедливое и аморальное. Только сбросив религиозные запреты, Запад смог полностью вступить в капитализм. Капитализм не отделим ни исторически, ни доктринально от атеизма, материализма и индивидуализма, которые в полноценной духовной и религиозной традиции вообще не допускаются.

Именно безудержное развитие капитализма и привело западную цивилизацию к атомизации, распылению, к превращению всех ценностей в товар и в конце концов к приравниванию самого человека к вещи.

Критически настроенные к современному Западу философы единодушно опознали в таком капиталистическом порыве цивилизации нигилизм. Вначале произошла «смерть Бога», а затем — вполне логично и «смерть человека», утратившего без Бога какое бы то ни было фиксированное содержание. Отсюда постгуманизм, ИИ и эксперименты по сращи-

ванию людей с машинами. Это — кульминация «прогресса» в его либерально-капиталистическом толковании.

Современный Запад — это триумф капитализма, достигшего своего исторического апогея. И снова отсылка к геополитике проясняет всю картину: цивилизация Моря, Карфаген, олигархический строй и были основаны на всевластии денег. Если бы Рим не победил в Пунических войнах, капитализм пришел бы на пару тысячелетий раньше. Лишь доблесть, честь, иерархия, служение, дух и сакральность Рима смогли остановить тогда попытку карфагенской олигархии установить свой мировой порядок.

Наследники Карфагена, англосаксы оказались более удачливыми и за последние пять веков смогли наконец-то осуществить то, что не удалось их духовным предкам: навязать человечеству капитализм.

Конечно, Россия сегодня даже отдаленно не представляет, что СВО — это восстание против мирового капитала и его всевластия.

А это именно так и есть.

СВО В КОНТЕКСТЕ КОНЦА ВРЕМЕН

Обычно мы смотрим на историю как на прогресс. Однако такой взгляд на сущность исторического времени укоренился совсем недавно — начиная с эпохи Просвещения. Можно сказать, что впервые законченную теорию прогресса сформулировал в середине XVIII века французский либерал Анн Робер Жак Тюрго (1727–1781). С тех пор она стала догмой, хотя изначально была лишь частью либеральной идеологии, разделяемой далеко не всеми.

С точки зрения теории прогресса современная западная цивилизация представляет собой его акме. Это общество, в котором индивидуум практически освобожден от всех

форм коллективной идентичности, то есть максимально свободен. Свободен от религии, этноса, государства, расы, сословий, даже от пола, а завтра — и от принадлежности к человеческому роду. Это последний рубеж, который призван взять прогресс. Далее, как утверждают либеральные футурологи, состоится момент Сингулярности, когда люди передадут инициативу развития Искусственному Интеллекту. Когда-то (согласно все той же теории прогресса) обезьяны передали эстафету человеческому виду, сегодня человечество, восходя на следующую ступень эволюции, готово передать инициативу нейросетям. Именно к этому напрямую ведет современный глобалистский Запад.

Но если отвлечься от либеральной идеологии прогресса и обратиться к религиозному мировосприятию, то мы получим совсем иную картину. Христианство, равно как и иные религии, видит историю мира как регресс, как удаление от рая. И даже после прихода Христа и триумфа Вселенской церкви должно наступить время отступничества (апостасии), тяжелых испытаний и прихода Антихриста, сына погибели. Этому суждено случиться, но верующие призваны даже в таких крайне тяжелых условиях стоять на своей истине, оставаться верными Церкви и Богу и противостоять Антихристу. То, что для либерала «прогресс», для христианина не просто «регресс», а дьявольская пародия.

Последняя фаза прогресса — тотальная цифровизация, миграция в метавселенную, отмена пола и преодоление человека с передачей инициативы искусственному интеллекту — в глазах верующего любой традиционной конфессии есть прямое подтверждение того, что Антихрист пришёл в мир. И это его цивилизация.

Так мы получаем еще одно измерение СВО, о котором все чаще напрямую говорят и Президент России, и Министр Иностранных Дел, и секретарь Совета Безопасности, и глава СВР, и другие высокопоставленные лица Рос-

сии, казалось бы, довольно далекие от любой мистики или профетизма. Но это именно так: они утверждают чистую истину, которая соответствует взгляду традиционного общества на современный западный мир. И речь идёт на сей раз не о метафоре, которой противостоящие стороны конфликта и ранее подчас награждали друг друга. Теперь это нечто большее. Никогда западная цивилизация даже в Новое время не была так близка к прямому и откровенному воплощению царства Антихриста. От религии и её истин Запад отказался уже давно, перейдя к агрессивному секуляризму и атеистическому материалистическому мировоззрению, взятому отныне за абсолютную истину. Но никогда еще он не покушался на саму природу человека, не лишал его пола, семьи, а вскоре и самой человеческой природы. 500 лет назад Западная Европа встала на этот путь построения общества без Бога и против Бога, но кульминации этот процесс достиг только сейчас. Именно в этом и состоит религиозно-эсхатологическая сущность тезиса о «конце истории». По сути, это высказанная на языке либеральной философии декларация о состоявшемся приходе Антихриста. По меньшей мере, именно так это выглядит в глазах людей религиозных конфессий, относящихся к традиционному обществу.

СВО — это начало эсхатологической битвы между священной традицией и современным миром, который именно в форме либеральной идеологии и глобалистской политики достиг своего наиболее зловещего, токсичного, радикального выражения. Именно поэтому все чаще мы говорим об Армагеддоне, последней решающей битве между армиями Бога и сатаны.

РОЛЬ УКРАИНЫ

На всех уровнях нашего анализа выясняется, что роль самой Украины в этом фундаментальном противостоянии, как бы мы его ни трактовали, с одной стороны, является ключевой (она и есть поле Армагеддона), а с другой — никаким самостоятельным субъектом киевский режим даже отдаленно не является. Это лишь пространство, территория, где сошлись две глобальные космические абсолютные силы. То, что может показаться локальным конфликтом, основанным на территориальных претензиях, на поверку является чем-то совершенно иным.

До самой Украины дела нет ни одной из сторон. Ставки гораздо выше. Так случилось, что России уготована в истории мира особая миссия: встать на пути цивилизации чистого зла в критический момент мировой истории. И, начав СВО, руководство России эту миссию на себя взяло. Граница же между двумя онтологическими армиями, граница между двумя базовыми векторами истории человечества проходит как раз по территории Украины. Ее власти встали на сторону дьявола: отсюда все те ужасы, террор, насилие, ненависть, свирепые репрессии против церкви, вырождение и садизм Киева. Но зло глубже, чем эксцессы украинского нацизма: его центр за пределом Украины, и силы Антихриста просто используют украинцев для достижения своих целей.

Народ же Украины оказался разделенным не только по политическим границам, но и в духе. Одни встали на сторону цивилизации Суши, Святой Руси, на сторону Христа. Другие — на противоположную. Так общество раскололось по самой фундаментальной эсхатологической, цивилизационной, и одновременно геополитической границе. Так сама земля, бывшая колыбелью Древней Руси, нашего народа, стала областью великой битвы, еще более значительной и масштабной, чем мифическая Куракшетра, о которой идет

речь в индуистской традиции. Но силы, которые сошлись на этом поле судьбы, столь фундаментальны, что многократно превосходят любые межнациональные противоречия. Это не просто раскол украинцев на русофобов и русофилов, это раскол человечества по гораздо более принципиальным основаниям.

Варава
Владимир Владимирович
философ, доктор философских наук, профессор

ПАЦИФИЗМ КАК ЭВТАНАЗИЯ

«Русский солдат для меня святыня»
Андрей Платонов

Любое время катастрофично. Эта, в общем-то, банальная констатация не перекрывает часто возникающего ощущения, что беды и несчастья какого-то одного периода исключительны и беспрецедентны, что именно здесь и сейчас произошел какой-то невероятный ужас, которого никогда не было в прошлом и уж точно не случится в будущем. В действительности исключительны лишь исторические обстоятельства, в которых происходят катастрофы. Сами же катастрофы, увы, не исключительны, несмотря на все старания ликвидировать их. Такова золотая мечта человечества: устранить препятствия, мешающие счастливой, то есть сытой и безопасной жизни.

Это законное и вполне разумное желание, часто становящееся политическим требованием, всегда наталкивается на непреодолимое препятствие. Катастрофизм, катастрофичность присущи основам жизни и истории. Этимология самого слова восходит к смерти как неизбежности. И нужно иметь хотя бы немного ума и совести, чтобы понять, что катастрофа — это не нечто неожиданное, вдруг обрушивающееся на такой прекрасный, гуманный и, как представляется многим, вечный мир. Это не то, что можно было бы, предсказав, пре-

дотвратить, вовремя приняв меры. Ретроспективно возможно все; и люди, уверенные в своем всемогуществе, строят новые грандиозные проекты, простодушно забывая грозное, но справедливое библейское вопрошание-предупреждение: «Зачем мятутся народы, и племена замышляют тщетное?»

В современном сознании смерть и катастрофа разъяты: не всякая смерть воспринимается как катастрофа, и не всякая катастрофа ведет к смерти. И все же это одно и то же; настоящая катастрофа всегда приводит к смерти; и всякая, даже самая, как бы нам ни казалось, ничтожная и незначительная смерть — катастрофа. Среди неизменных катастроф, воспроизводящихся с такой же регулярностью и постоянством, как и сам человеческий род, войне принадлежит особо зловещая роль. Она относится к такому роду событий жизни, которые не просто подрывают и в итоге уничижают ее, но способны совершить нечто худшее — разрушить веру в разумный миропорядок, в смысл бытия, в благо существования. И если бы не было метафизического горизонта надежды, который свидетельствует о неокончательности наших скорбей и печалей, нашего непонимания и недоумения, нашей предельной тоски и отчаяния, то люди вряд ли смогли бы жить, рожать детей, заниматься хозяйством и всеми повседневными делами. Тем более создавать нетленные ценности, творить вечные произведения и совершать бессмертные подвиги.

Одних инстинктов воли к жизни и страха смерти для такого духовного существа, как человек, мало. Никакая эволюционистская теория не в силах объяснить загадку человека. Он может легко, без всяких психотерапий, преодолеть страх смерти и расстаться с жизнью, и воля к жизни может зачахнуть враз также по совершенно ничтожным причинам. Инстинкты не главное. И. А. Ильин говорил о духовных инстинктах, и это ближе к истине. Действительно, без всякой романтизации и идеализации можно сказать, что человек жив духом и смыслом. И если силен в нем дух, то он мо-

жет выдержать любое испытание, любую муку и страдание, находя в них смысл. Война и смерть бросают вызов духу и смыслу. Можно ли, не впадая в софистику и казуистику, в моральную схоластику, найти достойный ответ на разумных нравственных основаниях?

Философия, собственно говоря, всегда это и делала. По крайней мере, русская точно. Всегда война и смерть, всегда человек недоумевает, вопрошает и скорбит. Всегда рушатся все его планы и проекты, но жизнь все-таки продолжается. Вопреки всему, несмотря ни на что. И возникает иллюзия нормальности, появляется беспечность, позволяющая не столбенеть от «ужасов жизни», а заниматься самыми простыми вещами. Но

философия всегда на страже, она всегда «на линии фонта» в самое «мирное» время, всегда принимает смертельный бой и не дает забыть о смерти.

И это не призыв к смерти, это указание на странную конфигурацию бытия, в которой смерть не посторонний жизни — нелепый и ужасный — факт, который желательно избежать, по крайней мере никогда о нем не думать, но нечто, без чего жизнь невозможна. И философия заставляет думать, почему есть жизнь и есть смерть, соположение которых в одном пространстве отнюдь не естественно и не закономерно.

Но это совсем не та философия, которую интересуют «наиболее общие» законы природы, закономерности общественного развития, способы познания мира и формы их адекватного выражения. Это философия, которая устремлена в самые глубокие, страшные и непостижимые бездны зла, ужаса и смерти, которые прожигают любое, как кажется, самое надежное, безопасное и комфортное существование. Та философия, которая расшатывает устои в поисках ис-

тины, истины, ради которой можно жить, потому что ради нее стоит умереть. Такая философия способна проникнуть в адскую тьму проклятой загадки человеческого существования, чтобы увидеть райский свет благодати и смысла. Эта философия прикасается к бытию, которое есть тайна бытия. И она нам говорит, что мы никогда до конца не постигнем смысла нашей жизни и смерти, смысла нашего присутствия и ухода. Такая философия всегда будет озарять метафизическим светом все наши предельные состояния, в свете которых появляется возможность осознавать нечто, достойное нашего трагического и одновременно великого человеческого удела.

Свет философии проливается и на смерть, и на войну: от Гераклита до Ницше, Шпенглера, Хайдеггера и русских философов проходит фундаментальная идея жизни в свете войны и смерти. Ситуация с войной такая же, как и со смертью: самое понятное есть самое непостижимое. Несмотря на очевиднейшую биологическую эмпирику смерти и такую же политико-экономическую эмпирику войны, они остаются совершенно закрытыми (герметичными и апофатичными) феноменами в своей сущности. Всегда задним числом можно найти «причину смерти» так же, как и «причину войны». Патологоанатомы и политологи находятся в одинаковом положении: они все знают о войне и смерти. Только вот когда приходят смерть и война, то ужас охватывает самые искушенные умы и бессилие парализует самые отчаянные души. И уж тем более никогда никому не удавалось предотвратить смерть и войну. Пацифизм так же беспомощен, как и иммортализм; эти благодушные утопии способны нанести гораздо больше вреда, чем то, с чем они борются.

Трансцендентная непостижимость войны и смерти не отменяет, однако, необходимости философского осмысления этих явлений в контексте духовной ситуации времени. Поняв, что произошло с человеком, в каком состоянии готовности/неготовности его застигла война, можно понять

те реакции, которые сегодня имеют место быть. Военно-политические измерения СВО уходят своими истоками в метафизику, в ту область, где идеи ведут непримиримую борьбу, оказывая влияние на мир, оставляя в нем свои следы. И всегда требуется философский инструментарий и для понимания этих метафизических истоков, и для расшифровки их следов. По сути дела, сейчас нужна этическая и метафизическая герменевтика войны.

Исследование промыслительного (метафизического, вертикального) измерения войны не есть «оправдание войны», в котором сразу же упрекают тех, кто стремится духовно постичь происходящее. В либеральном медийном дискурсе сформировалось жесткое табу именно на философское осмысление войны в целом. Идейный контекст постсоветского периода выталкивает дискурсы войны и смерти как неприемлемые, деструктивные, тоталитарные формы мышления, подрывающие демократическое устройство общества. А за последний год информационное пространство до предела наводнилось пацифистскими лозунгами, что свидетельствует лишь об одном: о полном поражении либеральной идеологии.

Пацифизм, как и иммортализм, философски пуст; за благовидным предлогом борьбы за мир против войны (пацифизм) и борьбы за жизнь против смерти (иммортализм), кроме утопического благодушия, ничего нет. Нет понимания онтологических и этических оснований жизни и смерти, и поэтому нет должного отношения к войне и смерти. Именно такое искаженное, примитивное восприятие высших измерений бытия насаждалось в постсоветский период через либеральную повестку, прежде всего, в образовании и культуре.

Что это за период в историософском измерении? Это самый короткий по историческим меркам эпизод в историческом бытии России, за который, однако, произошла

наиболее сильная деформация национальных ценностей и святынь, приведшая чуть ли не к полной утрате национальной самобытности. Россия действительно подошла к смертельной черте, но не переступила через нее. И как всегда, чудесным образом, не постижимым никакими рациональными причинами, «Россия вспряла ото сна». Вот такая удивительная логика исторического, а вернее, сверхлогического, а-исторического существования России, в которую «можно только верить».

Многим эта смертельная опасность была очевидна в 90-е гг. XX в. Один из них — известный российский философ А.В. Гулыга, слова которого концентрированно фиксируют суть произошедшего в нашей стране после падения Советского Союза: «Нынешняя демократизация выглядит как дерусификация и американизация страны». Участник Великой Отечественной войны, занимавшийся после Победы денацификацией деятелей немецкой культуры в Берлине, уже в конце жизни увидел, что происходит с его страной, страной, которая победила фашизм, совершив самый невероятный подвиг в истории человеческой цивилизации. И поэтому в качестве духовного послания его последняя книга «Русская идея и ее творцы» — самая сильная книга автора о России, русской философии, сокровенной русскости, смысл которой – в спасении. В спасении мира от зла и неправды, которыми он зарастает в ходе своей всегда неправедной истории.

Дерусификация, которая и есть американизация, привела к забвению Абсолютов, забвению той ценностной парадигмы, которой всегда была жива Россия, в том числе коммунистическая. По-другому это можно назвать измельчанием духа, произошедшим в результате рыночно-либеральных реформ. На самом деле никаких реформ не было, но для извечных врагов России появился шанс лишить страну своей национальной самобытности. В качестве методологии

была выработана тактика повтора тех процессов духовной деградации, которые произошли на Западе и были выражены в главных установках постмодернистской идеологии. Игровое-ироничное отношение к реальности, кощунство над мета-нарративными, в нашем случае над святынями (религиозными и нравственными), формирование жизненной установки на комфорт и потребление, исключение этико-экзистенциального переживания из мировосприятия, осмеяние страдания как садо-мазохистского комплекса, невежество по отношению к метафизическим законам, проявляющимся и в социально-политической сфере, — все это делает понятной ту реакцию истерики, озлобления и проклятий, которая характеризует либеральное сознание, столкнувшееся с такой крайне непонятной и неприятной реальностью для него, как СВО. И многие еще находятся сегодня во власти именно этих первичных, низовых реакций — непродуктивных, вредных и бессмысленных. И для этого уровня, конечно, рано говорить о герменевтике войны, необходимо начинать с философско-религиозной пропедевтики, чтобы увидеть метаэмпирические масштабы этого события.

Эта пропедевтика не есть раскрытие основ философии войны, того, что философы думали о войне. Это более поздний этап. Первоначально необходимо найти нижние границы происходящего ныне, его духовное «дно». Любая экзистенциально-жесткая человеческая ситуация — это *библейская ситуация* — ситуация грехопадения, изгнания из Эдема, предательство Авеля Каином и начало человеческой истории в том виде, в котором она и существует до нынешнего времени и меняться не собирается.

Человеческая история — это драма грехопадения, в которой такие «злые» вещи, как смерть, война и предательство, являются «нормой», а не «аномалией». Но *патологической нормой*, поскольку грех — это патология. Этот библейский контекст нужен для того, чтобы избавляться от розоволи-

беральных, пацифистских иллюзий и утопий о том, что мир может быть таким, каким он представляется нашим желаниям и мечтам. Роль философии здесь не в том, чтобы подтверждать или опровергать истинность библейского сюжета, а в том, чтобы помочь вникнуть в его извечную сущность и ужаснуться: время идет, а ничего не меняется. И как беспомощен человек со всеми своими фантастическими технологиями и научно-техническим прогрессом перед всесокрушающей и безжалостной природной стихией, так же он беспомощен перед не менее безжалостной социальной стихией войны. Но именно в этой немощи — источник силы, позволяющей не просто жить и выживать, но быть человеком и вести подлинную человеческую жизнь.

Во многом утопия, а пацифизм — это безусловно утопия, возникает из игнорирования, недооценки, непонимания бытийного удела человека, в самых основных моментах раскрытого в библейском контексте. Это не вопрос о вере/неверии в религиозном плане; в данном случае это вопрос о принятии/непринятии, понимании/непонимании человеческой ситуации в философском смысле. Именно об этой философии и шла речь выше, о философии, для которой важно, прежде всего, положение человека в бытии. Это положение одновременно *таинственно и трагично*; таинственно, поскольку не может быть разрешения онтологической загадки — почему нечто, а не ничто; и трагично, поскольку лишь человек силой духа может предстоять бездне ничто (злу и смерти) и роковой загадке существования. Трагизм в этом смысле — это не «трагическая» ситуация, но величие человека, способного достойно ее встречать.

Следующий историко-философский контекст, необходимый для более точного понимания того, что с нами происходит уже достаточно долгий период, уходит в античное время, в котором с помощью аналитики М. Хайдеггера четко вырисовываются истоки современного кризиса. Этот

исток – в «забвении бытия», когда произошло «роковое падение философии в науку и веру», которое связано с забвением досократовской философской традиции, традиции явленности бытия (алетейи) и появлением рационализма. Вопрос о бытии был вытеснен вопросом о познании бытия. Парадокс в том, что это свершилось в рамках философии, той формы человеческого духа, которая впервые соприкасается с чудом бытия в самом чистом и непосредственном виде, и поэтому в дальнейшем она стала отождествляться с рациональным мышлением как таковым.

Онтологическая оптика оказалась поврежденной привнесением в нее лишней и чуждой философии задачи познавать, исследовать, анализировать все, что попадает в поле зрения созерцателя, становящегося практиком. В этой онтологически искаженной парадигме формируются и гносеологические претензии на познание «сущности» (Бога, мира, природы, человека, вещей, истории), и социальные проекты (утопии), направленные на достижение прогресса и гармонии сообразно канонам познающего разума. В этом контексте создаются прогрессистские теории либерального типа, направленные на «улучшение» человеческой природы, социальных институтов и общественных практик. В итоге создается диктат евроцентричного (англо-американского) мира со своей системой ценностей, которая выдается за универсальную и силой навязывается остальному миру. То, что называют глобальным кризисом цивилизации, есть по существу кризис западного мира.

И ближайший контекст современной ситуации — это идея «смерти Бога», появившаяся во второй половине XIX века и во многом связанная с предшествующей ей традицией забвения бытия. «Смерть Бога» явилась не только знаком религиозного кризиса, кризиса христианского вероучения, как часто полагают христианские критики Ф. Ницше, чуть ли не обвиняя его самого в появлении этого кризиса,

но знаком распада фундаментальных духовных ценностей европейской культуры. Возникла духовная пустота, в которой погибли высшие ценности и смыслы, распалась сама иерархия ценностей, и воцарилась пошлая горизонталь, в которой определяющими стали законы социал-дарвинизма, сцепившие природный и социальный мир мертвой хваткой хищничества и корысти, которые можно регулировать лишь жесткими юридическими мерами. Право вытеснило мораль, цивилизация — культуру, толпа — индивидуальность, техника — человека, постчеловек — человека, трансгендер — мужчину и женщину. Именно тогда и появилось слово «кризис» по отношению к европейской культуре, а сам этот период стал именоваться «эпохой пустоты», в которой восторжествовал «ад серости», т.е. засилье пошлых обывательских ценностей — ценностей «цивилизованного» большинства.

Современную ситуацию можно описать как ситуацию «смерти человека», наступившую после «смерти Бога». От «смерти Бога» к «смерти человека» — такова траектория духовного кризиса европейской культуры. Культ современной культуры — это культ антропологического небытия, в котором ценность небытия оказывается выше ценности бытия, ценности человеческого бытия. Былое тождество блага и бытия сменяется на тождество блага и небытия. Собственно, это и есть *эвтаназийная культура*, в которой небытие оказывается благом, и это благо небытия угрожает человеку в его традиционном образе.

Человек подвергается сегодня смертельной опасности. И современная война — это *война против человека*, против его фундаментальной антропологии, базирующейся на традиционных духовных ценностях, на этике и метафизике. Метафизика сигнализирует о предельной тайне человека, этика — о его предельном трагизме. Борьба с человеком во многом выступает как борьба с его традиционным образом и традиционными ценностями, как борьба с тайной

и трагизмом. Поэтому на Западе культивируется и пропагандируется лишенное страданий технологизированное существование, но уже не человека, а постчеловека. Конечно, это утопия, но утопия, достижение которой сопровождается значительными моральными и материальными издержками.

Сегодняшняя война против России — это фундаментальная война против человека, поскольку именно Россия со своей глубинной антропоцентричной традицией философии и культуры является наиболее серьезным врагом для современной постчеловеческой цивилизации с ее новой постчеловеческой антропологией. Без всякого преувеличения современную западную цивилизацию можно назвать постчеловеческой, поскольку такие ее тренды, как трансгуманистическое и трансгендерное движения, санкционированы политически и культурно, и поэтому они являются важнейшей частью современной западной идеологии, борьба с которой расценивается как борьба с демократией со стороны «авторитарных» режимов.

Это фундаментальная подмена понятий современности: называние трансидеологии во всех ее разновидностях демократией. И это не просто подмена понятий, это сущностное искажение смысла этого понятия, поскольку такая вопиющая поддержка меньшинств противоречит принципам демократии в своей основе, так как нарушает базовые права большинства, то есть народа как такового. В этом плане важной является идея «великого русского исправления имен», инициатором которой выступил философ А.Ю. Коробов-Латынцев, призванная вернуть исконный смысл основополагающим ценностям человеческого существования[7]. Че-

[7] Коробов-Латынцев А. Ю. Великое исправление имен // Коробов-Латынцев А. Ю. Философ и война. О русской военной философии. М.: Изд. Дом «Русская философия», 2022. С. 231–234.

ловеческая ситуация — это ситуация постоянного затмения бытийных основ, и поэтому всегда необходима философская работа по очищению сознания и языка от «онтологических шлаков», которые накапливаются в результате всегда неправедной жизни.

Борьба с идолами как ложными идеями и есть философская война за идею истины, за саму истину. Истина есть — такова философская убежденность, на которой зиждется мир. Отрицание самой возможности истины, хранимой философией, создает условия для процветания различных идолов. В основе современного идола постчеловеческих антропологий лежит абсолютно ложная в своей сути идея трансгрессии — перехода животного в человека (и обратно) и перехода человека в технику (и обратно). Она основана на незнании и непонимании принципов фундаментальной антропологии и онтологии, согласно которым граница между миром человека и миром животных, с одной стороны, и миром человека и миром техники, с другой, непроходима[8]. Это онтологическая бездна, преодолеть которую можно лишь фантастически или утопически.

Но самая главная причина появления постгуманизма лежит не в области незнания и непонимания онтологических законов, но в морально-психологической, духовной и экзистенциальной. Это усталость быть человеком, порождающая «новую этику» — этику неприятия человека, его фундаментальных экзистенциалов и нравственных констант[9]. Прежде всего, это смерть и сама смертность и связанные с ней старость, болезнь, немощь и хрупкость человека, сопровождаемые страданиями. Изгнание страдания — ги-

---

[8] Ростова Н. Н. Мягкая сила постгуманизма. Что нам мешает мыслить по-русски? М.: Проспект, 2022.

[9] Варава В. В. Усталость быть человеком // Русская философия в России и мире. М.: ОД «Русская Философия», 2019.

пертрофированный гедонизм современной эвтаназийной культуры. Это новая фаза экзистенциального кризиса, эпоха пустоты — экзистенциальный вакуум, дошедший до предельного уровня.

«Эвтаназийный тип» культуры и основанной на ней жизни означает не эвтаназию в прямом смысле как безболезненное умирание, «хорошую смерть» терминального больного, но и саму безболезненную жизнь, лишенную не только страданий, но нравственных переживаний и философской рефлексии. В конечном счете, это иммортологическая утопия вечной молодости, биотехнологического преодоления старости, болезни и смерти. И поэтому на Западе такая развитая танатологическая индустрия — биоэтика, медийная смерть, трансгуманизм, иммортология, трансгендер, биотехнологии, в основе которых профанация и десакрализация смерти, а значит, профанация человека, нравственного смысла его бытия.

Эвтаназийная культура не знает нравственных переживаний и философских размышлений о нравственной сущности жизни: не смысл жизни, но наслаждение жизнью, максимальное избавление от страданий — ценностная доминанта ситуации «усталости быть человеком», ситуации «после смерти человека». Всего лишь один пример: работа К. Вудворда «Отрицание ада», о том, как в современной американской культуре проявляется гедонистическое отношение к посмертной судьбе. Здесь нет ада, так как нет греха, нет вины и покаяния; все это рудименты «комплекса неполноценности». Посмертное бытие — это продолжение земной жизни как сплошного потока удовольствия с сохранением высокого материального уровня.

Что препятствует такой жизни?

Смерть, несущая не только страх и ужас, но и моральные чувства вины и ответственности, мешающие гедонизму существования. И, конечно, война как радикальный

экзистенциальный вызов. Она наносит самую сильную травму современному слабовольному изнеженному гедонисту, который больше всего боится потерять привычный комфорт существования. Состояние войны есть состояние смерти; они связаны на глубинном уровне. Будучи небытийными формами, парадоксальным образом именно война и смерть придают бытию последнюю достоверность и подлинность. Осмыслить это невозможно в рамках одномерной либерально-пацифистской идеологии; здесь необходим иной опыт, иной взгляд, иное переживание и чувствование, включающее понимание истории как трагической катастрофы, в которой жизнь через смерть, добро через зло, мир через войну.

Война имеет также и свой особый экзистенциальный смысл. Бой, согласно А. П. Платонову, невероятное ускорение жизни. Война — всей жизни. Мирное время, время «суеты сует и томления духа», когда однообразная череда дней и лет тянется бесконечно в скучном однообразии. Люди, изнывая от пресыщенности, не знают, как «убить время», придумывают разные изощренные и извращенные развлечения. В мирное время расцветают самые невероятные человеческие пороки и патологии; от изобилия и достатка — смертельная скука, депрессии и суицид.

Война разом прекращает эту унылую течку времени из ниоткуда в никуда, сразу появляется целое и цель, смысл, высшие ценности. Жизнь становится иной. В смертельной схватке она добывает смысл, которым будет жить в мирное время, будет жить и тратить его. И так до следующей войны, пока «суета сует» не доведет до отчаяния, пока этот смысл не будет вытрачен. И у смысла свой «срок годности».

«Вечный мир» — не меньшая утопия, чем «бессмертный мир». Мир добывается кровью, он стяжается в муках и страданиях, на поле брани. «Кровь мучеников — семя Церкви» — говорил Тертуллиан. Перефразируя слова ран-

нехристианского апологета, можно сказать, что кровь героев — семя мира. Это трагический парадокс человеческого существования, парадокс, который можно понять лишь мужественным стоическим духом, без иллюзий, без ропота, без страха и трепета. И тогда, возможно, откроется высший трансцендентный смысл происходящего.

Современный пацифизм есть ничто иное как уход от «ужаса войны», в действительности — от ужаса жизни, самой жизни, в которой ужас — не «ужасное», а самая глубокая основа жизни. Ужасом приоткрывается ничто, говорит М. Хайдеггер, и тогда человеку вручается миссия стать хранителем бытия, будучи заместителем ничто. И уход от этого есть эвтаназия духа или моральная атрофия. Это и есть постчеловек, который перестает быть хранителем бытия, становясь биологическим приложением к иммортологическому цифровому миру. С точки зрения научного осуществления — это сциентистская утопия, с точки зрения нравственности — полный крах человека. Само мышление в этом направлении уже свидетельство духовного заката, ибо где сокровища, там и сердце.

Апологет Иустин Философ в «Разговоре с Трифоном иудеем» так передает слова Христа: «В чем застану, в том и сужу». В оригинале, в Евангелии сказано так: «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш приидет». Это очень страшные, жесткие и даже жестокие, совершенно негуманные слова Христа, но абсолютно справедливые. Страшные они не просто для неверующих, они страшны для людей лицемерных, циничных, трусливых, подлых. Эти слова прежде всего по поводу смерти: вот почему церковь так настойчива относительно очистительного предсмертного покаяния. Но эти слова имеют глубокий нравственный смысл: страшный суд войны застает каждого человека неожиданно в том его состоянии, которое явилось результатом всей предшествующей жизни.

Дерусификация показала себя вполне. Как говорится, что посеешь… И потому такие разные реакции; каждый встречает это событие, обнажив свое моральное дно. Война распинает совесть, обнажает глубочайшие основы нашего существования, в которых гибнут иллюзии, утопии, желания «счастливой» жизни, и бытие раскрывает свою самую суровую сущность. И от «ужаса войны» гедонист убегает в самую для себя надежную эвтаназию — в пацифизм. Современный пацифизм как «отрицание войны» есть в действительности отрицание мира и человека, невозможность принять войну в мире и смерть в человеке. Иначе, пацифизм — это конструирование реальности, в которой умерщвлены все смертельные, а значит подлинные проявления жизни. Это и есть духовная эвтаназия — безболезненное несуществование в несуществующем мире.

К тому же в основе современного либерального пацифизма, отравленного ядами русофобии, — желание поражения и гибели России. Только в этой стихии современный «пацифист» может чувствовать себя надежно.

Россия — страна, миссия которой — спасение мира, история которой — война.

Таков трагический парадокс нашей жизни, жизни, конечно, неустроенной, всегда на краю, над бездной, в пограничной ситуации. Но зато настоящей, выкованной в смертельной схватке с небытием. И русская философия, конечно, отвечает на небытийный вызов, отвечает всем своим строем, всей своей сутью. И отвечает преимущественно не из кабинетов, а всем своим опытом «Иова многострадального».

Первыми, кто почувствовал бесплодность одних лишь моральных осуждений войны, были Ф. М. Достоевский и В. С. Соловьев. Войну нужно осмыслять не из поверхностной одномерной бинарной оппозиции: мир — хоро-

шо, война — плохо; но из человеческой ситуации, из ее нравственно-онтологических основ, из сути самого бытия. Это не социальный, но онтологический слой проблемы. И методология русской философии, касающаяся не только войны, но и политики, экономики, образования, культуры в целом, исходит из антиномий бытия, а не из противоречий социума. Русская философия поэтому метафизична, даже наиболее социальные темы находят в ней осмысление через метафизическую оптику. Иначе не понять ни имяславие, ни софиологию смерти С. Н. Булгакова, ни аритмологию Н. А. Бугаева и П. А. Флоренского, ни общее дело Н. Ф. Федорова, ни метафизику любви и пола В. С. Соловьева и В. В. Розанова, ни парадоксальную этику Н. А. Бердяева, ни умозрение в красках Е. Н. Трубецкого, ни смысл жизни С. Л. Франка, ни «веховскую критику» либеральной интеллигенции и т.д. И, конечно же, не понять того, что русские философы говорили о войне.

Русские мыслители показали пагубные крайности пацифизма и милитаризма, выбрав не просто «золотую середину», но раскрыв глубочайший трагический смысл войны, не только ее «ужасы» — убийство, гибель, разруху, насилие, жестокость, зверства, но и ее светлую сторону, выводящую в иные измерения, где вершатся судьбы человечества. Последнее особенно трудно, но без этого формируется одномерный и банальный взгляд, просто отрицающий войну.

В творчестве А. П. Платонова, в его военных рассказах выражено исконно русское отношение к войне. Одна очень важная цитата из рассказа 1944 г. «Три солдата»: «К войне, раз уж она случилась, русский человек относится не со страхом, а тоже со страстным чувством заинтересованности, стремясь обратить ее катастрофическую силу в творческую энергию для преобразования своей мучительной судьбы, как было в прошлую войну, или для сокрушения всемирно-исторического зла фашизма, как происходит дело в нынеш-

нюю войну. … Изо всех этих свойств натуры и характера русского человека, из особенностей его исторического развития рождается отношение к войне как к творческому труду, создающему судьбу народа. При этом человек не предается восторгу от труда войны, он терпит его лишь как необходимость, но и того бывает достаточно, чтобы испытывать постоянное спокойное счастье от сознания исполняемой необходимости».

Здесь значимо все, каждое слово. Автор говорит про войну: «раз она случилась»; в этом какой-то невероятный стоицизм, не занимающийся выяснением «причин», «виновных» и не рассуждающий на тему «можно ли было избежать». Здесь твердое и мужественное принятие неизбежности и неотвратимости события, в котором явлена высшая мудрость. Отношение к войне такое же, как к стихийному бедствию. Сказывается исконно русское народное: «пришла беда — отворяй ворота». И русскому неведом страх войны, не по-русски — это бояться войны и бежать от нее, спасая свою ничтожную и бездарную жизнь. Война как раз и дает шанс сделать свою жизнь достойной, обретя ту подлинность, которой никогда не хватало в «мирной» жизни.

И поэтому не страх, и это невероятно, а «страстное чувство заинтересованности» — вот она сверхрациональность, немыслимый парадокс, страшная для мира русскость, которую «умом не понять». И эта заинтересованность выполняет самую важную работу: обращает катастрофу в «творческую энергию» созидания и борьбы с мировым злом фашизма и с любым мировым злом. Но нет, конечно, никакой радости и восторга — лишь «спокойное счастье» от отношения к «войне как к творческому труду, создающему судьбу народа». А это и есть спасение мира, русская сотериология[10],

[10] Сотериология — богословское учение о спасении человека. Речь идет о христианском догмате о спасении души от вечных адских мук для Царства Божьего и последующего воскресения.

которая именно на войне достигает своего высшего напряжения и проявления.

Платонов в духе русской философии понимает нравственную сущность войны как очистительного этапа, предельного испытания народа, с которого должна начаться совсем другая, чем прежде, «более высшая жизнь» — «жизнь всерьез и без всякой игры». Война возвращает серьезность жизни, ее высшее измерение, которое в «мирной» жизни теряется. Потерялся он и в России за последние тридцать лет, когда активнейшим образом формировалась иронично-игровая парадигма жизни, в которой не просто скепсис и неверие в высшие начала, не абсурд, требующий хоть какого-то понимания, но культ наиподлейшего и нелепейшего существования. И российский либеральный пацифизм — это борьба против жизни и ее высшего смысла, борьба против святости и метафизики, против героизма и нравственности. На этом он заканчивается.

Отрицать войну так же нелепо как отрицать смерть, болезнь, старость, несправедливость — неизбежные константы трагического человеческого удела.

Понять войну не значит ее оправдать, и философия войны ни в коей мере не есть апология войны. Жизнь, увы, не то, что кажется обывателю, не обремененному трагической рефлексией над смыслом бытия. Русская философия войны как раз учит этому — нравственно честному, мужественному взгляду на человеческую жизнь. Это сегодня самое необходимое для всех сомневающихся, страшащихся и потерявшихся людей. Сейчас нужен Андрей Платонов и русские философы, писавшие о духовном и нравственном смысле войны, об отношении русского человека к войне, о поведении русского солдата на поле брани.

Итак, современная война — это борьба за человека, за бытие человека против постчеловеческого небытия, против лжи, фальши и лицемерия, которыми пронизан совре-

менный западный мир. Это возможность стать человеком, приняв на себя всю смертную тяжесть этого мира. Отказ от этой возможности через отрицание войны — это отказ от мира и человека. Иными словами, духовная смерть или эвтаназия духа — самая сильная примета нынешнего времени. В этом смысл современного «пацифизма» как эвтаназии духа, как окончательной капитуляции человеческого перед натиском нечеловеческого.

Опора на традиционные ценности, на русскую философию и литературу, в которых явлено самое сильное нравственное переживание бытия, несомненно, будет способствовать и обретению твердости духа, и прочной теоретической основы, необходимой для адекватного понимания происходящего. Либеральная идея в России потерпела крах; и сегодня ее остаточные явления пытаются утащить на дно возрождающийся национальный дух, стремятся по-прежнему очернить, осмеять великое прошлое страны, да и вообще все великое, что есть в мире, продолжая подлую игру уже сошедшего на нет постмодернизма. Но праведный гнев народа силен и страшен, он становится все более и более ощутим. И он, вопреки клеветникам, не даст России вновь погрузиться во тьму своего национального беспамятства.

И в заключение опять А. П. Платонов: «Трудно утешить эту женщину и нашу общую мать — Родину. Но наша любовь к своему живому народу и наша память о мертвых и замученных обращена яростью и мщением к убийце-врагу, она действует огнем и оружием. Наша ненависть к противнику питается нашей любовью к своему народу, и поэтому наша энергия мщения неистощима».

Секацкий
Александр Куприянович
философ, кандидат философских наук, доцент.

СТРОЙ ДУШИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ: ПРИНЦИПЫ ЕДИНОЙ ТОПОГРАФИИ

Если мы говорим об исправлении имён, имея в виду отчасти конфуцианский контекст, — все же сама эта идея связана исторически с именем Конфуция — то, например, даосская позиция состояла в том, что прежде всего должны быть соблюдены уместность и своевременность. Далеко не безразлично, насколько мы отклонимся от истинных имён вещей, но не менее опасна утеря внутренней иерархии той самой уместности и своевременности. Когда У. Шекспир вкладывает в уста Гамлета свою знаменитую фразу: *The time is out of joint* (Порвалась связь времён) или «Время сошло с петель» в переводе Ж. Деррида, мы понимаем, что сколь бы достойными ни были люди, как бы тщательно ни были продуманы их мысли, но, если они не на своих местах, и если разрушена последовательность речей, ничего хорошего из этого не выйдет.

Такая же ситуация возникает, когда правильная расстановка эйдосов, структур подчинённости и структур власти нарушается. Например, в знаменитом гегелевском диалектическом аттракционе «Господин и раб» видим, как господин, занимая командное положение в социальном и экзистенциальном смыслах, определяет бытие раба в качестве раба. Но дело при этом вовсе не сводится к одному

только «угнетению»: господин осуществляет свою экзистенциальную и историческую миссию во всей ее полноте. Он, практикуя высокомерие, сохраняет высокую человеческую мерку, предъявляя к проживанию высокие запросы, образцы достоинства и те эталоны человеческого в человеке, которые больше негде реализовать и накопить, кроме как на месте господина. Это и имеет в виду Аристотель, когда пишет в своей «Политике»: «Поэтому и господину, и рабу полезно одно и то же»[11].

Затем эти сохраненные экзистенциальные и психологические привилегии присваиваются теми, кому они становятся доступны, и в результате «низкомерие» большинства уступает место высокой человеческой мерке, то есть сокровища господина распределяются между теми, кто дерзнул на бунт и их смог экспроприировать. Г. Гегель далее переходит к описанию формации самосознания, но диалектика истории на этом не заканчивается. Потом наступает следующий виток экспроприации, и тот, кто пришел на место прежнего господина, точно так же теряет свою позицию. И в какой-то момент мы вдруг обнаруживаем, что, собственно говоря, сам внутренний господин исчезает, поскольку на смену ему приходит некое небрежное существо, совершенно не готовое ни к какой аскезе, абсолютно не умеющее и не готовое держать себя в руках. Как говорил Поль Валери: с чего мы взяли, что личность в халате и в домашних тапочках подлиннее господина? Но именно эта пресловутая личность в халате, лишённая всякой требовательности в аспекте желания, и воли, становится центром человеческой подлинности.

И это есть полная превратность социальной топографии, а также и психологического строя, и строя души. То есть перед нами теперь мир, где властвует превратность, где те, кому должны были помогать, сильные, стали настолько

[11] Аристотель. Соч. в 4х т., т. 4, М. 1983, с. 377.

успешно и всесторонне опекаемыми, что сумели внушить сильным стыд за их силу и небрежно подвинули прежнего господина, который, впрочем, давно уже был всего лишь «исполняющим обязанности». И поскольку нет того, кто превыше тебя под луной, появляется удивительная подмена, которая до сих пор не замечена. Как если бы мы, повторяя путь Иисуса, шли маршрутом кенозиса, стараясь спасти не только праведников, которые всегда рядом, но и тех, кто на самой кромке воплощенности, среди наиболее трудно одухотворяемой материи. Но помогая им, мы вдруг почему-то решили, что там и располагается конечная цель нашего присутствия. Мы словно бы забыли о необходимости обратного пути, имя которому — метанойя: спасение через преображение.

Во что бы то ни стало, следует сохранить свои экзистенциальные высоты, и если мир их сохранит, то лишь тогда сам мир уцелеет. Если же спасаемые будут назначены образцами для подражания, теми, кому нужно служить, то тем самым мир наполнится внутренней ложью: что, собственно, и случилось.

Да, вот они были перед нами: эксплуатируемые, приносимые в жертву: аутисты, инвалиды, — нет конца их перечислению. Должны ли мы создать такой мир, в котором они окажутся на вершинах? А те, кто положил жизнь на их освобождение, то ест наделение всей полнотой прав, будут взирать на них с почтением и уважением, и стыдиться того, что им, самоотверженным просветителям, все далось словно бы по праву рождения. И никто ни разу не назвал их униженными: а значит, им пришлось признать себя виновными. Мир пошел именно путём такой хитрой превратности, которая предоставила уникальные возможности тем слоям, которые ни при каком другом развитии событий не завоевали бы себе такую удивительную нишу.

Лучшей иллюстрацией здесь может служить роман М. А. Булгакова «Собачье сердце», где превращенный в человека пёс Шарик становится Шариковым, и это триумф науки, повод для торжества… но каким-то не очень достойным индивидуумом наш превращенный становится. И в какой-то момент мы понимаем, насколько лучше он был в роли песика. Мы вдруг догадываемся, что если бы Шарик остался собакой, он был бы на своем месте. Такой же ход мыслей есть у Н. Н. Носова в его знаменитом цикле книжек про Незнайку. В книжке «Незнайка в Солнечном городе» главный герой по недоразумению превращает в людей нескольких осликов — так появляются персонажи, названные автором «ветрогонами», и Солнечный город сам превращается в кошмар… Причина проста и очевидна: потому что была нарушена священная топография человеческого присутствия. В виде осликов эти существа были очень даже хороши, но став людьми, они разрушили высшие порядки человеческого в человеке, которые не понимали и в принципе понять не могли.

В сжатой поэтической форме мы встречаем этот топологический парадокс у Булата Окуджавы:

…А нищий закован в латы,
И сытый он, и богатый.
Смеется богатый нищий
Над бедным принцем моим…

Нищий не перестал быть нищим оттого, что ему, безо всяких с его стороны усилий, достались привилегии, но принц теперь несёт всю полноту ответственности за то, что он сделал. Эта круговая подмена, пришедшая на смену круговой поруке, сплошь и рядом приводит к тому, что прежде угнетаемые и ущемленные слои, меньшинства всех видов и родов, пользуясь недопустимой снисходительностью ме-

стоблюстителей Господина и отсутствием различимости экзистенциального рельефа, захватили командные высоты в подлежащем спасению мире. И в результате прежний средний класс, те, кого называли «соль земли», то есть попросту человеческие люди, оказались маргиналами.

Они нормальные, обычные люди, женятся, выходят замуж, рождают детей, зарабатывают деньги, продолжают чтить своих родителей и при случае поминать предков. Но победившие их меньшинства, которые захватили высоты социальности, академические круги, захватили Голливуд, подчинили себе слой правоведов и адвокатов, — лишь посмеиваются над ними и проповедуют свою идею, а человеческие люди лишены права голоса в том смысле, что они не знают, что сказать, они как корчащая улица безъязыкая, если прибегнуть к сравнению В. В. Маяковского. Они, человеческие люди, думают: нашим учёным лучше известно, сколько должно быть полов. Мы теперь не можем сказать ничего от себя, никакой отсебятины своим детям — они же учёные, а не мы, они же в Йельском университете изучали право, а мы-то что?..

Эта поразительная маргинализация основного класса человеческих людей не может продолжаться вечно, но она является самым принципиальным моментом современного извращённого перевернутого мира превратности, мира, где всё подменено. Мира, где «допущенные к европейскому проекту» — разумеется, без права вносить какие-либо коррективы, могут считать себя понимающими людьми, которым не к лицу отождествлять себя с какой-то «рашкой», с какими-то ватниками, — они ведь гораздо выше этого. Они приобщились к великой взаимно-рукопожатной тусовке. При этом их соотечественники в ватниках и телогрейках — это, в сущности, те же самые солдаты, которые победили фашизм. Против них тогда были отборные войска в хорошей военной экипировке, можно сказать, одетые по последней во-

енной моде. Но эти, одетые в кожу, несли смерть, а простые «ватники» от имени простых человеческих людей защищали нас, бились за россиян.

Удивительно, что та же ситуация повторяется и сейчас с ещё большим трагизмом, ибо «ватники» напрямую объявлены угрозой всему прогрессивному человечеству. Как определить, что должен делать ты как интеллектуал, как воин, не попадаясь на красивые вывески, а следуя точным и глубинным настройкам? Таким настройкам, которые правильно ориентированы по отношению к знанию, к доблести, по отношению к тем, кто действительно нуждается в помощи. Вот, казалось бы, самый очевидный выбор: быть на стороне своих солдат, а не тех, кто их убивает. Но похоже, что этот очевидный для нормального человека выбор сегодня как никогда затруднителен. Уж больно хочется быть среди тех, кому раздают гранты, среди тех, кто причислен к лику всемирно-рукопожатных. Любопытно, что и запуганным интеллектуалам Запада приходится держаться в стороне от собственного «простого люда», от тех, кто не просветлен новейшими принципами трансгуманизма. Что уж говорить, нелегко приходится современному обывателю, не готовому любить всех детей вообще точно так же, как своих собственных. Ему впору обратить строфы Омара Хайяма к своим бескомпромиссным обвинителям:

Если вдруг на тебя снизошла благодать –
Можешь все, что имеешь, за правду отдать.
Но, святой человек, не обрушивай гнева
На того, кто за правду не хочет страдать!

Это краткий конспект точной топографии. Допустим, он, твой соотечественник, действительно не хочет вникать во все тонкости страданий ближнего своего, не определившегося с гендерной принадлежностью. Но он такой же крови,

как и ты, он достоин того чтобы не он ради тебя, а ты ради него принёс жертву. Это ощущения я называю девизом: «Лучшие — на линию огня!». Всякое органическое государство, всякая империя как произведение духа, исповедует этот принцип. Лучшие — налинию огня! Туда, где ты действительно нужен, и кроме тебя там, быть может, никого не окажется. Будешь ли ты корнетом на Бородинском поле, будешь ли ты С. П. Королёвым, который сделал для своего народа всё, что мог, несмотря на лагеря, или генералом А. И. Деникиным, отвергнувшим предложение о сотрудничестве, сделанное нацистами…

Понимание того, что это твой народ, как бы ни морщились европейские и наши собственные европейцы, что это те люди, которые противостояли фашизму и будут противостоять вновь, когда прозвонит колокол, — очень важно. Насколько хватит у тебя мужества подчиниться исконным и изначальным позывным, позывным правильной державной сборки, выверенному строю души.

Тому, о чём говорил Платон, когда правильно настроенная лира согласуется с правильно настроенным полисом. И это вопрос истинной топологии человеческого присутствия.

Гиренок
Федор Иванович
философ, доктор философских наук, профессор МГУ

НОВЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Константин Аксаков — славянофил. Что он выбирал? Мораль. И. Кант — европеец. Что он выбирал? Культуру. Культура, думал он, должна предшествовать морали. Что нам дает культура? Добро. А что нам дает мораль? Доброго человека. Мораль, полагал К. С. Аксаков, должна предшествовать культуре. Культура — это привычка. А что такое мораль? Добрая воля. Культура дает нам колею. А мораль? Что она дает нам? Бездорожье духа, целину и возможность начинать свой путь всякий раз заново. Случайно возникнет в действиях русского человека какое-нибудь добро да также случайно исчезнет. Почему? Потому что крючков культуры для него нет. А на Западе они есть. Поймают они его и воспроизводят уже не как моральное, а как культурное действие.

Чем отличается Запад от России? Тем, что в России много добрых людей, а добра нет. А на Западе наоборот: добрых людей нет, а добро есть. Что лучше: жить среди добрых людей или жить с добром? Запад говорит, что с добром. Мы говорим, что среди добрых людей. У нас с Западом разные галлюценозы. Для них быть умным и делать вид, что ты умный, одно и то же. Они полагают, что обманщик будет обманут, став мало-помалу умным. Мы знаем, что обмануть себя нельзя. Глупый — это глупый, и сколько бы он ни делал вид, никогда он не станет умным. Чтобы стать умным, нужна

не эволюция малых дел, а покаяние. Для нас тот, кто делает вид, что он добр, будучи злым, не добрый, а злой.

У нас культура — это наша церковь. У них культура — это то в нас, что работает за нас. Нам нужны умные люди. Им нужны умные машины. Они думают, как недобродетельного человека заставить делать добро. Мы думаем, как заставить себя быть человеком. Нужна ли западному человеку совесть? Нет, не нужна. Что ему нужно? Право. А что говорят русские славянофилы? Они говорят, где есть право, там совесть не нужна. Право делает человека машиной. Совесть делает из нас человека.

Нужны ли западу герои? Нет, не нужны. У них есть социальные машины, а они бесчеловечны. Нужны ли герои нам? Нужны. Почему? Потому что у нас плохо работают социальные машины. В них много дыр. А почему в них много дыр? Потому что мы мыслим общество как симфоническую личность, а они — как множество социальных машин. А что делает герой? Он своими личными качествами залатывает дыры в наших социальных машинах. Различие на уровне дословного сделало Россию и Запад вечными антагонистами.

КУЛЬТУРНЫЙ КОД

Культурный код Запада нужно изучать по его философии. Культурный код России нужно изучать по нашей литературе. В России нет философии, у нас есть интеллигенция — самое неудачное изобретение русской истории. Почему неудачное? Потому что она беспочвенна, ибо мысли в ее голове складываются не по логике русской жизни, а по логике европейской жизни. И эту свою беспочвенность она (интеллигенция) передает нашим детям.

ФИХТЕ И ШИШКОВ

В Германии «Речи к немецкой нации» И. Фихте создали нацию. О чем говорил И. Фихте в начале XIX века? О том, что связи национальные у немцев разорваны в ходе наполеоновских войн и в беспорядке разбросаны повсюду. О том, что есть немец в себе и для себя вне зависимости от судьбы. О языке, о том, что он должен вводить в круг изначальных созерцаний народа. А если он не вводит, то делает нас слепыми. И. Фихте разъяснял связь земли и народа, что значит любовь к Отечеству.

Среди нас, немцев, писал И. Фихте, ныне не так много осталось немцев. Он говорил о тумане в словах «гуманизм», «популярность» и «либерализм». Если бы нам сказали, говорит И. Фихте, вместо «гуманности» — «человечный», то всякий немец, оставаясь у самого себя, понял бы без всяких исторических разъяснений, о чем идет речь. Что бы он понял? Что нужно быть человеком, а не зверем. Что скрывает в себе слово «популярность»? То, что быть популярным — значит искать и находить благосклонность у толпы, а слово «либерализм» означает просто отказ от рабского сознания.

И. Фихте спасал язык от галлицизмов. В России с аналогичными идеями выступал адмирал Александр Шишков. Сколько человек, спрашивал А. С. Шишков, читает в России Вольтера? Миллион. А сколько человек читает М. В. Ломоносова? Тысяча. Что это значит? Это значит, что адмирал попытался спасти круг изначальных интуиций своего народа. Он говорил, его не услышали. С ним вступил в полемику Н. М. Карамзин. Над Шишковым посмеялись. Что вызвало смех? «Мокроступы» как калоши и «топталище» как тротуар. А. С. Шишков предлагал нам мыслить по-русски. Но как нам мыслить по-русски, если мы говорим по-французски? Более того, позднее Ю. Ф. Самарин обнаружит, что мы и быть-то русскими разучились.

Ю. Ф. САМАРИН

В XIX веке в Германии «Речи» И. Фихте издавались 40 раз. В России «Письма из Риги» Ю. Ф. Самарина были преданы забвению. Они затерялись в головах московских славянофилов. Эти письма создали только неприятности для Ю. Ф. Самарина. Почему? Потому что немцы ждали пассионария. И они его дождались. А русские ничего не ждали. Мы, наученные Петром I, надеялись на свет с Запада. И не дождались.

О чем шла речь в «Письмах из Риги» Ю. Ф. Самарина? Об унизительном положении русского человека в прибалтийском крае. Началось все с бытовых мелочей его жизни в Риге. Ю. Ф. Самарин хотел пригласить русского мастера, чтобы сделать ремонт в своей комнате, ему объяснили, что это невозможно. Почему? Потому что для этого мастеру нужно быть приписанным к цеху. А для того, чтобы быть приписанным к цеху, нужно быть гражданином. Гражданином, в свою очередь, может быть только немец. Русский может быть только обывателем. Обывателей не приписывают к цеху. Гражданин города — это законнорожденный. Им может быть немец по крови, лютеранин по вере, сдавший экзамен немцу по торговле или ремеслу. Руководила Ригой магистратура. В магистратуре работать могли только немцы. При этом немцы составляли 1% от числа русских обывателей. Все русское купечество приравнивалось к одному голосу. Каждый немец имел свой голос. Судьи были немцы. Разбирательство в суде шло на немецком языке, если даже судились между собой русские люди. Причем разбирательство шло по немецким законам, а не по законам империи.

Ю. Ф. Самарин написал свои «Письма», рассказал, как немецкая воля к власти столкнулась с русским смирением. Чем все это закончилось? Ю. Ф. Самарин за разжигание

национальной розни 12 дней отсидел в Петропавловской крепости, с ним провел беседу царь. От Ю. Ф. Самарина отказалась любимая им женщина, ибо она была остзейской немкой и служила при дворе фрейлиной.

В итоге Ю. Ф. Самарин в знак протеста отрастил себе бороду и не сбривал ее до самой смерти. Никто не организовал «Русскую партию». Русские в Риге не блокировали магистратуру, не отказались от гражданского повиновения. Пресса не подняла шум. А. И. Герцен не забил в набат. В. И. Засулич не бросила бомбу в губернатора остзейского края. Правительство не собралось на чрезвычайное заседание. Николай I не подал в отставку.

Какой можно сделать из всего этого вывод? Суть сущего в воле к власти. Суть русского человека в покаянии. Немцы требовали привилегий. Русские требовали равных с немцами прав. Российская империя давала привилегии инородцам, русским оставались тяготы, налоговое бремя. Ю. Ф. Самарин поймал момент выбора в русской империи: либо денационализация империи, либо Россия для русских. Империя отказалась от русских. В России при нулевом национальном сознании русских стали создаваться нерусские квазинации. Россия стала для них гостиницей, то есть федерацией.

Пока правил царь, в России было Православие как государственная религия. После него появились советские люди, и, наконец, после распада СССР возникли россияне. Что сделали в Европе? Создали идеологию нацизма и коммунизма. Что сделала Европа в XX веке? Она устроила две мировых войны. Что сделали в России? Создали интеллигенцию. Интеллигенция устроила в России в XX веке две революции. В 1917 году и в 1991 году. Эти внутренние войны погубили Россию.

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ СЕГОДНЯ?

Сегодня нам нужно понять, куда мы идем: по пути имперского сознания либо по пути национального сознания.

Если первое, то тогда нужно как-то отнестись к идеологии глобализма и мультикультурализма. Глобализм в России означает отказ от всяких привилегий любым народам. Если мы, как Европа, пойдем по пути национальных сознаний, то тогда нам нужно будет принять идею «Россия — для русских». Пока Россия существует в подвешенном состоянии, сосредотачиваясь почему-то для прыжка в четвертую технологическую революцию. Между тем, Европа объявляет себя вне христианской культуры. В ответ Россия называет себя не Европой. Украина заявляет, что она не Россия, что она — нация, и ей близка Европа. Запад говорит о том, что он готов воевать с Россией на Украине до полной победы над Россией.

В это время в мире на первый план вышел Китай. Цели Китая: социализм с человеческим лицом. Ему противостоит Запад во главе с США. Запад — это капитализм. Цели Запада: удержать как можно дольше свой тотальный контроль над миром. Запад понимает, что мир контролирует тот, кто контролирует сознание. Россия не претендует на этот контроль. Для контроля над миром у нас нет экономики. Для контроля над сознанием у нас нет идеологии. Нам нечего предложить миру и сознанию.

Китай претендует на этот контроль. Он, как СССР, готов предложить народам новый миропорядок. Его не устраивает тезис о том, что либо будет так как есть, либо будет хуже. Он не хочет, чтобы было так, как есть. Он говорит, что будет лучше, но лучше не Западу. Западу уже никогда не будет хорошо. Голос Запада — это голос из прошлого. А голос из будущего принадлежит, кажется, Китаю.

Запад осознал, что Китай будет набирать силу, что ему (Западу) нужно быть готовым в какой-то момент развязать, если ему понадобится, мировую войну. Его козырь — пока что самая мощная в мире армия США. В недалеком будущем она может потерять свою мощь, как потеряла свою мощь армия Европы. Что им делать тогда? Вот в чем для них состоит вопрос.

Россия опирается на Китай. И это уже само по себе загадка. Почему? Потому что вся элита России сформирована Западом. Духовно она с Европой, а не с Китаем. Ее ориентир — капитализм. Ей не нужен даже новый капитализм К. Шваба. Ей достаточно старого капитализма К. Маркса.

Китай это знает и полностью не доверяет России. Ему ближе Белоруссия. Путин ментально с Западом, а не с Китаем. И рано или поздно это обнаружится. В интересах Китая, чтобы в России правил кто-то вроде Лукашенко, которому близка идея нового социализма.

США хотят дотянуться до Китая. Но дотягиваются пока только до России. Россия им мешает. Задача США состоит в том, чтобы нейтрализовать Россию, поймать Китайского гиганта в одиночестве и напасть на него вместе с Европой, Японией, Австралией при нейтральной Индии. Но США, в свою очередь, мешает Европа, которую Россия, как Медуза Горгона, загипнотизировала своим газом. США хочет оторвать Европу от России и привязать ее к себе. Что может помочь Америке? Украина. Чем она может помочь? Тем, что ее элита выбрала не имперское сознание, а национальное. Украина нужна США, чтобы консолидировать Европу и вывести из игры Россию. Европе экзистенциально близок национализм Украины. Империализм России с нею несовместим. От национального сознания до нацизма — один маленький шаг. От имперского сознания до космополитического — полшага. Наши дети уже космополиты. Англосаксы хотели бы использовать при благоприятном стечении обстоятельств

Россию, как Украину, только для борьбы с Китаем, столкнув одну империю с другой. Когда это осознают Китай и Россия, они объединятся, презрев свои идеологические разногласия.

Англосаксам удалось при помощи идеи национализма оторвать Украину от России. Советская интеллигенция Украины сделала эту идею своим внутренним убеждением. Ошибка Запада состоит в том, что они не ожидали, что война России с Америкой на Украине мгновенно превратится из внешней войны во внутреннюю. Для России и Украины — это гражданская война. Что хочет народ в этой войне? Не нацизма, не капитализма и не империализма, а нового социализма и смены элиты. США знают об этих настроениях народа и хотят их использовать в своих интересах. Правящий класс в России тоже догадывается о настроениях народа. Отсюда его медлительность, нерешительность, путанность в словах и противоречивость в действиях.

Как англосаксы оторвали Европу от России? Они подогрели в ней идею нацизма при помощи Украины, заставив лидеров Европы коллективно прокричать хайль, то есть «Слава Украине!». Это отодвинуло проблемы их экономики на второй план. Что будет с Европой? В перспективе она, видимо, станет мировой провинцией, т.е. уже не будет источником новых идей в философии, культуре, технологиях. Европа состарилась и хочет комфорта, а не войны с Китаем и Россией.

Что ждет Россию? Если ее победит Запад, то он и будет учреждать новый мир. России в этом мире места не будет. Она будет в нем как мешок с сырьем. А если нас в нем не будет, то зачем он нам? Китай они сделают мастерской мира. Ему укажут его место в мире и его функции.

Если победит Восток, то мы будем строить новый социализм без старой элиты и будем вспоминать свое европейское прошлое. Значит ли все это, что распалась на наших глазах связь времен? Нет, не значит. Ее просто никогда и не было.

ЧТО МЫ ХОТИМ?

Мы хотим новый социализм. Мы не хотим ни капитализма, ни коммунизма. Оставим их тем, кто их выдумал. Что такое новый социализм? Это общество, в котором внешняя жизнь является условием существования внутренней жизни человека.

Внешняя жизнь человека начинается с бескорыстного дара другому. Внутренняя жизнь человека начинается с изображений, которые мы сами себе показываем. Внешняя жизнь человека совершается в пространстве. Вершина этой жизни — цивилизация, замещающая силы человека силами природы.

Внутренняя жизнь человека совершается во времени. Центр этой жизни — сознание человека. Сознание есть способ жизни человека во времени. Только человек живет во времени. Только он может воздействовать на самого себя. Само по себе время не существует. Кто этого не понимает, тот не понимает и тоски человека по новому социализму.

Внешняя жизнь — это жизнь человека с природой. Человек — органический житель земли. В космосе нет жизни. Космос слепоглухонемой. Если лишить человека органики, то он перестанет грезить. Только организм видит свои галлюцинации. Галлюцинация — разрыв внутри природы. Кремний не грезит. Он не может, мечтая, удваивать мир. Греза является пределом технического отношения человека к самому себе и к миру. Наши сны являются тем, что нельзя оцифровать.

Внутренняя жизнь — это жизнь с Богом. Без Бога человек ничего не может. С Богом он не все может. Во внешней жизни человек подчиняется алгоритму жизни цивилизации. Во внутренней жизни он дает существование объектам своих грез. Каждый человек — художник своей жизни. То есть все

мы — вечные кочевники субъективности. Общество — это отношение между людьми, опосредованное их грезами.

Новый социализм реализует принцип: не человек для общества, а общество для человека. Общество не организм, а симфоническая личность. Если бы общество было организмом, то тогда сильный организм пожирал бы слабый организм. И никакая социальная демократия, никакой либерализм не могли бы с этим ничего поделать. У сильного организма есть естественное право распоряжаться слабым организмом по своему усмотрению. Органическое общество связывает свободу с политикой, а политику — с расширением своего жизненного пространства. Человека в нем интересуют политические свободы.

Общество как симфоническая личность связывает свободу с тихой повседневностью быта. Людей в нем интересует бытовая свобода. Цивилизация радикально меняется, если меняется повседневность быта. Запад привык к бытовому тоталитаризму и политическому плюрализму на его поверхности. В России развита культура бытовой свободы и бытовой демократии, на поверхности которой возможен авторитаризм верховной власти. Власть ведет народ. Если она не знает, куда его вести, то она теряет право править.

Что разделяет людей? Слепые броски в пустое сознание, которые разделяют нас на «мы» и «они». Что нас может объединить? Чувство справедливости. Оно выше всякого права и проникает в любое сознание. Быть в сознании — привилегия немногих. Новый социализм сделает ее привилегией всех. Чувство справедливости есть царский путь к сознанию и для нас, и для них. Разделение властей не имеет для себя никакой основы. Разделить власть — значит с самого начала лишить ее воли к власти.

Новый социализм отказывается от идеи равенства, ибо люди неравны. И народы неравны. Равным равное. Неравным — неравное. Нельзя неравным предлагать равное.

Главная забота симфонической личности — создавать вяжущие связи времени, следить за тем, чтобы не распалась связь времен. Первой обязанностью общества нового социализма является воспитание детей, обучение новых поколений, расширение внутренней жизни всех. Быть человеком — значит решиться на путешествие в мир воображаемого.

Государство нам нужно не для того, чтобы был рай на земле, а для того, чтобы на ней не было ада. Чем больше внутренней свободы у людей, тем больше у них появляется трудного для жизни пространства, тем больше у них государство. Детерриториализация государства недопустима. Государство для нас не ночной сторож. Для русских это то, что может вести нас дальше, чем ведут нас наши цели. В России государство понимается не как торговая компания, основанная какими-то собственниками, а как последняя опора и надежда после Бога.

Новый социализм легитимизирует принцип трудового общества: труженикам — хозяйство, богатым — налоги. Каждому гражданину — прямой доход от использования природных ресурсов и земли.

Не город является адекватным способом существования человека на земле, а деревня. Землей владеют не так, как владеют ботинками. Мистическое касание земли рождает в человеке крестьянина. В городе живет население. В деревнях — души. Город убивает душу народа, как гаджет убивает книгу. Движение от деревни к городу ведет к деградации человека. Война — это обновление человека посредством ужаса.

Народу — мораль, власти — китайскую систему социального доверия. Интеллигенции — простые мысли и твердую веру.

Парламент и партии — шуты гороховые. Они политические посредники. Новый социализм выбирает прямую демократию. Всякая власть стремится к бесправию. Всякое право стремится к безвластию. Закон — это минимум прав,

который предполагает минимум власти. Новый социализм существует по этим законам.

Капитал никогда не был связан с трудом. Собственность утратила связь с трудом. Она перестала быть тем барьером, за которым могла развиваться свобода. Свобода и собственность отныне не связаны. Новый социализм реализует идею служения. Я должен — значит я могу. В любом обществе правит всегда активное меньшинство. Новый социализм даст возможность услышать голос большинства.

Черняев
Анатолий Владимирович
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института философии РАН

«ИСПРАВЛЕНИЕ ИМЕН» В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ ПОВЕСТКЕ РОССИИ

Нынешняя война — не только состязание оборонных потенциалов воюющих сторон, но также манифестация конфликта цивилизаций с присущими им фундаментальными представлениями о своей нравственной и исторической правоте, которые раскрываются в процессе этого конфликта и составляют такую же неотъемлемую часть боевого арсенала, как танки и самолеты. Мы слышим из сводок новостей от официальных представителей Министерства обороны, что наша авиация имеет перевес в украинском небе. Но можем ли мы сказать подобное в отношении сферы смыслов? Имеем ли мы преимущество перед противником в области общественной идеологии? Пока приходится констатировать, что украинское общество оказалось более сплоченным в понимании смысла своей борьбы, что годы «самостийности» и насаждения русофобской националистической идеологии по рецептам западных политтехнологов были использованы марионеточным украинским режимом весьма эффективно. Политическая и культурная элита Украины, интеллектуалы, армия и население в значительной степени идеологически консолидированы. Российская ситуация в этом отношении гораздо более сложная, внутренне противоречивая.

Как и в военно-политическом конфликте, который явился результатом многие годы нагнетавшихся проблем, в коллизиях на ментальном уровне мы пожинаем плоды посеянного три десятилетия назад. Если задаться вопросом: кто несет ответственность за трагедию, свидетелями и участниками которой мы оказались — за все эти ужасающие жертвы, страдания, кровь? Не подлежит сомнению, что наряду с политиками, совершившими «глупость или предательство», огромную ответственность за это несут те социальные демагоги 1980–90-х годов, которые при помощи философии идеологически обеспечивали политическую дезинтеграцию нашей Родины под лозунгами «общего европейского дома», «общечеловеческих ценностей», «толерантности», «мирного сосуществования», «диалога цивилизаций» и т.п. Эти лозунги тогда были вброшены в наше общество и парализовали нас. Мы не смогли встать на защиту своих нравственных идеалов и традиций, своего исторического бытия, на защиту целостности государства, которое строилось героическими усилиями наших предков на протяжении веков, и когда началось его расчленение, мы оказались морально разоружены и, в лучшем случае, лишь оцепенело наблюдали за этим чудовищным процессом.

Масштабное техническое и организационное перевооружение армии — необходимое, но, как мы видим, недостаточное условие для успешного отстаивания права страны на историческое бытие в смертельной схватке с коллективным Западом. Не менее важны моральное и идейное вооружение, смысловое и концептуальное переоснащение.

И начинать решение этой задачи необходимо с преодоления идеологического наследия 1990-х годов, корни которого проникли настолько глубоко, что мы наблюдаем сегодня в России «пятую колонну» в масштабах настоящего «леви-

афана», охватившего не только общественных активистов и журналистов, деятелей культуры и шоу-бизнеса, но, к прискорбию, также российских учёных, причем не в последнюю очередь, — представителей социально-гуманитарного блока, который напрямую отвечает за моральный климат, мировоззрение и идеологию общества.

Демонстрацией этого стала реакция значительной части российского научного сообщества на начало специальной военной операции и присоединение к России новых территорий, которая выразилась, во-первых, в целом ряде публичных акций протеста, включая подписание коллективных петиций «российских ученых», во-вторых — в фактическом саботаже целыми научными коллективами реальной работы по научно-исследовательскому и научно-организационному обеспечению интеграции новых территорий, осмысления и защиты традиционных российских ценностей, обеспечения культурного и интеллектуального компонентов суверенитета России. В-третьих, среди российских ученых-гуманитариев неуклонно растет число лиц, признанных иностранными агентами; при этом необходимо учитывать, что для данной категории деятельность в качестве иноагентов напрямую связана с их научной специализацией и основной работой.

Как мы к этому пришли? Когда американцы в 1980-е годы строили планы по разрушению нашей страны, одним из шагов стало назначение послом в Москве Джека Мэтлока, между прочим, — доктора философии. Он жив до сих пор и даже выступал недавно с комментариями в связи с украинскими событиями. Мэтлок начинал карьеру как профессиональный советолог и русист; при этом он исповедовал идею, согласно которой Советский Союз — органическая часть Российской империи, одна из ее реинкарнаций, а становой хребет этой империи — её идеология. Поэтому он считал, что приоритетным для ослабления страны является

работа именно на идеологическом направлении, и сосредоточил усилия на перевербовке советской интеллектуальной элиты. С этой целью в московской резиденции американского посла устраивались щедрые приемы для деятелей культуры, науки, в том числе и для философов. На этом была основана масштабная работа по интеллектуальной колонизации страны, которая достигла своего пика в 1990-е годы.

И если в области социальной политики, правового регулирования, государственного и военного строительства нам во многом удалось преодолеть беспредел 1990-х, то в сфере наших социально-гуманитарных наук 1990-е годы фактически продолжаются, что вдвойне удивительно, учитывая огромное внимание, которое уделяется государством развитию науки и масштабам оказываемой ей финансовой поддержки. Особенно по сравнению с самими 1990-ми, когда при отсутствии внятной национальной научной политики и чисто символическом уровне государственного финансирования российской наукой de facto заправляли западные фонды, которые активно вовлекали наиболее перспективных российских ученых в свои проекты. И если в сфере точных и естественных наук зарубежные фонды в 1990-е — начале 2000-х стимулировали «утечку мозгов» за рубеж, то в социально-гуманитарной сфере проводилась политика, направленная на идеологическую вербовку учёных и формирование в России научной корпорации, управляемой извне. При этом преследовалась цель предотвратить появление в нашей стране общественного мировоззрения на основе национально ориентированной парадигмы, вместо которой внедрялись научные программы, отвечающие политическим интересам США и их союзников.

Опыт наиболее успешных представителей генерации российских учёных, воспитанных в 1990-е и начале 2000-х гг. на программах западных грантов, стал восприниматься научным сообществом как образец профессио-

нального успеха и идеальная модель научной карьеры, а их политико-идеологические принципы — как ориентир мировоззренческой идентичности современного учёного. Как правило, представители этой генерации руководствуются не национальными интересами своей страны, а «общечеловеческими», «мировыми» представлениями, выразителем которых являются западные либеральные идеологи. Такая наднациональная модель идентичности, во-первых, соответствует их убеждениям, сформированным под влиянием западных программ, а во-вторых, помогает им позиционировать себя в качестве части духовной элиты российского общества, авторитет которой обеспечен ее признанием «на мировом уровне».

Так сформировалась научная элита, отвечающая за утверждение в научно-образовательном пространстве России западных либеральных ценностей и концепций. В настоящее время ее представители контролируют значительные ресурсы научно-образовательной инфраструктуры России, включая многие академические и университетские корпорации, редакции высокорейтинговых научных журналов, экспертные советы научных фондов, специализированные диссертационные советы, элементы системы подготовки и аттестации научных кадров. В результате в российской науке внедряются стандарты, согласно которым решающим критерием оценки результатов исследований считается их признание на Западе, а также комплекс обязательных для учёного мировоззренческих установок, которым придается значение этических принципов. Тем самым российскому социально-гуманитарному сообществу навязывается либеральное политическое мировоззрение в качестве конвенции, которая «по умолчанию» должна разделяться учёными, претендующими на респектабельность, профессиональный успех и признание со стороны научной корпорации. Сообщество воспринимает эти установки не просто как профес-

сиональный моральный кодекс, но также как ценностную норму научного мышления, ключевую методологическую установку при истолковании и оценке всего комплекса социальных и исторических вопросов.

Причем, если до последней реформы науки в российском научном сообществе еще могло иметь место определенное мировоззренческое разнообразие, то после внедрения системы индивидуальных научных рейтингов и эффективных трудовых контрактов все академические учёные и преподаватели вузов обязаны отчитываться публикациями в высокорейтинговых журналах и участвовать в конкурсах грантовых проектов, что значительно повысило их зависимость от ресурсов, которые находятся под контролем адептов западных программ. В ходе этой реформы стала внедряться также наукометрическая система, которая используется для определения эффективности и результативности научных исследований, а также определения индивидуальных научных рейтингов ученых. Как оказалось, применяемые при этом технологии рецензирования не просто западного происхождения, но используются напрямую против нас: во-первых, как способ научно-технического шпионажа, сбора информации о проводимых в России научных разработках, и во-вторых, — как инструмент внешнего влияния на нашу научную политику. Мы уже вплотную столкнулись с этой проблемой и осознали необходимость отказа от западной наукометрии, разработки и внедрения собственной системы оценки научной результативности, являющейся условием обеспечения интеллектуального суверенитета страны. Но это только один из аспектов проблемы.

Важнейшая роль в обеспечении национального суверенитета принадлежит социальным и гуманитарным наукам, которые оказывают прямое влияние на мировоззрение и идеологию общества. Социально-гуманитарный науч-

ный комплекс является первичной инстанцией производства смысловых и ценностных ориентиров, которые транслируются в общество через экспертное, медийное, образовательное, культурно-просветительское сообщества.

При этом основная функция социально-гуманитарных наук заключается в академической апробации и легитимации методологических программ, основанных на них общественных проектов, технологий и практик, внедряемых в бытие и сознание общества указанными сообществами.

Суверенитет имеет информационное и дискурсивное измерение. Существует понятие дискурсивного подчинения, когда через заимствованную систему понятий нам навязывается чуждое мышление и мотивация, чуждое смысло- и целеполагание. Следствием такого дискурсивного подчинения становится деформация смыслового пространства и интеллектуальная колонизация страны. Как все это происходит? Сначала дискурс легитимизируется в рамках академической науки, соответствующие сюжеты и концепты делаются предметом заинтересованного научного обсуждения и исследования. Их открывают как что-то новое, модное, актуальное, по данной проблематике пишутся статьи и книги, проводятся конференции. Затем эти сюжеты проникают в тематику диссертаций, дипломов, курсовых работ, попадают в учебники и в итоге прочно укореняются в социально-политическом и культурно-бытовом обиходе как нечто неотъемлемое и само собой разумеющееся. И мы уже начинаем мыслить, оперируя именно этими концептами и связанными с ними понятиями. Так работает механизм дискурсивной зависимости.

На сегодняшний день комплекс российских социально-гуманитарных наук находится под методологическим влиянием научных концепций, доминирование которых

в актуальной российской повестке является результатом целенаправленного внешнего воздействия. Одним из способов такого воздействия является применение своеобразного бизнес-плана, в соответствии с которым между представителями российской социально-гуманитарной элиты распределены права эксклюзивных «провайдеров» модных западных доктрин, которые превращены в престижные и доходные интеллектуальные бренды; франко-американский философ Габриэль Рокхилл дал этому явлению название «франшизы в индустрии глобальных теорий». Результатом этих процессов стало то, что наш научный и социальный дискурс оказался насыщен концептами, которые выполняют в России роль своеобразных «троянских коней», разрушительных вирусов.

Попытаемся выделить некоторые наиболее опасные «вирусные» социально-гуманитарные программы, внедряемые в России через научно-образовательную инфраструктуру, которые «работают» на переформатирование сознания общества, политическое и социально-экономическое сдерживание России, ее деморализацию, дискредитацию российских традиционных ценностей, политических и социальных институтов, ослабление и демонтаж суверенитета страны:

теории модернизации (урбанизация, секуляризация, постиндустриализм) — разработанные в западной философии и социологии второй половины XX в. концепции общественного развития, постулирующие прогрессивность перехода от традиционного аграрного и индустриального общества с присущими ему системой ценностей и образом жизни к обществу нового типа — информационному, урбанистическому, служат обоснованием и инструментом деиндустриализации и депопуляции России;

этика ненасилия, теории ненасилия — морально-политические доктрины, основанные на критике традиционных политических институтов, социальных, культурных и моральных норм как якобы воплощающих репрессивный

принцип насилия и нарушающих свободу личности; составляют методологическую основу политических технологий «цветных революций» или «революций достоинства»;

теория справедливой войны — политико-правовая доктрина, разработанная американскими авторами в конце XX — начале XXI века с целью морально-философского и международно-правового осмысления и обоснования военно-политических акций США, используется для критики внешней и оборонительной политики России, в т.ч. СВО;

гендерная теория, феминизм, квир-теория — комплекс доктрин, получивший разработку в философии постмодернизма на основе идеи о взаимосвязи власти, знания и сексуальности; дает моральное и политическое обоснование для разрушения традиционных половых идентичностей и социальных ролей, выдвигает требование эмансипации и реабилитации всех проявлений сексуальности, включая девиантные и противоестественные;

гендерно-нейтральная терминология, расово-нейтральная терминология — правила текста, подчиненные принципам западной политкорректности согласно требованиям гендерной теории и движения BLM (Black Life Matter), применяются для ревизии и переписывания классических текстов культуры; инструмент фальсификации исторического и культурного наследия;

экологическая этика — междисциплинарное направление, сформированное американскими авторами в конце XX — начале XXI века, декларирует отказ от принципа антропоцентризма в природопользовании, используется международными организациями при разработке новых экологических стандартов, экспертиз и санкций, применяемых в качестве обоснования ограничения суверенных прав на национальные природные ресурсы, сдерживания территориального и промышленного развития России;

глобалистика, исследования глобальных проблем, концепция устойчивого развития — доктрины, разработанные по заказу «Римского клуба» и внедренные в мировую научную повестку с целью смещения приоритета общественного внимания с национальных интересов на планетарные проблемы, направлены на ослабление суверенитета национальных государств и осуществление проекта глобализации;

аналитическая философия, социальный конструктивизм — направления современной англо-американской философии и социологии, в рамках которых релятивизируются ценностно-культурные традиции и истинностные утверждения; используются в качестве инструмента интеллектуальной экспансии США в мире и методологической программы переформатирования национальных укладов суверенных государств в интересах глобальной унификации;

эстетика постмодернизма — концептуализация авангардного искусства и литературы как форм политической борьбы, включает пропаганду в качестве видов современного искусства политического акционизма, социального протеста, акций прямого действия, порнографии, стимулирование общественного интереса к сексуальным извращениям и маргинальным формам культуры;

теория тоталитаризма, теория противостояния цивилизации и варварства — концепции морально-политической и социальной философии, разработанные западными авторами второй половины XX в., в рамках которых обосновывается типологическое тождество между германским нацизмом и советским политическим строем, рассматривается противоборство западного «свободного» мира и советского (российского) государства как воплощений цивилизации и варварства; составляют теоретическую основу современной идеологии русофобии;

мультикультурализм, постколониальная теория — социо-логические и культурологические концепции, базирующиеся

на философии постмодернизма и направленные на обоснование принципа инклюзивности — обеспечения культурных прав меньшинств, их защиту от «репрессивного насилия» культуры большинства; рассматривают Россию как площадку взаимодействия разнообразных культур и субкультур, которая не имеет собственной духовной и культурной основы;

постгуманизм, трансгуманизм, биоэтика — научно-философские и политические концепции, постулирующие незавершенность эволюции человечества как вида, новые этапы которой будут определяться «улучшением» людей путем биомедицинских технологий, конвергенцией человеческого организма и сознания с электронными устройствами; разрушают традиционный образ человека с присущими ему моральными принципами и формами социального взаимодействия, в т.ч. любви и брака («киберпол»).

Это, если угодно, те самые программы, концепции и понятия, — «имена», доминирующие сегодня в нашем социально-гуманитарном дискурсе, которые нуждаются в «исправлении». Главная предпосылка и методологическая основа такого «исправления» — национальная мировоззренческая платформа, т.е. взгляд на вещи не с какой-то универсальной, наднациональной точки зрения, а исходя из реальности и потребностей национально-исторического бытия России как суверенного государства-цивилизации. Соответственно, научная и образовательная деятельность должна быть организована с учетом национальных интересов страны, отвечать задачам укрепления суверенной государственности и противодействия попыткам внешнего идеологического давления на Россию посредством социальных доктрин и научных концепций. Исследования необходимо сосредоточить вокруг осмысления самобытности цивилизации России, ее традиционных духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, изучения национального идейно-теоретического наследия и его мирового зна-

чения, а также критического анализа западных концепций, угрожающих стабильности и безопасности России, научному обеспечению ее суверенитета.

В системе социально-гуманитарных наук теоретико-методологическая функция принадлежит философии. Философы обладают привилегией продуцировать регулятивные идеи, на которые потом опираются, без которых не могут обойтись в своей работе многие представители смежных наук: социологи и экономисты, психологи и религиоведы, филологи и историки. Ибо невозможно, например, писать историю, не опираясь на определенную теорию исторического развития, а концептуальные основы и методологические принципы таких теорий разрабатывают и формулируют философы, которые традиционно обладают высоким авторитетом и идеологическим влиянием в смежных отраслях знания. Поэтому «исправление имён» в социально-гуманитарной повестке должно начинаться с философии.

Философские исследования предстоит освободить от диктата постмодернистских методологических программ и ориентировать на классическую модель философской науки, развитие которой является одной из основ укрепления традиционных ценностей и может способствовать повышению роли России в мировом гуманитарном, культурном, научном и образовательном пространстве. Содержание, цели и задачи исследований должны отражать социально-политическую и духовно-культурную жизнь России, давать концептуальное осмысление встающих перед ней вызовов и угроз, вносить вклад в совершенствование системы фундаментальных научных разработок как важнейшей составляющей успешного развития страны. В качестве приоритетных могут быть выделены следующие направления философских исследований: история русской философии, история философии народов Евразии, философское востоковедение,

история западной философии, онтология, теория познания, логика, философия науки и техники, философия природы, социальная философия, философии политики и права, философия человека, этика, эстетика, философия культуры, философия религии и теология. Предлагаемая структура раскрывается через решение комплекса конкретных научных задач.

Прежде чем обратиться к задачам истории философии, хотелось бы отреагировать на тезис А. Ю. Коробова-Латынцева о необходимости мобилизоваться, а «не прятаться в архив». Не подвергая сомнению необходимость мобилизации, должен заметить, что через архивы сегодня также проходит линия фронта, ибо здесь находится один из важнейших участков информационного противоборства, непосредственно связанный с заглавной темой философского собора. Очевидно, что задача «Великого исправления имен» подразумевает преодоление исторических фальсификаций и избавление от сформировавшихся на их почве целого ряда социальных стереотипов, которые нас дезориентируют, морально разоружают и как раз-таки препятствуют мобилизации во всех её аспектах.

Фальсификации истории построены на недобросовестных исторических спекуляциях. Им должны быть противопоставлены нарративы «с другим знаком», но этого недостаточно, ибо такая «битва нарративов» может продолжаться бесконечно. Необходим качественно иной уровень фундирования исторического дискурса, который обеспечивается обращением напрямую к первоисточникам и документам, являющимся неопровержимыми свидетельством исторической правды. Именно архив и есть то место, где находятся первоисточники, без знания которых невозможно писать достоверную историю и подвергать деконструкции злокачественные фантомы общественного сознания, являющиеся результатом исторических фальсификаций. В этом состоит

одна из задач нашей работы по «исправлению имен» — как в общеисторическом, так и в историко-философском аспекте.

История философии сегодня — одно из измерений политики исторической памяти; в области истории русской философии целесообразно исходить из приоритета для России национальной философии, значимость которой определяется не тем, насколько успешно русские философы выучили «уроки» западной философии, а как им удалось выразить и осмыслить философскую проблематику бытия России; в связи с этим необходимо ликвидировать многочисленные лакуны в области научного издания трудов русских философов, реализовать проект фундаментальной многотомной истории русской философии, показать вклад русской философской мысли в критику западной цивилизации и значение ее идейного наследия для поиска путей выхода из кризиса, который переживает современный Запад.

В контексте реализации государственной информационной политики пропаганда идей русской философии может быть направлена на усиление в массовом сознании роли традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, противодействие навязываемым извне деструктивным идеям, стереотипам и моделям поведения.

Изучение философской мысли окружающих Россию стран, возникших на территории бывшего СССР, призвано способствовать развитию сотрудничества в рамках международных организаций и институтов, расширению и использованию инструментов сетевой дипломатии и в особенности — укреплению братских связей между православными славянскими народами, служить «мягкой силой» России

на постсоветском пространстве: взаимодействие по линии философских обменов с бывшими советскими республиками позволит усилить в них позиции России и русской философии и поможет оказать поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, включая право на сохранение общероссийской культурной идентичности, обеспечение защиты их интересов, и в особенности — способствовать процессам социокультурной интеграции новых территорий России.

Изучение историко-философского наследия зарубежных стран — необходимое условие понимания их национально-культурной специфики и ментальности; изучение восточной философии должно проводится не на основе идеологии мультикультурализма и постколониализма, а с позиций уяснения, сохранения и защиты собственной национально-культурной уникальности и идентичности; оно может способствовать выработке принципов внутренней национальной политики, профилактике межнациональных и межконфессиональных конфликтов, а также обеспечить идейные основы для развития стратегического партнерства с Китаем и Индией в интересах России. Исследования западной философии могут быть сфокусированы на классических памятниках философского наследия, выявлении и актуализации учений, имеющих непреходящее значение для культуры и цивилизации, которые должны быть отделены от подходов, направленных на деконструкцию социальной и культурной системы; в результате такой работы философия России сможет аккумулировать наиболее значимые ценности, от которых отказывается Запад, и стать депозитарием мирового духовно-интеллектуального наследия.

Под влиянием западных неопозитивистских программ главная философская дисциплина — учение о бытии, или онтология — оказалась дискредитирована и маргинализирована; в результате мы наблюдаем уродливый перекос в поль-

зу теории познания, что нашло отражение, в частности, в структуре научных подразделений Института философии РАН, где существует три сектора, специализирующихся на гносеологии, и ни одного сектора — по онтологии.

Но что мы можем познавать, если игнорируем бытие? Необходимо восстановление в правах онтологии как науки, конституирующей фундаментальные принципы бытия мира, человека и общества. Онтологическое обоснование этих принципов необходимо для эффективной борьбы с релятивистским подходом к миру как к вариативному продукту виртуальных конструкций, благодаря которому власть над сознанием людей приобретают ментальные политтехнологи, для предотвращения информационно-психологических диверсий и вестернизации культуры, попыток манипулирования идентичностью граждан России.

В области теории познания требуется критический анализ эпистемологического конструктивизма, который является методологической основой социального конструктивизма, используемого в качестве программы для попыток переформатирования национальных укладов суверенных государств посредством «оранжевых революций»; также важно сосредоточение внимания на вызовах, связанных с развитием когнитивных наук и искусственного интеллекта.

В области логики целесообразно проводить исследования по истории русской логики, развивать логические исследования в рамках классической парадигмы, актуализировать значение логики как единой основы разумных человеческих действий, в т.ч. в масштабах государства, народного хозяйства, науки и культуры; противодействовать деструктивным концепциям, которые несут угрозу дезориентации и сегментации этих сфер.

К актуальным задачами философии науки относятся: разработка методологии междисциплинарных исследований, возникших на стыках классических наук и наук, занятых прикладными проблемами; а также — анализ проблем взаимодействия российской и мировой науки, разработка оснований и рекомендаций для создания национальной системы оценки результативности научной и инновационной деятельности, нацеленной на решение перспективных задач развития страны и обеспечение интеллектуального суверенитета России.

В области философии природы обладает актуальностью критический анализ современных зарубежных экологических доктрин, выявление их идеологической и политической основы, оценка возможных перспектив их применения с учетом обеспечения интересов России, связанных с освоением космического пространства, Мирового океана, Арктики и Антарктики; проведение исследований, направленных на обоснование неотъемлемости природных ресурсов России, исходя из национальных традиций природопользования, укорененных в самобытности российской цивилизации и ориентированных на сохранение эколого-ресурсного потенциала в качестве национального достояния для обеспечения жизни будущих поколений.

В социальной философии целесообразно провести критический анализ западных концепций модернизации (теорий пост- и деиндустриализации, общества сферы услуг, информационного общества, цифровой цивилизации), дать им оценку в том числе с точки зрения задач демографической политики по повышению рождаемости и увеличению численности населения России, разработать методические основы социализации, культурной адаптации и интеграции в российском обществе мигрантов; найти альтернативу западным теориям модернизации и разработать актуальную теорию исторического развития, призванную служить

методологическим руководством для исторических наук, способствующую защите исторической правды, обоснованию преемственности в развитии Российского государства и его исторически сложившегося единства, противодействия фальсификации истории.

Перспективным в области политической и правовой философии является анализ теоретических оснований, источников, сущности и форм легитимности, методов легитимации политико-правовых институтов современной России, изучение идейной борьбы в области политики памяти и выдвижение рекомендаций по решению задач сохранения исторической памяти; обоснование на этой основе морального лидерства России в мире и формирование привлекательного образа будущего мироустройства.

В области философии человека приоритетными являются задачи охраны человека, защиты его идентичности; требуется проведение критического анализа навязываемых Западом идеологий новой этики, теории гендера, феминизма, квир-философии, биоэтики и трансгуманизма, с помощью которых подвергаются разрушительному воздействию базовые моральные и культурные нормы, религиозные устои, институт брака, семейные ценности, абсолютизируется свобода личности, осуществляется активная пропаганда вседозволенности, безнравственности и эгоизма, легализуется употребление наркотиков, формируются сообщества, отрицающие естественное продолжение жизни; изучение философских проблем медицины может служить теоретическим обоснованием политики поддержки семьи, материнства, отцовства и детства.

Основной задачей научной работы в этике может стать изучение, обоснование и защита традиционных духовно-нравственных ценностей России, поддержание на высоком уровне морально-патриотического воспитания в сфере образования и культуры, противодействие навязываемой США

и их союзниками, транснациональными корпорациями, общественными организациями новой этики и прикладной этики ненасилия и толерантности, ставших основой теории и практики ненасильственного политического сопротивления и блокировавшей совершение нравственного выбора в пользу национальных духовных ценностей, противодействие деструктивному информационно-психологическому воздействию на индивидуальное, групповое и общественное сознание, распространению социальных и моральных установок, противоречащих традициям, убеждениям и верованиям народов России.

В сфере эстетики основными задачами исследований могут стать: концептуализация и актуализация национально-культурного наследия, разработка теоретических основ для развития контактов народов России и Евразии через художественную культуру и искусство, воспитания новых поколений на основе духовных ценностей, национальных традиций и современных интерпретаций «вечных» тем искусства, критика эстетизации насилия, потребления и наслаждения в современном искусстве, развитие и укрепление связи между искусством и другими сферами культуры: наукой, образованием, религией, философией.

В философии культуры целесообразно провести критический анализ идеологии мультикультурализма, выработать основы для преодоления последствий господства этой идеологии, которая превращает российскую цивилизацию в площадку взаимодействия разных культур, лишенную собственной идентичности, что приводит к усилению разобщенности и поляризации национальных сообществ нашей страны.

философское осмысление традиционных ценностей России позволит укрепить фундамент культурного суверенитета, продвигать наши исторические традиции в области

образования, науки, культуры, религии, языка и информационной деятельности.

В области философии религии обладает актуальностью разработка академического компонента научно-образовательной специальности «теология», изучение духовно-нравственных ценностей традиционных российских конфессий, обеспечение на этой основе культуры межконфессионального диалога и сосуществования, проведение исследований, направленных на выявление предпосылок формирования идей экстремизма на религиозной почве; предупреждение и нейтрализацию межконфессиональных и межнациональных конфликтов, сепаратистских проявлений, предупреждение распространения религиозного радикализма, деструктивных религиозных течений, формирования этнических и религиозных анклавов.

Разумеется, предложенная программа — не какая-то догма, а рабочий проект, набор предложений, предполагающий дискуссионное обсуждение, в ходе которого он может быть скорректирован, дополнен и развит. Вместе с тем, основной вектор — переориентировка направления исследований с глобальных мировых трендов на национальные проблемы и интересы России как суверенного государства-цивилизации — является принципиальным.

Ключевой вопрос заключается в том, каким образом подобное «исправление имён» может быть осуществлено. В нашей стране преобладают практики централизованного регулирования сфер государственного интереса и финансирования, к которым относятся наука и образование, и конечно, хотелось бы надеяться на внимание директивных инстанций к результатам работы нашего философского собора. Если эти результаты будут учтены при формировании новой научной и образовательной политики в социально-гуманитарной сфере, острый запрос на которую сегодня

существует, это стало бы настоящим прорывом. Однако независимо от этого, важно использовать все возможности, чтобы самодеятельно реализовывать эту политику любыми доступными нам способами. Собственно говоря, мы это уже делаем: наш философский собор, как, в частности, и другие проекты «Солнца Севера», является впечатляющим примером многообразной инициативной деятельности, конституирующей в масштабах страны интеллектуальное движение и концептуальную парадигму, которая становится в России безоговорочным мейнстримом. «Время разбрасывать камни, и время собирать камни». Сегодня настало время собирания камней. Да, это нелегкий процесс, ибо собирание камней требует гораздо больше сил, чем их разбрасывание. И точно так же, как разбрасывание камней не обошлось без участия философов, их собирание не сможет совершиться без нашего философского собора.

Евлампиев
Игорь Иванович
доктор философских наук, профессор.

ПРОРОЧЕСТВО РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ О КРАХЕ ЗАПАДНОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ РОССИИ

В современной ситуации необходимо прежде всего осознать тектонические исторические сдвиги, которые подготавливались с начала XIX века.

Русская философия всегда была очень внимательна к проблемам исторического развития человечества и пыталась понять свершающиеся в истории события. Она глубоко чувствовала смысл происходящего и предсказывала грядущие события.

Попробуем сравнить пророчества русских мыслителей и то, что происходит в реальности в нашу переломную эпоху.

Я, как исследователь, который давно занимается историей русской философии, вижу два важнейших вопроса, которые постоянно возникали в размышлениях русских философов. Во-первых, это идея краха западной цивилизации, и, во-вторых, представление о той роли, которую Россия будет играть в новом мире, который сейчас создается, и который русские мыслители предсказывали с начала XIX века, начиная с П.Я. Чаадаева.

КРАХ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Крах западной цивилизации — это тема, которую затронули практически все русские мыслители. Даже П. Я. Чаадаев, который вроде бы восторгался Западом и критиковал Россию, на самом деле восторгался великой европейской тысячелетней культурой, а либеральную Европу считал странным историческим образованием, которое долго не проживет.

Я выбираю в качестве фигуры, о которой буду говорить более подробно, немного парадоксальную личность — основателя русского либерализма, Бориса Николаевича Чичерина. Парадокс в том, что либерализм, который в его западной версии критиковали практически все русские философы, появился и в России, но свой, совсем не похожий на западный. При этом самый известный теоретик русского либерализма в своих книгах одной из главных тем считал резкую критику западного либерализма.

В одной из своих работ Б. Н. Чичерин недоумевает, как такая нелепая социальная конструкция не только возникла, но оказалась воплощенной в реальность. С точки зрения русского либерала, который предложил свою версию либерализма, западный либерализм — это абсолютно тупиковая модель общественного развития. Хотя то, что предложили русские либералы XIX века, можно признать вполне плодотворной моделью, которую необходимо знать и из которой можно заимствовать здравые идеи.

Б. Н. Чичерин обращает внимание на абсолютную ложность исходных предпосылок либеральной цивилизации Запада, которая возникла в эпоху Просвещения, т.е. совсем недавно, и которая шла против традиционной европейской культуры.

Западная либеральная идеология исходит из того, что свобода человека — это чисто внешнее качество, в человеке нет ничего внутреннего. Человек понимается как социальный атом, в котором нет внутреннего духовного содержания; в либеральном обществе единственной ценностью является максимум внешних формальных свобод. Б. Н. Чичерин и другие критики западной цивилизации совершенно естественно выводили отсюда, что если в человеке не предполагается глубинного духовного содержания, тогда вообще невозможно обосновать его отличие от животных. Либеральная цивилизация предстает как *механический агрегат социальных атомов, который существует по механическим законам*. Отдельные элементы этого агрегата (т.е. человеческие личности) считают, что они обладают свободами и с гордостью об этом говорят, но в реальности они не обладают самым главным — духовным измерением своего бытия.

Свобода человека только тогда имеет смысл, когда она направлена на творчество, на созидание искусственной природы — культуры. Если же свобода понимается как элементарное негативное качество, как отсутствие ограничений («иду, куда хочу»), то такая свобода ничего не даёт человеку.

Любое животное в лесу может считать, что оно свободно, потому что оно идет, куда хочет, хотя на самом деле — не туда, куда оно хочет, а куда ему позволяет природа и система ее законов.

Цивилизация, которая свела свободу к внешней форме, только к отсутствию ограничений в поведении, по сути не видит в человеке духовного содержания; в своей исторической практике такая цивилизация нацелена на то, чтобы это содержание *постепенно уничтожать*. Либеральная цивилизация возникла из культурной Европы, где индивиды обла-

дали высокой духовной культурой. Традиции европейской культуры невозможно было убить мгновенно. Но парадокс в том, что за два столетия существовании либеральной цивилизации (XIX и XX века) она реально уничтожила духовное содержание в людях.

В современной Европе мы имеем цивилизацию, абсолютно не понимающую и не знающую своего собственного прошлого, не обладающую тем главным, что раньше считалось главным для европейского человека — глубоким образованием, глубоким уровнем внутренней культуры, пониманием культуры, духовности, творчества, истории.

Все это исчезло, потому что в выстроенной социально-политической модели всё сведено к внешнему.

По сути, мы имеем дело с цивилизацией, которая постепенно пришла к варварству, причем последний термин нужно понимать не метафорически, а буквально. Этот процесс на примере американской цивилизации начала XX века очень ясно и тонко интерпретирует известный немецкий философ Герман фон Кайзерлинг в книге «Америка. Заря нового мира». Он жил в США в 30-е годы, наблюдал американскую цивилизацию, которая по материальному развитию скоро превзошла всё, что человечество могло когда-либо достичь. Но Г. фон Кайзерлинг делает однозначный вывод о том, что это цивилизация нового варварства. Цивилизация — это, прежде всего, общество, прежде всего, люди, а люди — это, прежде всего, их дух. В человеке и в обществе главное — духовное начало, а не уровень материального развития. Не ВВП определяет степень развития человека и общества. Кайзерлинг точно говорит, что при всём своем материальном развитии, Америка по уровню духовного содержания и духовного развития отдельных людей и общества в целом скатывается к новому варварству. Человек

в этой цивилизации уже вообще не знает, что он — духовное существо, что в нём есть творческое начало, ему не нужна культура. Он живет как механический агрегат, как животное, которое движимо простейшими рефлексами. Именно этот процесс в самом его начале заметили русские мыслители еще в XIX веке, а многие западные философы ясно описали его в начале XX века. Этот процесс сейчас дошел до такой степени, что западная цивилизация не способна решать самые элементарные проблемы и не способна понять цивилизацию, которая отличается от неё наличием развитого духовного начала.

Мы видим исторический процесс, в результате которого всё человечество распалось на две цивилизации. В одной из них духовное начало остается главным принципом понимания сущности общества и человека, в этой цивилизации дух и культура по-прежнему ценятся и являются основанием всех оценок; здесь человек ясно осознает, чем он отличается от животного. Вторая цивилизация в силу парадоксальной логики своего развития за два столетия полностью утратила понимание того, что является главным в человеке. Люди в этом обществе — новые варвары, которые уже не способны ясно сформулировать, чем они отличаются от животных. Они не способны понять другого, поскольку это сложный духовный акт, не способны творчески откликнуться на иную точку зрения, не способны строить нормальные отношения с другими, что ведет к катастрофическим последствиям в международных отношениях. В этом смысле тот радикальный конфликт, который развивается в наши дни, был неизбежен.

Если у человечества есть перспектива, то та цивилизация, которая обладает духовным началом, должна победить в какой-то форме.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ РОССИИ, ИЛИ «РУССКАЯ ИДЕЯ»

Второй вопрос касается того, как русские мыслители видели предназначение России после гибели либеральной цивилизации. Эта гибель неизбежна, поскольку цивилизация, где человек деградирует до уровня животного, где происходит антропологическая катастрофа, исчезновение человека в своей подлинной духовной сущности, не может существовать, она обречена. После ее краха Россия должна играть центральную роль в формировании новой, постлиберальной цивилизации; описание этой роли и есть то, что принято называть «русской идеей».

Здесь стоит обратить внимание на важное понятие, которым всех пугают, но которое в данном контексте является абсолютно законным — на понятие *империи*. Нас обвиняют в том, что Россия хочет восстановить СССР, или империю. Это выглядит странным, если мы вспомним, что СССР вырос на развалинах Российской империи, т.е. на сознательном отрицании формы империи, — удивительное логическое противоречие. Но это типичный пример психоаналитической подмены понятий. На самом деле,

империя как универсальная политическая форма абсолютно законна, более того, она является одним из важнейших понятий политической теории последних двух столетий.

В том, что Запад идёт по этому же пути, у меня сомнений нет. Либеральная цивилизация, которая из понятия «империя» сделала «страшилку», сама является империей самого отвратительного типа. Мы живем в американской империи, в глобальном общественном образовании, которое претендует на то, чтобы навязывать один и тот же путь всему человечеству.

Американская империя — это империя вполне традиционного типа, которых много было в истории — это империя, где на первом плане экономика. И Евросоюз пошёл по тому же имперскому пути. Это попытка глобального объединения, направляющего всё человечество к светлому будущему, в котором главное — это материальное благосостояние. Парадокс в том, что никогда ни одна империя не жила только экономикой. На самой деле, все империи становятся по-настоящему целостными только благодаря какой-то идеологии: наиболее часто в этой роли выступала религия, хотя иногда использовались другие общие идеи, выходящие за пределы экономики.

Русская философия постоянно обращалась к идее империи. Путь человечества — имперский путь, это не вызывало сомнений ни у кого из русских мыслителей. Владимир Соловьёв здесь — наиболее показательный пример. Он потратил значительные усилия на построение утопического проекта всемирной империи, в которой главой должен быть русский царь, а главным священником, главой Вселенской церкви — Папа Римский. Это немного смешно выглядит, и кажется, В. С. Соловьёв сам до конца не верил, что такое возможно. Странным контрастом к этой теократической утопии выглядит его небольшая работа «Всемирная монархия». Здесь он пишет, что человечество неизбежно стремится к единству, и это единство мы должны называть империей. При этом очень важно понять, как это единство устроено, на чем оно базируется. Он приводит в качестве примера Древний Рим как образец для всех империй мира. В соответствии с этим образцом он пытается наметить путь в то будущее, где Россия играет главную роль. Вопреки всем другим своим работам, где он склоняется к теократии, к приоритету власти монарха и первосвященника как основы единства общества, В.С. Соловьёв выдвигает в упомянутой статье совсем другую идею в качестве основы единства людей. В теокра-

тии принципом единства выступает религиозная идея, но религиозная идея вряд ли сможет объединить всё человечество. Люди исповедуют слишком разные религии, чтобы их можно было объединить на этом принципе, навязывая христианство по всему миру. Даже наша страна не является чисто христианской. В этой статье В.С. Соловьёв выдвигает другое основание империи — культуру. И это *ключевая идея всей русской философии XIX века: принцип будущего лидерства России в мире — это высокая духовная культура*. Запад идет к кризису и гибели, потому что идея духа, высокой духовной культуры как высшей цели жизни и деятельности человека в мире исчезла. На Западе люди не понимают, ради чего они живут, а в России это сохранилось.

Разные мыслители, казалось бы, несовместимые по своему мировоззрению, сходятся в этой идее. Например, Ф.И. Тютчев и А.И. Герцен. В 1850 году Ф.И. Тютчев опубликовал в Германии на немецком языке статью «Россия и Революция» (публикация была анонимной). Он утверждал, что Европа на пороге гибели, потому что революция распространяется и погубит великую Европу, а Россия — это скала, которую революция не способна затронуть. Единственный шанс у Европы выжить — «вступить» в Российскую империю. Статья Ф.И. Тютчева заканчивается красивым метафорическим финалом: на арену истории выплывает ковчег — Российская империя; он незыблем, и только он может стать оплотом грядущего мирового порядка. Конечно, Ф.И. Тютчев понимал, что европейские народы не войдут в русскую православную империю: это нелепо, преодолеть западную ненависть к нам очень трудно. Ф.И. Тютчев ведь сам был европейцем; он 40 лет прожил в Германии, у него обе жены были немки, он высоко ценил европейскую культуру. Как возможно, что интеллигентный европеец, который прекрасно знает Европу, пишет, что именно Российская империя спасет все человечество?

Через год после публикации статьи Ф.И. Тютчева, в 1851 году А.И. Герцен публикует в Лондоне на французском языке книгу «О развитии революционных идей в России». В ней говорит, что Россия — это главная страна революции, т.е. ровно обратное тому, что чуть раньше написал Ф.И. Тютчев. Но если мы до конца поймем логику А.И. Герцена (включая, его книгу «С того берега», опубликованную в Германии на немецком языке в 1850 году), то мы с удивлением увидим, что точки зрения Ф.И. Тютчева и А.И. Герцена сходятся. По мнению А.И. Герцена, мещанская Европа гибнет, поскольку в ней умерла культура, а в самодержавной России культура еще не расцвела. Благодаря революции Россия станет развитой страной духовной культуры и объединит весь мир именно вокруг ценности культуры.

Ф.И. Тютчев говорит о православной империи, в которую все должны вступить, чтобы пережить революцию, а А.И. Герцен — что революция должна всех спасти. Как это возможно совместить? Но здесь важно уточнить, что А.И. Герцен имеет в виду под «великой революцией», которая должна спасти Россию, а затем и весь мир. Главным деятелем русской революции А.И. Герцен называет Петра I за то, что он поставил Россию на путь подлинного культурного развития. Продолжили эту революцию, по А.И. Герцену, А.С. Пушкин и русская литература. Мы должны понять, что он имеет в виду революцию духовно-культурную, а вовсе не политическую. Он негативно относился к реальным революционерам, готовившим политическую революцию, он называл все реальное революционное движение «самодержавием наоборот».

В итоге получается, что Ф.И. Тютчев и А.И. Герцен говорят об одном и том же. Как Ф.И. Тютчев под образом православной империи имеет в виду империю грядущей духовной культуры, так же и А.И. Герцен, под словом «революция» понимает ту роль, которую Россия должна сыграть, направив

всё человечество к такой общественной системе, где главной ценностью будет являться духовная культура. Эта ценность должна определять всё устройство общества и все отношения людей, и в политическом смысле такое общество можно и нужно называть «духовной империей», или «империей культуры». Именно такое представление возникает в рассуждениях обоих мыслителей, и В. С. Соловьёв говорит об этом же в упомянутой выше статье «Всемирная монархия».

Современный Запад деградировал к варварству, и это состояние недостойно великой истории Европы, которая всегда высоко ставила ценность культуры. Сейчас мы можем и должны уверенно утверждать, что

русские — единственные подлинные европейцы, которые продолжают традиции великой европейской культуры.

Именно об этом говорила вся русская философия XIX — начала XX века. Особенно наглядно и прямо эту мысль выразил Ф. М. Достоевский в романе «Подросток» через монологи его главного героя Версилова.

Великое историческое предназначение России заключается в том, чтобы, возродив и соединив лучшие традиции русской, европейской и мировой культуры, — создать цивилизацию, в которой все народы смогут найти себя, найти цель своего развития, приняв созданную нами культуру как свою собственную. Это и будет новой и уже окончательной формой империи — духовной империей, новой формой политического, общественного и культурного объединения людей. А найдет ли место в этом новом образовании нынешний Запад — зависит от него самого.

Если у них есть здоровые силы, понимающие, что либеральная цивилизация идет к полному краху, и осознающие

необходимость вернуться к традициям великой европейской культуры, тогда у Европы, может быть, получится войти в будущую духовную мировую империю. Но в том, что Россия будет её лидером, можно не сомневаться.

Ванчугов
Василий Викторович
доктор философских наук, профессор

ЭТНОСОФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЗНАНИЯ. ФИЛОСОФСКИЕ УРОКИ ИЗ «СТОЛКНОВЕНИЯ НАРОДОВ» И ВЫЯВЛЕНИЕ СКРЫВАЕМОЙ СУЩНОСТИ ИНДИВИДОВ И ОБЩНОСТЕЙ

В 2014 году, когда отмечалось столетие начала Первой мировой войны, по заказу энциклопедии, посвященной этому цивилизационному конфликту, я писал большую статью на тему «Общественная мысль и война». Там было очень много эмпирики, которая в очередной раз продемонстрировала, что, как это ни странно и как это может быть ни цинично, но именно война очень «плодотворна» для философии, для активации когнитивных процессов, для творчества, изобретательства, для появления новых концептов как разрушения, так и созидания. Пока мирное время, люди не особо рефлексируют по поводу мира, мироустройства, миропорядка. Пока порядок и комфорт, не очень-то хочется размышлять о данном положении вещей, воспринимаемом как норма, как нечто естественное, гарантирующее будущее.

Однако когда все разом рушится, ломается система, деформируется структура, то запускается на индивидуальном и коллективном уровне процесс осмысления: «А на чем здесь все это у нас основывалось?» — и почему то, что казалось незыблемым и прочным, оказывается на самом деле эфе-

мерным? С утратой мира весь быт общества насыщен войной, столкновениями, происходит милитаризация сознания. И философское сообщество не остается в стороне, переформатируя ученые собрания, круглые столы, симпозиумы, переосмысляя учебный процесс.

Запускаются когнитивные процессы, образно выражаясь, на новой основе, ином эмоциональном фоне, и очень много интересного получают для себя оказавшиеся в ситуации слома привычного и «очевидного» порядка вещей. Первая мировая война и другие войны до и после показывают многообразие интерпретаций, инвентаризацию герменевтических техник и практик. Физиологическое рассматривается сквозь призму метафизическую, и вот уже война принимается и принимается «умом и сердцем» как битва «богов», столкновение высших сущностей посредством посюсторонних сил в виде этносов, цивилизаций, народов, групп. В итоге упомянутая мною Первая мировая предстает в российской оптике как война русского Бога с немецким, а точнее, как битва Бога с его антиподом. Так в условиях военного времени происходит своеобразная постмодернизация христианства. Речь уже идет не о том, принятом в теологии, в реальной религиозной жизни, Боге, — появляется этноперсонификация божественного, этнософизация: «русский Бог бьется с немецким идолом», «русские святые бьются с немецкими супостатами, ангелы — с бесами». Происходит эмоционально-концептуальный сплав; посредством политизированной эстетики создаются новые образы, формируется пропаганда, идеология, мировоззрение.

Основы культурной политики в это время пересматриваются самым решительным образом, представители культурного слоя отбрасывают политес и начинают называть вещи своими именами, обозначать сущности простыми словами, без оглядки на политкорректность. Приведу в пример запись из дневника профессора Санкт-Петербургского универси-

тета, цензора и замечательного мыслителя А. В. Никитенко. 9 апреля 1864 года он отмечает, что в «Северной почте» напечатан рескрипт, зачитанный при закрытии финляндского сейма; содержит выговор сейму за его неприязненность к России, обнаруженную во время прений. «Это очень хорошо, — отмечает профессор. — Всякая тварь, пользуясь всевозможными льготами в соединении с Россией, считает своим долгом при всяком удобном и неудобном случае плюнуть на Россию, и государь прекрасно напомнил чухонцам, что это глупо и неправильно. Россия, кроме добра, ничего им и не сделала, а они, получая от нее все благо, воротят от нее свое рыло. Это нам праведное указание за то, что мы мало уважаем себя…»

Этот пример, в совокупности с массой другого материала, извлекаемого из культурного наследия, и в сопоставлении с другими временами, показывает сходство интеллектуально-эмоциональных реакций наших соотечественников на «недружественное» поведение наших «партнеров» и «соседей»: по мере того, как Россия давала им различные привилегии, шла на уступки, делала преференции, — в ответ рано или поздно звучали претензии, нарастали требования; что чем больше даешь преференций партнерам, тем наглее они начинают вести себя, и периферийные субъекты политики претендуют на роль геополитических лидеров. И оттого часто мы видим, как и в случае с А. В. Никитенко, переход от официального этнонима к неофициальному, — от «финнов» к «чухонцам». К тем словам, выражениям и образам, которые, как сегодня бы сказали, обычно подавляются в условиях политкорректности. Но как только происходит разрушение мира, политкорректность отбрасывается как навязанное и бесполезное, и люди начинают использовать те слова, которые им кажутся более органичными и лучше выражают сущность происходящего не только в настоящем, но и прошлом. А потому в условиях

военного времени не только творится будущее, новое мирное время, но и переписывается прошлое

Итак, сосредоточимся на таком аспекте, как этнософия, взяв в нашем случае за основу тот внешний бытовой спектр, показывающий богатую палитру социального бытия и антропологической проблематики. Разговаривая о нашем времени, мы используем и историко-философские экскурсы, и метод кейсов, сопоставляя однотипные случаи из прошлого и настоящего, выявляя сходства и различия.

В философии есть такое направление исследований, как философия имени, метафизика именования. В имени, в именовании чего-либо проявляется сущность в языке проявленного. С другой стороны, мы именуем того или иного человека, ту или иную группу, страту, используя официальные и неофициальные имена, прозвания, наделяя их определенным содержанием, значением. Эти именования порой характеризуют не столько именуемое явление, сколько именующего, манифестирующего собственные представления, помыслы, оценки. В этом плане интересна — культурологически — такая ситуация, как переименование, грамматическое «переоблачение» чего-либо, исходя из потребности снять личину, содрать маску с человека, группы, показать их истинное лицо, сущность.

Сегодня мы также получаем множество интересных ситуаций. Возьмем, к примеру, следующую философскую реалию: в истории философии есть такой своеобразный мыслитель — Григорий Саввич Сковорода. В разных текстах он обозначается то как «русский философ», то как «малороссийский мыслитель», то как «украинский». На Украине он «национализирован». Там в активной фазе «переоблачения», битвы по обозначению истинной сути прошлого и настоящего, что сопровождается среди прочего и сносом памятников, переименованием улиц, площадей и даже наших земель, учреждений и образований. Так, для соседнего

государственного образования, претендующего на роль «европейской земли», славянской модуляции западной цивилизации, мы — «орки», обитающие в «Мордоре».

Но сейчас речь не об этом государственном образовании, дающем, впрочем, много интересного материала для культурной антропологии, а о Европе, с которой нам приходится достаточно жестко взаимодействовать в цивилизационном пространстве. Очередная ситуация с Европой.

На данный момент времени я занят большой работой, в основе которой фиксация на большом временном отрезке ситуаций «синхронизации с Европой». Особенно интенсивная фаза того, что я называю «синхронизацией» с Европой — это XVIII век. Ее результат — «просвещение»: академия наук и искусств на европейский (парижско-берлинский) манер в эпоху Петра I; появление университета в эпоху Елизаветы; опыт философического законодательства в виде «Наказа», в эпоху Екатерины II. Когда мы синхронизируемся с Европой, мы делаем все, что только возможно: переоблачаемся во всех смыслах — от одежды, до языка. Но регулярно происходит сбой, десинхронизация.

В таких случаях можно вспомнить, например, Н. Я. Данилевского, который в своей замечательной работе «Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому», — показывает, что синхронизация в принципе и невозможна, поскольку в этом процессе участвуют различные «культурно-исторические типы», социальные организмы с различиями в устройстве. Поэтому надо успокоиться и не пытаться трансформировать себя в то, во что вы и не можете превратиться.

Для нас представляется не просто интересным, а жизненно важным просмотреть всю долгую историю синхронизации и десинхронизации. Из последних примеров — наш «проект» под названием «Большая Европа», — Европа от Лиссабона до Владивостока. Это была очередная попытка

синхронизации с Европой, которая завершилась «демонтажем». К этому можно и нужно относиться совершенно спокойно: такое уже бывало. И снова наступит время синхронизации, «наведения мостов», «сверки времени». Как историк философии, работающий с большими горизонтами, с большими временными интервалами и цивилизационными пространствами, я вижу эту «синусоидность», периоды спада и подъема, содружества и вражды. И я уже ожидаю, хотя не могу сказать точно, когда, но наступит очередной период «дружбы», синхронизации, а с нею и политкорректности, употребления правильных, принятых в культуре и приятных слов.

Но пока — «кэнселинг» — воинствующий отказ, отмена русской культуры, включая переименования. Только вот мы должны понимать и помнить: когда нам будет снова хорошо с Европой, в очередной раз, рано или поздно снова наступит «кэнселинг», в нас снова плюнут, и не всегда метафорически, попытаются отменить наше прошлое и настоящее. Так что, живя и работая в условиях то синхронизации /конструирования/, то десинхронизации /демонтажа/, следует полагаться лишь на себя.

Конфликтность бытия, полемичность «диалога цивилизаций» — это нормальный процесс, точнее, естественный порядок вещей.

Понятно, что с точки зрения быта это не совсем хорошо, потому как хочется мира и гармонии. Однако в данное время Европа снова «закрывается», отторгает нас. Зато появляется много материала для работы, в том числе и в таком направлении, как этнософия.

Философия, как некая системообразующая интеллектуальная структура, исторически движется не только вширь, но и вглубь. Движение вглубь проявляется в том, что время

от времени среди интеллектуалов (здесь берем только один сегмент — интеллектуальный, интеллектуалы в конфликтных условиях, в ситуации столкновения) того или иного народа с особой остротой ставится задача постижения коллективного духа, души народа как собственного, так и иного — соседей ближних, дальних и пр. В этом случае народ рассматривается не своей конкретностью, что является задачей этнографии, этнологии и подобных вспомогательных дисциплин, а в своей умопостигаемой сущности. Философами постигается высшая идея нации, т.е. в философских терминах воспроизводится то, что она сама думает о себе или думает и проговаривает или недоговаривает. А мы за нее имеем право проговорить, выговорить, обозначить. То и дело появляются нетрадиционные для чисто академической философии рассуждения о национальной идее. Чтобы более четко определить подобного рода рассуждения, терминологически выделить этот вид философствования, можно обозначить его как «этнософия».

Подобный термин уже использовался классическими евразийцами (30–40-е г.г. XX в.) как только у них речь зашла о необходимости наряду с чисто описательными научными действиями сформировать исследование, осмысляющее имеющийся у ряда наук их фактический материал. Цель подобных рассуждений — определение преимуществ и недостатков народа в интеллектуальной сфере, составление коллективного психологического портрета, выявление роли того или иного народа во всемирной истории. Мы не будем вдаваться в дискуссию относительно того, насколько научны те или иные суждения. Нас интересует заявленная в них концептуальная схема. Главное, что мы можем отметить, это то, что такие суждения систематичны. Они достаточно частые, регулярно воспроизводятся, и нам уже достаточно, чтобы выделить их в особую группу.

Изобилуя метафорами, рассуждения этого круга мыслителей направлены, тем не менее, на открытие некоей формулы народа, т.е. множество метафор, которые претендуют на статус формулы народа. Всякая формула в этой сфере есть способ оформления индивидом коллективных представлений о самих себе и о других. Народы взаимодействуют друг с другом в различных сферах, занимаясь торговлей, путешествиями, отдыхая, обучаясь. Одним словом, между ними происходит постоянный, перманентный культурный обмен. Этот культурный обмен не всегда симметричен. Всегда есть доминирующая, лидирующая, образцовая культура, которая другой дает больше, чем получает. И для России в разное время образцами для подражания выступали различные представители европейской культуры.

Изучая философию французскую, немецкую или английскую, нередко одновременно хотели постичь не только софию или логию в виде различных направлений, но и сам дух народа их сформировавших. Даже за шутливыми эпитетами и эмоциональными оценками слышны часто отголоски той работы, которая была проделана философским умом на более ранних этапах самосознания или при изучении других предметов. Наблюдая, например, за мыслящим немцем, начиная говорить о туманности немецких трактатов, воспарении немецкого разума в заоблачные высоты, плавании по океану абстракции. Когда мы суммируем совокупность вот этих вроде бы шутливых метафор, имеем большой эмпирический материал и начинаем структурировать, мы замечаем, фиксируем преобладание образа воды. В то время как за шутливыми эпитетами по отношению к другому философствующему народу, группе, выражающими тот или иной народ, преобладает земля. Такая вот архаика — «огонь», «вода», «земля», «воздух», такая старая добрая наивная метафорическая натурфилософия, всплывающая в подобных

обозначениях ментальных особенностей того или иного народа.

Мы можем зафиксировать, наблюдая такие диалоги-взаимодействия, своеобразные этнософические «портреты»: «немцы», «французы», «англичане». Но не конкретно этноса, а как некие типы. И мы можем заметить, что это было фиксируемо и в XIX веке, и позже, и сейчас. И сегодня мы тоже можем обнаружить, наблюдая за потоком слов в адрес взаимодействующих субъектов цивилизационного столкновения, что наряду с индивидуальной душой того или иного человека, того или иного немца, того или иного француза, существуют одновременно коллективные души, немецкая душа как таковая. Поэтому мы взаимодействуем с душой Ганса, Мишеля, Джона и в то же время с некой коллективной душой и коллективной сущностью, с «немецкой» / «французской», «английской» / душой как таковой. Такие реконструкции вскрывают, обнаруживают установку — все эти индивиды, данные ситуативно персоны, являются проявлением умопостигаемой «коллективной души». И что если мы не знаем эту коллективную душу, то мы не в состоянии справиться с отдельными индивидами. Поэтому, чтобы справиться с ними, чтобы победить, преодолеть в интеллектуальной полемике или в реальном столкновении, надо постичь эту интеллектуальную душу — французскую, немецкую и пр. В XIX веке это легко описывается, маркируется. Сейчас это представлено менее явно, но когда суммируем современные метафоры, формулы, то мы замечаем эту прежнюю, давнюю установку нашего сознания — вскрыть, обнаружить эту коллективную душу немцев, французов, итальянцев и пр., включая их новых «соседей» и «родственников», в виде группы славянских образований. Во всех перебранках, включая «сетевые» битвы, мы видим как раз оперирование этими коллективными сущностями.

Если обратиться в прошлое, то мы видим ситуации, знание механизма которых будет полезно для нас и сегодня. Выявление так называемых этнософических портретов. прошлого дает нам много интересного материала. Постигая сущность немца, русский философ чаще строит свои суждения, имея перед глазами образ И. Канта, Г. Гегеля или иного философа. Но это уже не просто И. Кант, Г. Гегель, а «Кант» и «Гегель» как бы закавыченные, т.е. наряду с реальными историческими философами И. Кантом, Г. Гегелем, Ф. Ницше, М. Хайдеггером проступают персонификации коллективного немецкого духа. И мы обнаруживаем так называемые специфические антропонимы (есть этнонимы — немцы, французы и антропонимы, персонификации — И. Кант, Г. Гегель, И. Фихте. Г. Гегеля представим не просто Г. Гегелем, а как нечто выражающее типично немецкое в философии. А потом он получает дополнительные имена, и ряд наименований прозвищного типа, своеобразные клички. Они могут быть позитивные, негативные. Если мы реально работаем с материалом как историки философии, то находим, например, из лексикона философов XIX века: «Егор Федорович» — переименование Г. Гегеля как «своего». Почти в Москве живет этот Г. Гегель, он же — Егор Федорович. Это принятие в круг. Или, в ином случае, исключение из круга. «Немецкий клоп» — такое отторжение, навешивание клички, своеобразная когнитивная обида. Немецкий клоп — это философ-контрабандист, философ-чиновник.

За этими обозначениями иного другого мы получаем и ценный материал относительно и нас самих. Мы, именующие ту или иную сущность, раскрываем и самих себя, свое мироустройство, свои оценки. Идеалистическая хлыстовщина, чичиковщина — обозначение философствования Гегеля. Кант — это головной философ, мещанская философия, немецкая пародия на платонизм, психология начинающейся старости, философия галлюцинирующего невротика. Это

все о Канте. Мы видим, как всплывают в разные времена зооморфные образы (русский — медведь, немец — клоп, француз — лягушатник, петух). Так мы наблюдаем сегодня, как этот тип метафоризации всплывает в сознании, активно используется и массами, и интеллектуалами. Образы, метафоры, структуры сознания созвучны прежним состояниям. И для акторов постмодернистского общества, людей эпохи постмодерна, постинформационного общества, Россия снова «медведь» в геополитическом пространстве. Формируется своеобразный бестиарий, обозначение геополитических игроков через животных. В ход идут и другого рода уподобления. Например, в начале я привел пример того, как финны обозначаются российским профессором А. В. Никитенко как чухонцы, когда им вскрывается их подлинная сущность — неблагодарное племя, негодные люди. Мы общались с ними как с цивилизованными, как с финнами, а они, по сути, таковыми не являются. Поэтому лучше именовать их чухонцами, что и проделывал не только А. В. Никитенко, но и многие другие. Как в прошлом, так и в настоящем —достаточно посмотреть на реакции сетевого сообщества на действия Финляндии, вступившей в НАТО, включившейся в коллективный Запад для борьбы с нами. Американцы когда-то — «янки». Тут можно привести цитату из В. В. Розанова, из его заметки 1904 года: «Суть «янки» состоит в том, что торжественно поставив огромный сапог из американского бизона на академический стол, он увенчал его лаврами, снятыми с голов Гомера, Данте, У. Шекспира, Дж. Мильтона». Но «янки», как пример негативного переименования, образного вскрытия подлинной сущности представителя «дальнего Запада», — США, сегодня уже практически не используется. Зато появился другой этноним — «пиндос». Интересно смотреть все эти смысловые содержания переименований настоящего в контексте прошлого.

Почему это негативное, неофициальное, неполиткорректное, но часто употребляемое «янки» уходит в прошлое и вытесняется «пиндосами»? Какие смысловые оттенки в новых этнонимах? Или, к примеру, такие метафоры из прошлого, как «этнографический материал», входящие в арсенал современного наблюдателя за происходящим столкновением цивилизаций. Сегодня в роли такого вот пассивного «этнографического материала» (концепт из работы Н.Я. Данилевского), который использовали исключительно для своей выгоды активные «западники», выступает соседнее недружественное к нам гособразование. Такая вот интересная для культуролога ситуация столкновения, при которой отбрасывается политкорректность, обновляется язык. Какие-то образы, какие-то метафоры вытесняют другие.

Каждое время находит свою «упаковку» для смыслов, провоцирует языковые игры. Часть из них, безусловно, не просто неприятны, но и омерзительны. Но для нас важно наблюдать за этими словесными вывертами, издевательствами, концептуальными играми, эмоциональными битвами, новыми зооморфными образами, срыванием «масок». Это время полезно тем, что

мы избавляемся от тех слов (интеллектуалы это делают быстрее, политики — медленнее), которые искажают реальность.

Одни предпочитают говорить «санкционное давление», в то время как другие видят «войну посредством санкций», и не «недружественные государства» вблизи нас, а «враждебные государства». Иные слова — не просто другой эмоциональный фон, но и другое умонастроение для принятия решений.

Завершая краткое рассуждение на тему этнософии, использую образ матрешки. Матрешка — это последователь-

ность вложений ряда фигур, объединение, сокрытие одного в другом, соприсутствие модуляций единого. Мы обычно живем в ситуации «матрешек», когда доминирует, на первый план выставляется нечто позитивное, а негативное скрыто где-то внутри. Этнософические ситуации как раз вызволяют, извлекают на поверхность скрываемое, негативное. Пройдет время, и многие снова забудут эту коллективную склоку, столкновение культур опять будет, в духе политкорректности, спрятано. Вот этот принцип «матрешки» снова сработает — упаковывание, сокрытие за приятными «личинами» чего-то неприятного, подлинного лица. Задачи интеллектуалов — противодействовать карнавальным переодеваниям, изготовлениям в очередной раз цивилизационной «матрешки», когда в угоду политесу забывается, точнее, сознательно скрывается все плохое, но сущностное.

Даренский
Виталий Юрьевич
Доктор философских наук, профессор

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТЫ РУССКОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ

Русофобия как система взглядов, рассчитанная на невежество обрабатываемых ею людей, всегда была и остается грязным инструментом духовной оккупации России западной цивилизацией с целью эксплуатации ее ресурсов и устранения ее как геополитического конкурента. При этом Запад всегда пользуется методом активной поддержки «малого народа» с целью внутреннего ослабления, дезориентации и разрушения «большого народа» и его страны. Как пишет Н. А. Нарочницкая, «современная пресса Запада демонстрирует такой антирусский накал, которого не было даже в период "холодной войны"… Запад будет всегда демонизировать лидера, который хочет сильной и самостоятельной России… как только Россия начинает "сосредоточиваться" и искать формы самовосстановления и укрепления, восстанавливать контроль за своими ресурсами, ее обвиняют в фашизме и отступлении от демократии… Сопротивление — это возврат к "тоталитаризму", а любая защита национального достоинства и истории — это "русский фашизм"»[12]. Эта обычная стратегия Запада на современном околонаучном жаргоне именуется «войной дискурсов», в нравственных

[12] Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. М. 2005, с. 69

человеческих понятиях — лицемерной ложью, а на языке геополитики — борьбой с очагами возрождения обманутой и ограбленной им страны.

Каким образом противостоять этому обману? Можно указать на несколько принципиально важных концептов, активное использование которых может эффективно противостоять западной «промывке мозгов».

ЗАПАД КАК ПЕРМАНЕНТНЫЙ АГРЕССОР

Для западных соседей Россия всегда представлялась «окраиной» их собственного мира, который они считали «цивилизованным», и которому эту русскую «окраину» всегда пытались подчинить в качестве экономической, культурной и политической колонии. Так смотрела на Русь Византия, а затем Западная Европа. Как ни странно, но исключением были татары, которые только требовали дань, назначали главного князя, но никак не вмешивались во внутренние дела. Точнее, вмешивались, но чаще в позитивную сторону — подавляли княжеские усобицы и охраняли права Православной Церкви. Но татарский период закончился, и с тех пор и до настоящего времени Россия составляет предмет колонизаторских вожделений Запада. Но когда на заре Нового времени Европа не смогла сделать из России свою колонию, ее объявили якобы «отсталой» и «варварской» страной, и в этих русофобских фантазиях Запад показывает свои комплексы неудачного захватчика. Это положение страны, на которую соседи смотрят как на «окраину» цивилизации, подлежащую подчинению и перевоспитанию, и создало тот главный закон русской истории, без понимания которого нельзя понять и саму Россию. В русском обществе и в русской истории всегда действуют две противоборствующие силы: с одной стороны, достоинство

и самоуважение народа, который живет по заветам своих предков, почитает свои святыни и поэтому не хочет никому подчиняться ни в духовном, ни в материальном отношении; с другой же — приспособленчество слабых духом, которые хотят стать «цивилизованными» по чужому образцу и устроить себе комфортную жизнь ценою сдачи интересов и чести Родины иностранцам. В спокойные и «комфортные» периоды истории, когда не требуются подвиги и высота духа, этот последний тип людей захватывает влияние в обществе и во власти, в конце концов сдавая ее своим покровителям за рубежом. Но потом наступает момент, когда Россия стоит на грани распада и гибели — и вот тогда вновь приходят Минины и Пожарские, и они восстанавливают великую страну.

РУССКИЙ МИР

Не так давно глава польского правительства Матеуш Моравецкий в статье для The Telegraph написал, что «идеология русского мира» стала эквивалентом коммунизма в XX веке и «раковой опухолью», которая представляет угрозу для Европы. Поэтому, по его словам, европейцы «должны полностью искоренить эту чудовищную новую идеологию».

Это заявление полезно во многих отношениях. В первую очередь, естественно, оно показывает традиционное невежество европейцев, поскольку Русский мир — это не «идеология», а историческая реальность. Идеологий в России много, поскольку здесь есть плюрализм мнений в отличие от Европы, где несогласие с официальной пропагандой давно уже считается экстремизмом, за который легко попасть в тюрьму, чему уже есть масса примеров. Для европейских невежд даем справку: Русский мир — это цивилизация, которая продолжает мировую миссию Рима по сохранению христианской традиции, поскольку Запад от этой миссии давно уже отка-

зался. Кроме того, если европеец считает коммунизм XX века ужасным, то тем самым он просто признает свое собственное историческое преступление, поскольку коммунизм — это западная идеология. Если применять столь радикальную метафору «раковой опухоли», то главной «раковой опухолью» человечества в настоящее время является коллективный Запад, который терроризирует весь остальной мир и не дает ему возможности развиваться.

И поскольку Моравецкий так страстно желает искоренить Русский мир, то это очень хорошо показывает, что Гитлер вовсе не был каким-то чудовищем для Европы, но наоборот, лишь выражал её извечные мечты о «жизненном пространстве на востоке». Польский функционер делает вид, что не знает о массовых военных преступлениях украинских неонацистов, зато привычно лжет об «агрессии России». И Гитлер мыслил точно так же. В этом нет ничего удивительного, ведь они оба «убежденные европейцы», то есть люди, которые всех неевропейцев a priori считают варварами. Тем самым мышление Моравецкого и Гитлера в этих вопросах совершенно идентично.

Можно было бы взять любой другой пример официальной русофобии, но пример Моравецкого интересен тем, что он пробалтывается о своих подлинных причинах страха перед Русским миром. Естественно, это вовсе не мифическая «агрессия», а тот факт, что, по его словам, «идеология Русского мира» сейчас легла в основу представления об «особой исторической роли» русского народа. Об особой исторической роли русского народа посоветуем ему для начала прочитать Достоевского, чтобы не судить об этом из вторых рук. Удивляться этому не стоит — как известно, «Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна»[13]. И особенно она невежественна и неблаго-

[13] Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 11. — М., 1996. С. 268

дарна, когда дело касается её подлых интересов и сокрытия её собственных преступлений перед Россией.

РОССИЯ КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ СОВЕСТИ

История России свидетельствует, что подавляющее большинство входивших в её состав народов и территорий не только делали это добровольно, но и более того, долгое время просили и умоляли русского Царя взять их под свою защиту. Более того, склоняясь на эти просьбы, Царь очень часто шел против интересов своей державы, вовлекая её в длительные войны с сильными соседями исключительно из нравственных побуждений защиты единоверных братьев (как это было с Малой Русью или Грузией) или защиты малых народов от хищников-паразитов (так чаще всего было с народами Азии, освобожденными Россией от ига ханств-наследников Золотой Орды). В частности, спасение Малой Руси от польско-татарско-турецкого геноцида, благодаря чему фактически вообще ныне существует украинский народ как таковой, является самым характерным примером сказанного. Как писал А. Е. Пресняков, «идеология Московского царства в эпоху царя Алексея еще окрашивает понимание державной власти и ее задач религиозно-нравственными началами… Церковно-религиозные мотивы вносит он в осмысление вопросов и внешней, и внутренней политики. Политическим соображениям А. Л. Ордина-Нащокина против борьбы за Малороссию и в пользу сосредоточения всех сил на Балтийском вопросе царь противопоставляет мысль, что непристойно, даже греховно покинуть «черкасское дело» высвобождения православной страны из иноверного владычества»[14]. И как ни убедительны были аргументы и всей

[14] Пресняков А. Е. Российские самодержцы. — М., 1990. С. 410

боярской думы, справедливо указывавшей Царю на крайнюю невыгодность вмешательства в «польские дела» и связи с «черкассами», что не может не привести к затяжным кровопролитным войнам не только с Речью Посполитой, но и с Турцией (так оно и вышло), Царь был непреклонен в своем мнении. Малую Русь с Киевом — матерью городов русских следует отвоевывать любой ценой, совершенно независимо от какой-либо «выгоды», но исключительно из соображений совести и благочестия! К сожалению, современные украинские историки воспитаны в совсем иных понятиях и совершенно не способны представить себе, что войны могут вестись исходя из соображений совести, а не выгоды, и поэтому приписывают Царю и «москалям» исключительно корыстные побуждения. Именно эта ложь и плебейская низость мышления являются основой всей украинской псевдоисторической мифологии.

Что и говорить, если даже при обороне объединенными силами на землях тогдашней Украины погибло и было продано в рабство не менее половины ее населения — наступила страшная Руина, после которой весь центр страны на сотни километров стал вообще необитаемым и спаслись лишь те, кто успел бежать на восток, под защиту русских границ. А что было бы, если бы русская армия в конце концов не изгнала бы турок, татар и поляков? Уже само существование южнорусского этноса, впоследствии названного «украинцами», есть результат самоотверженной политики Русского государства, вынужденного вести в течение десятилетий совершенно невыгодные для себя тяжелые войны с Польшей и Турцией ради спасения предков современных украинцев от прямого геноцида. Территория, контролируемая войсками Б. Хмельницкого на момент их Переяславской присяги Царю, составляет менее 1/10 территории современной Украины — всё остальное было отвоёвано для неё русской армией в течение нескольких веков, причем около

половины ее современной территории вообще до этого не было заселено славянами! Всякий, кто, зная перечисленные факты, продолжает говорить о якобы «угнетении» со стороны России, явно страдает либо врожденным слабоумием, либо полной ампутацией совести.

Гениальный русский мыслитель И. Л. Солоневич создал концепцию русской «народной монархии» как исконной формы политической власти в России и показал, что ее главным основанием является евангельское воспитание народа. В России на протяжении многих веков ее развития в допетровскую эпоху был реализован русский идеал народной монархии, основанной на народном самоуправлении и главенстве царя в первую очередь в его религиозном статусе — как помазанника Божьего, несшего особую ответственность перед Богом за свой народ. Русская православная монархия была основана на религиозном принципе, который И. Л. Солоневич очень точно определил как диктатуру совести: «В этом строе была политически оформлена чисто религиозная мысль. “Диктатура совести”, как и совесть вообще, не может быть выражена ни в каких юридических формулировках, совесть есть религиозное явление. Одна из дополнительных неувязок русских гуманитарных наук заключается, в частности, в том, что моральные религиозные основы русского государственного строительства эта «наука» пыталась уложить в термины европейской государственной юриспруденции. И с точки зрения государственного права, в истории Московской и даже Петербургской Империи ничего нельзя было понять… В «возлюби ближнего своего, как самого себя» никакого места для юриспруденции нет. А именно на этой православной тенденции и строилась русская государственность. Как можно втиснуть любовь

в параграфы какого бы то ни было договора?»[15] Именно в этом состоит «секрет» немыслимой «успешности» русского государства: стартовав в XIV веке как маленький лесной «улус» Орды — уже в XVIII веке оно создало содружество народов на 1/6 части земной суши.

Если бы в середине XVII века территории современной Украины не начали входить в состав России, по всем объективным обстоятельствам в настоящее время эти земли были бы частью мусульманского мира и Польши, и никаких «украинцев» вообще не существовало бы и в помине.

В период до 1917 года Россия как государство: 1) спасла южнорусский этнос от геноцида и, вероятнее всего, полного исчезновения; 2) предоставила ему уникальную возможность расселиться на огромных территориях и увеличиться в численности более чем в десять раз — нечто подобное было бы принципиально невозможно за пределами Русского мира, там оставалась лишь роль самого отсталого захолустья, каковым была, например, Галиция до середины XX века.

ЛОЖЬ О «РУСИФИКАЦИИ»

А. С. Пушкин в свое время фактически сформулировал один из важнейших законов истории: «Язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством»[16]. Русский язык всегда распространялся, ныне распространяется и будет распространяться дальше исклю-

[15] Солоневич И. Л. Миф о Николае II // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. М., 2001. С. 100

[16] Пушкин А. С. Мысли о литературе и искусстве. Сборник. — К., 1984. С. 243

чительно вследствие этого закона и не смотря ни на какие попытки этому противодействовать. Ситуация, когда большинство населения страны не имеет своего языка в качестве государственного в современном мире является совершенно уникальной и беспрецедентной — кроме Украины, таких стран вообще нет. О какой-либо «демократии» и «европейских принципах» здесь говорить вообще смешно — имеет место лингвототалитаризм в чистом виде. На протяжении советского периода своей истории Юго-Западная Русь постоянно жила в режиме «украинизации», имевшем в 40-х — начале 80-х годов пассивно-сдерживающий, а в 20–30-е годы и с конца 80-х годов агрессивно-наступательный характер, перерастая в период после 1991 года в формы лингвокультурного геноцида русскоязычного большинства граждан «независимой» Украины. Однако, несмотря на это, на протяжении всего XX века продолжался процесс стихийной реинтеграции Русской нации в единое культурно-языковое пространство. В том числе и нынешний режим лингвокультурного геноцида не может противодействовать этому процессу, хотя и возымел существенное влияние на определенную прослойку общества, точнее, на определенный тип людей, принявших украинскую националистическую идеологию как своего рода «моральную компенсацию» своей материальной нищеты, социального унижения, исторического пессимизма и общего комплекса неполноценности, — или же, наоборот, для достижения корыстных карьерных устремлений.

Возникновение и дальнейшее существование независимой Украины является частью глобального проекта стабилизации однополярного мира во главе с США и диктатурой стран «золотого миллиарда» в сфере мировой экономики.

Для сравнения также стоит напомнить, что 100 лет назад на землях основных европейских стран проживали народы, почти не понимавшие языка друг друга, но благодаря очень жесткой ассимиляторской политике теперь мы имеем

практически однородные в языковом отношении массивы немцев, французов, британцев, итальянцев и т.д. Но 100 лет назад языки баварцев и саксонцев различались между собой намного больше, чем малороссийский и великороссийский диалекты русского языка, а, например, большая часть жителей Италии тогда вообще не понимала итальянского литературного языка и т.д. Тем самым процессы в Европе и в России в XX веке текли в противоположных направлениях — унификация в Европе и искусственный этнический раскол в России, в результате которого были сконструированы «украинцы», а русскими стали считаться только великороссы. Но по европейским стандартам «украинцы» или «белорусы» — это нонсенс.

СВО — ЭТО РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА НА УКРАИНЕ

Западная граница Российской Федерации фактически стоит на рубежах Руси времен Ивана III, а в условиях современной войны это означает почти беззащитность Москвы даже и без применения ядерного оружия. В этой ситуации каждый километр отодвигания на запад территории, фактически контролируемой НАТО, — чрезвычайно важен. Отодвигание фактических границ НАТО от Белгорода до Карпат достигается только военной операцией, поскольку Запад уже не оставил России другого выбора. Наша страна оказалась в отчаянном положении — в стратегическом отношении полностью аналогичном тому, когда враг в декабре 1941 года стоял под Москвой.

Освобождение Украины от марионеточного неонацистского режима на самом деле не сводится исключительно

к военным действиям. Это мощное поворотное событие в истории самой России, означающее её окончательное возвращение в статус великой державы и запускающее процесс внутренних преобразований, в результате которых очень скоро мы увидим уже совсем другую страну — полностью самодостаточную и независимую от запада.

Исходя из этого, операция на Украине имеет характер Отечественной войны — пусть и далекой по масштабам от тех отечественных войн, которые приходилось России вести ранее, однако стратегический и исторический её смысл именно таков. Этот факт следует положить в основу публичного дискурса в обсуждениях современных событий. Как и следовало ожидать, ныне публичное пространство заполнено потоками русофобской лжи и мерзости, которым противостоит только официальная позиция России. В публичном пространстве до сих пор не выработан алгоритм уничтожения русофобской лжи. Легко уничтожать ложь в конкретных ситуациях, но этого ещё недостаточно — нужно уничтожить само её основание. Подобно тому, как перед атакой наземных войск ракетные войска и авиация уничтожили военные базы и инфраструктуру, точно так же нужно было и в публичной сфере сразу уничтожить аргументы так называемых «антивоенных акций». Самый простой и эффективный аргумент против них такой: «Россия ведет войну за само свое существование — войну Отечественную. Поэтому все, кто выступает против этой войны, выступает против России, является её врагом и предателем». Что было бы с теми, кто вышел бы с лозунгами «Нет войне!» во время Великой Отечественной войны? Вопрос риторический.

Аргумент второй. На Украине Россия не ведет войну против этой страны, а проводит освободительную операцию подобно тому, как в 1945 году русская армия брала Берлин не для того, чтобы захватить Германию, а для того, чтобы

уничтожить нацизм. С этой же целью российская армия берет Киев в году 2022-м. К сожалению, в данный момент не только среди явных русофобов, но и среди некоторых «патриотов» есть очень наивные люди, которые тоже требуют «как можно быстрее начать переговоры», «чтобы не проливалась кровь». Этим инфантилам следует настоятельно объяснять, что для того, чтобы впредь не проливалась кровь, нужно взять Киев и заставить нацистов капитулировать. Если этого не сделать, то зря окажутся все потери и страдания, впоследствии война неизбежно возобновится и крови прольется намного больше.

«Блаженны миротворцы»: но миротворцы — это те, кто уничтожают сам источник войны, а не те, кто предательски плюют им в спину.

Для православных людей эта четвертая отечественная война имеет вполне определенный религиозный и даже эсхатологический смысл. Как бы лично не относиться к президенту Путину, но объективно, то есть в соответствии с православным пониманием истории, Россия Владимира Путина в данный момент вступила в открытое противостояние с апостасийной цивилизацией антихриста, защищая само существование Катехона — «удерживающего», каковым в настоящий момент является именно Россия. И каким бы далеким от Церкви сейчас ни было большинство народа современной России, но совершенно очевидно, что Россия как государство в настоящий момент осталась последним защитником Православия в современном мире. Без России весь остальной православный мир беззащитен и обречен на быструю гибель, которая уже и началась в виде Константинопольского раскола. Нынешняя операция имеет смысл русской реконкисты — спасения Киевской митрополии от затягивания её в раскол и отпадения от Православия.

Проект глобального порабощения народов коллективным Западом не учел одного — того, что продолжает существовать цивилизация, основанная на диктатуре совести, которая оказывается сильнее диктатуры западной лжи и возвращает то, что у неё украли путем насилия и обмана.

Скворцов
Алексей Алексеевич
кандидат философских наук,
преподаватель философского факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

ВОЙНА КАК ОБЫДЕННОСТЬ И ВЫХОД ИЗ НЕБЫТИЯ

Для морального философа крайне трудно и почти невозможно говорить о войне. Тем более, о нынешней войне, идущей на наших границах с близким нам народом, с которым столько веков мы делили историческую судьбу. Для философии, рассуждающей о моральных вопросах, не было сомнения, что война — это большое зло, чьи отрицательные последствия значительно превосходят положительные, даже если положительные были достигнуты в результате справедливой битвы, как следствие общенационального подъема. С другой стороны, будучи философом, рассуждающим о России и за Россию, понимаешь, что День 24 февраля 2022 года, начало СВО, был воспринят нашим обществом как шок. До сих пор российские власти в отношении судьбы населения Юго-Востока Украины вели себя крайне осторожно. Даже настолько осторожно, что в нашей патриотически настроенной публицистике бытовало мнение, якобы российские власти ищут возможность «запихнуть» Донбасс и Луганск обратно в Украину, дабы прекратить действие западных санкций. Если Украина 8 лет готовилась к реваншу в Крыму, то в России почти все были уверены, что больше не будет никакого крупного вооруженного столкновения: конфликт сам собой сойдет на нет при посредничестве западных

держав. Предупреждение донецких наблюдателей о том, что Украина готовит решительный удар по территории двух регионов, и ей совершенно точно не нужно мирное решение, считали излишним паникерством. Почему-то многие были убеждены, что «Европа не допустит большой войны». В итоге ни Донецк, ни Луганск, ни сама Россия всерьез не готовились к войне, тем более к тяжелой и долгой.

Сейчас мы наблюдаем не рядовую войну, а новую войну, в которой, как это часто бывало, речь идет о выживании нашей цивилизации, о её праве сохранять свое независимое историческое бытие.

В течение долгих восьми лет многие спрашивали, что же ещё должно случиться, чтобы Россия вмешалась в ситуацию на Юго-Востоке Украины решительным образом? Там происходило уже все: каждодневные обстрелы городов, гибель мирных жителей, практически полная блокада двух регионов, попытки вооруженных нападений на территорию России, обстрел наблюдателей, похищение людей. Также было очевидно, что «мониторинговая миссия ОБСЕ» заведомо встала на сторону Украины и отказывалась признать, что обстрелы производятся с её территории. Из всех возможных мер решения конфликта руководство Украины и стоящие за ними страны Запада признавали только силовые и прямо террористические; о переговорах с властями двух регионов не было речи, несмотря на прямое указание на необходимость таких переговоров, закрепленное в Минских соглашениях. Казалось бы, многие вопросы можно было бы решить в диалоге, например, автономии региона или возможности использовать русский язык. Поначалу было впечатление, что конфликт может достаточно просто решиться: Донбассу могла быть представлена широкая автономия в составе Украины, подобная той, которой обладают республики в составе Российской

Федерации. Таким образом, в поистине европейском стиле и при посредничестве европейских держав обеспечивалось бы два важных принципа: принцип нерушимости границ и право народа на самоопределение. Жители Донбасса получили бы права граждан и России, и Украины, т.е. открытые границы с соседями и безвизовое сообщение с Европой. Все стороны получали бы выгоду от этого и были бы довольными. Но думать, что именно так мог быть решен этот вопрос, было бы наивным, ибо коллективному Западу этот конфликт был крайне выгодным. Его не интересовала ни судьба Юго-Востока Украины, ни судьба самой Украины.

Только поверхностный наблюдатель мог думать, что полыхавший в течение восьми лет вооруженный конфликт разгорелся между государством Украина и его двумя мятежными регионами. На самом деле, речь шла и идет до сих пор об очередном периоде противостояния русской цивилизации и запада, где цели сторон абсолютно прозрачны.

Запад стремится полностью подчинить Россию, сделать ничтожной страной, своей сырьевой базой, желательно разделенной на несколько зависимых от Запада территорий. А Россия желает стать независимой державой и развиваться так, как считает нужным. Если рассматривать этот конфликт в такой перспективе, то столкновение в виде войны было неизбежным. Восьмилетние атаки Украины на два неподконтрольных ей региона справедливо считать провоцированием этой войны. Если бы Европа на самом деле не желала этой войны, то она бы не дала ей разгореться, надавив на свою марионетку Украину и заставив её заключить федеративное соглашение с двумя регионами. Если бы сражение шло только между Украиной и Россией, то оно бы давно закончилось, ибо военные потенциалы несопоставимы. Но случилось то, о чем говорили самые

мрачные пессимисты прямо в начале спецоперации: это будет война России и Запада, возможно, война на истощение.

Украина здесь — лишь разменная карта, которой запад пожертвует ради ослабления своего геополитического противника. И нужна она ему лишь как удобная площадка для нападения на Россию.

С первого дня СВО российские власти ясно дали понять, что добиваются выполнения следующих задач: 1) признание Украиной Крыма российским; 2) признание Украиной Донецкой и Луганской народных республик независимыми государствами; 3) денацификация Украины, 4) демилитаризация Украины; 5) отказ Украины вступать в НАТО. Казалось бы, задачи достаточно реалистичны: первый и второй пункт подтверждали уже сложившийся политический статус-кво, третий звучал расплывчато, но очевидно предполагал роспуск всяких националистических формирований и отмену дискриминационных законов против носителей русского и других неукраинских языков, четвертый был делом самой воинской операции. Оставался лишь пятый пункт, и с самого начала было ясно, что его исполнение не зависит от воли властей Украины, а является важной стратегической целью Запада. Блок НАТО не для того вложил миллиарды долларов сначала в Майдан, а потом и в войну на Донбассе, чтобы в один момент отказаться от своих интересов. Было очевидным, что НАТО развяжет гибридную войну против России на территории Украины, т.е. будет делать то, в чем оно обвиняло Россию на протяжении всех 8 лет украинского кризиса. С этой точки зрения можно даже утверждать, что СВО несколько запоздала: к её началу проникновение инфраструктуры НАТО на Украину было уже существенным, а после начала операции оно стало огромным. И дело даже не в поставках современного оружия или командирования

туда собственных военных, скрепляющих собой разваливающуюся украинскую армию. Дело, в первую очередь, в широкой материальной и финансовой помощи, которая позволяет Украине ещё выполнять свои социальные обязательства. Если Запад готов тратить миллиарды на поддержание страны, раздираемой конфликтами и войной, то значит, у него есть крайняя заинтересованность в существовании националистической и милитаристской Украины.

Если принять во внимание все перечисленные выше факторы, то война не стала неожиданной. Напротив, она казалась закономерной и явилась просто в виде новой горячей фазы противостояния России и Запада. Некоторые думали, что специальная военная операция поставит в ней точку, но любой конфликт такого масштаба предполагает только многоточие. Очевидно, что чем больше Россия будет стремиться к самостоятельности и независимости, тем больше это станет раздувать агрессивные намерения Запада. В такой обстановке война в той или иной форме для нас станет привычным делом. Уместно вспомнить тревожные слова Н. С. Трубецкого, сказанные в разгар Гражданской войны: «Огромная Россия, составляющая шестую часть света, осталась ничьей. Пока ее не поделят или не отдадут одному из романо-германских зверей, мировую войну нельзя считать законченной»[17]. Сейчас бы мы сказали «англо-саксонских», но суть от этого не меняется. Россия для западных мировых центров влияния ныне остается «ничьей», и это ей никак не могут простить.

Для адекватного понимания произошедшего за последний год надо также обратиться к нашему историческому сознанию. А для него война всегда была обыденностью, а отнюдь не ударом грома, внезапно врывающимся в сонную, благополучную жизнь. В силу своего положения в мире, роли

[17] Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 296.

в истории, Россия все время воевала; лишь считанные годы были для нас мирными. Эта историческая обыденность оборачивалась культурной установкой, принимавшей войну как неотъемлемую часть жизни, почти как смену времен года. Каждое поколение знало, что ему придется воевать, и почти вся героическая составляющая нашей культуры была непосредственно связана с войной. В последнее время в массовой культуре, принципиально чуждой трагическим мотивам, почти совсем забыли, что русские — это не только народ великих писателей и художников, но ещё и народ великих воинов. В некотором смысле первое определялось вторым: и на литературу, и на искусство, и на философию России война оказала существенное влияние. Излишне упоминать, что без многочисленных войн Россия бы вообще перестала существовать. Но разве же дело здесь только в том, что наша страна по широте занимает половину Земного шара, и в том, что наша страна со времен появления национальных государств всегда занимала место мировой державы, значительно влиявшей на ход мировой истории? Просто Россия всегда была не-Западом, т.е. территорией и культурой, непонятной для соседей. И чем более мы пытались соответствовать западным стандартам в некоторые периоды нашей истории, тем ещё больше мы становились не-Западом, особенно по оценкам того же Запада. Чем больше мы говорили, что мы такие же, примите нас в свой мир, разрешите дружить с нами на равных и обмениваться всякими благами, тем чаще мы видели высокомерную ухмылку. Что бы мы ни делали, как бы не убеждали «западных партнеров», что мы такие же, как они, тем больше встречались с грубыми оценками нашей жизни и с самыми дикими стереотипами. Не было никакого сомнения, что нас не признают равными себе, а единственное отношение может быть сдержанно-менторским, схожим с отношением учителя-тирана к старательному, но униженному ученику. Как отмечал А. А. Зиновьев: «Мы,

русские, стали самой вопиющей жертвой западной идеологии превосходства, причем — ее практического воплощения в реальность»[18].

Западное высокомерие и менторство в итоге заканчивалось желанием нас научить насильственно, т.е. посредством войны. Иногда самостоятельно, иногда через своих посредников или союзников. При этом Запад всегда был убежден, что территория России, как, впрочем, и весь мир, принадлежит ему, а жители России были всегда убеждены, что рано или поздно придется давать Западу отпор. Существование гордого народа, освоившего такие пространства, воспринималось пришельцами с западных границ как недоразумение, которое надо как можно быстрее исправить, а россияне стремились к тому, чтобы эти пришельцы больше им никогда не угрожали. Соответственно, жители нашей страны, хоть немного разбиравшиеся в политике, всегда чувствовали скрытую угрозу, исходящую от Запада, даже в условиях самых хороших отношений. Сейчас это ощущение также породило умонастроение, что начавшаяся война — всего лишь новый акт обыденности. Именно этой ментальной обыденностью, проистекающей из межцивилизационного конфликта, во многом определяется ожесточение донецкой войны. Когда речь шла о разгоравшемся столкновении между русскими и украинцами на Юго-Востоке Украины, то некоторым, пусть даже совсем незначительным тормозным механизмом могли служить доводы, что есть недопонимание между соседями, составляющими, по сути, один народ. Но когда в войну втянулись силы России и НАТО, то здесь все возможные завесы милосердия упали, и битва по ожесточению стала напоминать мировые войны.

---

[18] Зиновьев А. А. Русский эксперимент: Роман. М.: L'Age d'Homme — Наш дом, 1995.С. 375–376.

Обыденность войны — это ни хорошо, ни плохо. Это факт нашего исторического бытия. Факт, который свидетельствует, что наша страна, как и другие страны, боролась за свое развитие, за право строить свою жизнь, помогать дружественным народам и давать отпор недружественным. Для стран, кто воюет редко или вообще никогда не воевал, любая конфронтация с внешними силами приведет к всплеску национализма и милитаризма. Для России никогда не требовалось ни того, ни другого опять же в силу того, что война — это обыденное состояние бытия. И именно с этой обыденностью связана шокирующая немилитаристическая направленность русской философской мысли. Шокирующая именно для постоянно воюющей страны. Отношение к войне в русской философии не было восторженным, а скорее стоическим. Не имеет смысла восхвалять войну и идеологически готовиться к ней: она все равно придет.

Трудно сказать, существует ли особый русский способ воевать; на этот вопрос сподручнее ответить историкам. Философы же могут подумать над вопросом, существует ли русский способ восприятия и осмысления войны, и он, несомненно, существует. Война для нас — это такой же необходимый модус бытия, как рождение, старость и смерть, и все они тесно связаны с войной: в битве рождается новый человек, в ней он очень быстро стареет и умирает значительно раньше времени. Война — это совершенно иная индивидуальная жизнь, где предельно сконцентрированы смыслы жизни человека. Но это — в экзистенциально-личностном плане. А в социально-историческом измерении война в русской философии понималась как греховная необходимость, становящаяся неизбежной, когда речь идет о ещё более страшных вещах: «Война есть великое зло. — пишет Н. О. Лосский. Но проповедь безоглядного пацифизма, призывающего к отказу от воинской повинности, могла бы… привести к… хаоти-

ческой анархии, которая страшнее всякой войны»[19]. С ним соглашается Н. А. Бердяев: «Так на войне, слишком жалея людей, можно привести к тому, что погибнет еще большее количество людей»[20].

Русские философы и писатели не прославляли войну, не оправдывали её как исключительно хорошее дело. но при этом очень часто они оправдывали служение человека на войне, оказавшегося там в силу игры исторических обстоятельств, или в силу своих человеколюбивых убеждений.

Гуманистических мыслей, мечтаний о совершенном мире, о братстве и любви в нашей философии значительно больше, чем рассуждений о войне. Но к войне также не было ненависти в плане обиды на бытие. Можно ли ненавидеть то, что и так будет? Вечный мир, как известно, возможен только на кладбище. Но для нашей культуры война — это не просто необходимый модус бытия: он сложен из трагического парадокса. Нет сомнения, что война — это зло, и «не то страшно, что люди умирают, а то, что они перестают быть людьми» (о. Г. Флоровский)[21]. Тем не менее, парадоксальным образом, свои лучшие, возвышенные, нравственные качества человек проявляет именно на войне: «В войне… совершается такое великое добро, как жертва своей жизнью за других» (Л. П. Карсавин)[22].

Для русской философии война — это не часть науки о политике, как для немецкой философии, не экзистенциаль-

[19] Лосский Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. С. 166.

[20] Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. С. 194.

[21] Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998. С. 56.

[22] Карсавин Л. П. Малые сочинения. СПб.: Алетейя, 1994. С. 427.

ное приключение, как для французов, не защита своих интересов, как для англичан и американцев. Это именно трагедия совести, когда мы понимаем, что и воевать по совести нельзя, и не воевать нельзя. Для нас война — это защита и себя, и тех, кто нуждается в этой защите.

Война — это путь подвижничества и жертвенности, идти по которому в нашем несовершенном мире возможно только греховными средствами. И это противоречие изживается личным подвигом и готовностью пострадать.

И все же, если говорить политически, а не только философски (хотя, кто бы разделил эти два плана?), война — это не совсем «обычная» обыденность, происходящая из привычки. Скорее эта обыденность следует из жесткой необходимости защищать свое историческое бытие, право быть независимой страной. И всегда это была борьба за выход из униженного состояния территории, служащей колонией для мировых гегемонов, к бытию державы, имеющей свою оригинальную культуру и хорошо узнаваемое лицо. Война — это такая обыденность, которая каждый день ставит вопрос о дальнейшем существовании самой цивилизации, а на уровне персональном — своей идентичности. Её уместно сравнить с трудом земледельца. Если не будет получен урожай, то наступит голод. Так и здесь: если мы проиграем в войне, то независимая цивилизация окажется на грани гибели. Иными словами, война — это борьба за бытие против небытия, т.е. против тех, кто желает, говоря современным языком, «отменить» какую-либо культуру и отправить её в небытие, т.е. в полностью подчиненное состояние, а потом и в забвение.

С начала 2014 г., когда Запад взял уверенный курс на поддержку националистического переворота на Украине, российская культура в мировых масс-медиа оказалась окончательно «отменена». При этом действовал самый насиль-

ственный вариант отмены, не только лишающий объект травли возможности сотрудничества, но и обвиняющий его во всем происходящем зле. С этого момента западные хозяева мира отказали России в праве высказывать свою точку зрения и отрицали право огромной страны иметь собственные интересы, в то время как собственные интересы они продвигали крайне агрессивно. Тем более, по их мнению, никаких интересов не могло быть у русскоязычного населения Украины, опасавшегося жить в ультраправом государстве. Америка и Европа, трепетно относившиеся к правам любых меньшинств и готовые предоставить на своей территории автономию любому мало-мальски значимому этносу, начисто лишили такого права русских на Украине. Будто там русских никогда и не было, и вся Украина — это единое «расово чистое» государство, говорящее на одном языке. Уместно вспомнить, что первый закон, принятый новой властью после переворота на Майдане, был запрет действовавшего ранее мудрого закона о регионально значимых языках, который, как мы сейчас понимаем, некоторое время защищал Украину от межэтнических конфликтов. Никакого протеста на Западе это явно агрессивное действие не вызвало, ибо там считалось нормальным, что миллионы людей в перспективе лишатся права учиться, вести коммуникацию и в конце концов даже говорить в быту на родном языке. А дальше у русских отобрали не только право на культурную автономию, но и базовое право на жизнь. Сколько бы Россия ни говорила о варварских обстрелах городов Донбасса, её никто не желал слышать в силу изначальной отмены. Мы хорошо помним западных интеллектуалов, восхищавшихся культурой диалога, но никто из них не защитил право России и народа Юго-Востока Украины вступить в равноправный диалог. Игнорирование страданий жителей Донецка и Луганска означало лишь то, что их уже вычеркнули из истории. Им предлагали либо насильственную украинизацию

с неизбежными репрессиями инакомыслящих, либо бросить свои дома и переселиться в Россию. Как оказалось, западные права человека в представлениях их поборников действуют только для западного человека; все остальные, которых там не считают «западными», этих прав лишены.

Исключение из истории целой этнической группы, желание её изгнать или ассимилировать, лишить самых элементарных прав, нельзя назвать никаким иным словом, кроме как «расизм». Причем этот расизм предполагал прямой геноцид, ибо Запад все 8 лет противостояния вооружал Украину и создавал националистические формирования для быстрого решения конфликта, т.е. для проведения этнической чистки. Для тех наблюдателей, кто привык восхищаться западной культурой, было невозможно поверить в происходящее. Выходом из очевидного диссонанса для них становилось повальное отрицание того, что происходит, воплощенное в привычной для либералов-западников скороговорке: «На Украине нет фашизма». Таким людям бесполезно показывать кадры убитых детей в городах Донбасса, ибо они уже заранее исключили русских из жизни. На ментальном уровне «этническая чистка» западными политиками уже была проведена, осталось её осуществить только физически. Но ни санкции, ни блокады, ни террористические атаки не смогли заставить русское население покинуть свои земли на Юго-Востоке Украины, а Россию отказаться от их поддержки. Оставалось только их изгнать с помощью войны, и, судя по риторике украинских властей (в сущности, стран НАТО), военное решение конфликта для них было самым эффективным. Вопрос был в том, насколько далеко Россия готова зайти ради защиты русскоязычного населения и недопущения проникновения НАТО на наши границы.

Начавшаяся война — это был вынужденный выход из небытия, куда русскоязычное население Донбасса и Луганска было насильственно загнано прозападными расистами.

Также это был единственный способ для России сделать так, чтобы её точку зрения хотя бы услышали. Способ радикальный, опасный и кровавый, но все иные возможности наша страна исчерпала. Российская власть прямо говорила, что не желает на своих южных границах видеть натовские базы, ибо опасается за свое будущее, а ей открыто говорили, что это — не её дело. Иными словами, Америка, находящаяся за несколько тысяч километров от Украины, может иметь там свои жизненные интересы, а Россия, находящаяся рядом — не может.

Критики военной операции России на Украине доказывают, что на самом деле мы добились почти противоположного тому, к чему стремились. Противник, получив западную помощь, стал более милитаризованным, более агрессивно-националистическим, а сам факт получения натовского оружия показывает, что союз НАТО с Украиной состоялся. Наш противник не только не признал Крым российским, но и готов совершать на него атаки, а потеряв полностью Луганскую Народную Республику и большую часть Донецкой, он никогда не признает их независимыми, как не признает никакие референдумы, запланированные на их территории. Что же тогда получила Россия в этой долгой и трудной войне, исход которой ещё не ясен? Следует сразу сказать, что прагматический взгляд на войну — самый неверный. Если бы люди думали только о своей выгоде, они бы не вступали в разорительные битвы и не шли бы на смерть и мучения. С чисто экономической точки зрения, эта война не выгодна ни одной стороне: все потерпели серьезные убытки. Политически она тоже никому не выгодна, ибо угрожает миру новой мировой войной. Считать приобретенные земли и население с точки зрения выгоды не имеет смысла, ибо и то и другое может быстро рассыпаться в неопределенной перспективе будущего. Все стороны, вовлеченные в эту войну, несут огромные расходы, которые точно не улучшат их

жизнь в ближайшем будущем. Также очевидно, что война идет далеко не только за перспективу, утвердятся ли войска НАТО на Украине, или нет. НАТО при желании найдет другие площадки для атаки на нас и без Украины, и, с другой стороны, наша страна, какой бы сложной ситуация не сложилась, нашла бы возможность ответа на нахождение их баз где-нибудь под Сумами или Черниговом.

Но есть ещё и нематериальный, духовный план войны, единственный, заставляющий человека задуматься о смысле жизни, а народ — о смысле существования в истории. Собственно, это и есть война за память — за то, какой наша страна останется в восприятии потомков. Останемся ли мы там в образе великодушного народа, готового заступиться за свою насильно отторгнутую часть, либо будем спокойно наблюдать за геноцидом, вспоминая при этом о «западных ценностях». Если посмотреть на войну в этом плане, то следует заметить, что Россия во второй раз после присоединения Крыма решительно заступилась за русскоязычное население, не дав возможность его уничтожить или изгнать. Это значит, что Россия перестала отступать под давлением политических сил, которые разговаривают с ней лишь угрозами. Во-вторых, наша страна показала, что у неё есть свой взгляд на мир, свои геополитические интересы, наконец, своё независимое мнение по поводу происходящего. Например, у неё есть мнение, что Советский Союз был искусственно развален по границам, в спешке нанесенным большевиками, и Россию при этом «рисовании» явно дискриминировали, как, впрочем, и некоторые другие народы, конфликтующие друг с другом до сих пор. Для дальнейшей безопасности мира требуется поставить вопрос о границах и территориях постсоветского пространства ещё раз, и после окончания войны он неизбежно будет поднят. И, в-третьих, речь идет о жертвенном поступке ради миллионов людей, которых «цивилизованное человечество» вычеркнуло из истории и обрекло на гибель.

Россия, которую клеймят как варварскую страну, оказалась, по сути, единственной, кто выступил против деления людей на существ первого и второго сорта по желанию мировой элиты, т.е. попыталась встать на пути новой реинкарнации нацизма, которую не желают замечать в «цивилизованной» Европе. Наконец, Россия показала, что жизнь людей для неё выше, чем прагматические расчеты, а будущее независимой страны, готовой защищать тех, кто желает быть с ней, выше комфортного существования в качестве второсортной страны, исполняющей все прихоти мирового гегемона.

Можно было бы сказать, что эти цели и смыслы — слишком амбициозные. Пока война с блоком НАТО идет очень тяжело, а в тылу консолидации общества не произошло: до небольшого числа людей дошло, что на самом деле идет битва за Россию, и успех её будет определяться тем, сколько из нас поймет, что идет народная война. Очень мало людей поняли, что мы боремся за свою независимость, а любая борьба такого рода всегда бывает кровавой. И ещё меньше поняли, что мы уже живем в другом мире, где больше надеяться на прощение мирового гегемона нельзя.

Нам предстоит либо заново построить свою цивилизацию, надеясь только на свои талант и упорство, либо согласиться на унизительное положение региона, чью судьбу будут решать далеко от его границ.

Эта война, конца которой пока не видно, — новый вызов и новый трагический повод задуматься над «основным вопросом» русской философии, т.е. о судьбе и назначении самой России. В жизни так происходит, что наиболее глубоко мы задумываемся о том, что можем внезапно потерять. Это не просто отстраненное мышление, а размышление, требующее от нас действия. Мы должны понимать, что сейчас находимся на войне, и она ведется за наше право быть

самостоятельным народом, не дающим в обиду тех, кто желает быть вместе с нами. И. А. Ильин ещё в связи с Первой мировой войной утверждал: «Смысл войны, в том, что она зовет каждого восстать и защищать до смерти то, чем он жил доселе, что он любил и чему служил»[23]. Это означает, что каждому из нас пора выйти из небытия, понять, что самые привычные, естественные для нас вещи, как земля, язык, близкие люди, национальная духовная культура и мировоззрение, особый, присущий населению России стиль жизни, сейчас подвергается серьезной опасности. Наша недавняя история показывает, что государственность — это достаточно хрупкая структура, а манипуляция исторической памятью и идентичностью вышла на принципиально иной уровень. Сейчас не только одному человеку, но и целому народу можно внушить что угодно, причем за очень короткий срок. В этом плане симптоматично высказывание бывшего посла США в России о том, что Украине вместе с Вашингтоном надо создать новую историю, выгодную странам Запада, и обучить этой истории весь мир[24].

Нам же не надо создавать новую историю, тем более учить ей весь мир. Но было бы очень хорошо просто относиться к России как к самому необходимому и бесконечно дорогому условию нашей жизни. У нас больше нет путей отступления в виде эмиграции или всеобщего покаяния, у нас есть только путь вперед в виде борьбы за дальнейшее существование. Тому, кто желает искать примирения с Западом, неплохо помнить судьбу Донецка: из цветущего города он при прямом участии «западных демократий» превратился в территорию ужаса, где на мирных людях испытываются все

---

[23] Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 9–10. С. 14.

[24] Макфол заявил, что многие в США согласны с позицией Путина по Украине // Подробности: https://regnum.ru/news/polit/3648217.html

самые жестокие и подлые средства ведения войны. Если русским на Юго-Востоке Украины была уготована такая участь, то страшно представить, какую участь западные «защитники прав человека» заготовили для русских в России. Это значит, что как бы мы ни чувствовали себя плохо во время войны, но закончить её можно только нашей решительной победой. За победу на данном этапе было бы справедливо считать свободу и самоопределение Донецкой и Луганской народных республик, а также безопасность границ России хотя бы на ближайшее время.

Чтобы победить, надо проявить свои лучшие качества, забыв про внутренние склоки, обиды, повседневный цинизм и научившись жить в это очень сложное время. Любая война предполагает предельное напряжение сил, особенно война за национальное выживание и самоопределение. Нет сомнения, что сейчас все, кто на фронте прилагают сверхчеловеческие усилия для победы, т.е. для защиты русскоязычного населения бывшей Украины.

Для обычных же мирных людей России, живущих сейчас вдалеке от войны, есть свой путь к победе, и он заключается в том, чтобы приходить на помощь своим ближним, тем, кому сейчас трудно. Только взаимной помощью, утешением и верой в лучшее мы можем выстоять в это непростое время.

Пущаев
Юрий Владимирович
кандидат философских наук, доцент, преподаватель МГУ им. М. В. Ломоносова

НАСТОЯЩАЯ ЦЕЛЬ СВО И ВОЙНЫ: ДЕЗАПАДНИЗАЦИЯ УКРАИНЫ И РОССИИ

I

Очередной парадокс русской истории сегодня может состоять в её своеобразном закольцовывании: в месте, откуда есть пошла Русская Земля больше тысячи лет назад, она подвергается теперь опасности там же и закончиться. Либо — получить новый импульс исторического развития. Киев — мать городов русских, но как бы эта непостоянная мать не стала бы и их могилой. Ход событий после распада СССР вполне логично дошел до точки «или — или». Наиболее проницательным людям было видно сразу, еще 30 лет назад, что до этого дойдет. Однако, как известно, где опасность — там вырастает и спасительное.

Хотя это закольцовывание во многом объясняет важность украинского вопроса и харизматичность южнорусского сепаратизма, который мутировал в украинский национализм. Украина — не просто окраина (отсюда слово «украина») исторической России, это не стандартная провинция. Это та окраина, которая ранее была истоком и центром всей Русской земли. Это маргиналия, которая претендует на замещение всего целого, у нее просматриваются поэтому претензии быть не просто Анти-Россией, но и вместо-Россией. В том

числе отсюда черпает внутреннюю энергию сегодняшний украинский национализм. Сегодняшняя Украина — это та самая другая Россия, альтернативная, о которой говорили и говорят российские оппозиционеры. Но рисуемая в мечтах другая Россия на деле вышла тёмной стороной России, анти-Россией.

Желания у новой, так называемой независимой Украины никогда не совпадали с возможностями, претензии — с наличными силами. Поэтому ни одного дня, никогда (как и во всей прежней истории украинского сепаратизма) она не могла опираться на свои силы, но всегда искала и требовала чужой поддержки как необходимого условия своего существования. Поэтому и сегодняшняя война — это не только и не столько война с Украиной, сколько удивившее многих своей вдруг вспыхнувшей яростью и непримиримостью цивилизационное столкновение с Западом.

Но подобные судьбоносные войны не выигрываются ограниченными средствами и в щадящем режиме. Это требует напряжения всех сил. 24 февраля 2022 года Россия пошла на действие, которое находится где-то на границе между дерзновением и дерзостью. Почему речь идёт о дерзости? Один мой мыслящий друг, известный православный публицист Андрей Рогозянский высказал любопытное и одновременно тревожное, задевающее наблюдение. Мы в России живем, сказал он, уже одной ногой в эпохе постмодерна. А это предполагает соответствующий тип личности, не готовый пойти на страдания и лишения за какие-то идеалы. Так готовы ли мы сегодня к войне по-настоящему?

Действительно, война — это не прогулка по Невскому проспекту или Тверской, это максимум общенародных страданий, проходя через которые, народ имеет шанс очиститься и выйти на новый уровень исторического существования. Вообще человек по-настоящему учится только страданием. Вот единственное реальное средство преобразования себя,

а не «головные» знания и тем более не голая эрудиция. Чтобы действительно узнать себя и мир, нужно пострадать. Достоевский говорил в набросках к роману «Преступление и наказание»: «Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием. Таков закон нашей планеты <…> Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием. Тут нет никакой несправедливости, ибо жизненное знание и сознание (т.е. непосредственно чувствуемое телом и духом, т.е. жизненным всем процессом) приобретается опытом pro и contra, которое нужно перетащить на себе»[25].

Сегодня, пройдя через настоящие страдания к будущей победе (а иных путей к настоящей победе нет), мы имели бы шанс исправить те грандиозные ошибки, которые понаделали с конца 1980-х гг.

Однако современный человек в России сформировался в эпоху, когда на него вовсю действовали убивающие дух гедонизм и игривый постмодернизм. Способен ли он после этого на обучение страданием? Готов ли он по-настоящему платить страданием, расширяющим душу и сознание? Возможно, современного человека, если он слишком пропитался этой идеологией, страдания уже ничему научить не могут. Он уже не способен принять на себя серьезные обязательства. И тогда скорби и страдания — это не путь научения и внутреннего преобразования, а скорее путь к саморазрушению и гибели. Он просто не сможет понести возложенное на него судьбой бремя, начнет винить всех вокруг себя и изберет в итоге саморазрушение.

Отсюда — тревога. По силам ли стране и народу предприятие 24 февраля? Как будет, если война вдруг коснется

[25] Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Рукописные редакции // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Том 7. Ленинград, 1973. С. 154–155.

каждого? Поэтому и были такие сомнения с мобилизацией, поэтому она только частичная.

Мне кажется, в глубинном смысле волна неприятия СВО и эмиграция отчасти была вызвана в том числе неприятием самой мысли, что страдание допустимо в современном мире. Тем более, что и я необходимо должен и обязан буду ему подвергнуться. Слишком многие не выносят уже самой мысли, что для счастья нужно пострадать, что земное беспроблемное счастье — это иллюзия. Как иронично говорил поэт Иосиф Бродский, вы вообще замечали, чем эта жизнь заканчивается? Что мир на самом деле во зле лежит и просто глупо требовать от него продолжительного личного благополучия.

Событие 24 февраля — это на метафизическом уровне бунт России против мира постмодерна, который не признает страдания как необходимой составляющей жизни, как условия, на котором человеку вообще дана жизнь на Земле и счастье.

Это смелое дерзновение вопреки, казалось бы, уже почти убившему дух виртуально-потребительскому миру социальных сетей и торговых центров. Характерно, как воюет так называемый коллективный Запад. Воюют по-настоящему только украинцы и русские. Примем, что, хотя бы в этом смысле мы один народ. Запад же воюет по-постмодернистски: дистанционно, чужими руками — «до последнего украинца», поставляя оружие и организуя медийные информационные кампании. Это, казалось бы, очень умно, но это вызывает и глубокое отвращение, как что-то ненастоящее, как признак нежити, признак необратимо изменившихся людей, которые уже не готовы на настоящий риск и страдание во имя чего-то большего.

Хотя нынешний киевский режим многому уже у Запада в этом смысле научился. Взять того же Арестовича, этого

игривого пропагандиста-постмодерниста, который сознательно сделал ставку на «постправду» в своей деятельности. Или взять трагические фейки вроде Бучи. Про нее уже все забыли, ведь не названо было ни одной фамилии пострадавших киевскими властями! Случай Бучи дает верный признак лживой информационной кампании — никакой конкретики post factum, никакие фактические данные не приведены (как и в случае с расстрелом Майдана не было никакого расследования).

Хотя, возможно, тут к западному постмодерну примешиваются и элементы гоголевской украино-малороссийской фантасмагории, и создается редчайшая смесь русского (южнорусского или украинского) упрямства, игривой нежити и страшной сказки.

II

Однако невозможно закрывать глаза и на то, что действия России вызвали волну морального возмущения в западном мире и среди тех граждан России, кого принято называть либералами. И надо честно сказать, оно не всегда является проявлением лицемерия. Более того, эти действия вызвали шок и ступор у многих людей, которые, скажем так, несут в себе русско-украинское двойничество, у тех, кто причисляет себя и к тем, и к другим. Та же волна эмиграции из России была во многом вызвана моральным возмущением, а не только желанием бежать из и от мира, в котором возможна и даже законна война, что она по-прежнему отец и царь всех вещей, как говорил Гераклит.

Это моральное возмущение вызвано тем, что Россия якобы первой напала на независимую страну и начала с ней захватническую войну. Не стоит отрицать распространенность таких настроений. Отрицая их и стараясь их не замечать, оказываешься в заведомо проигрышной позиции, потому что

оставляешь за противником моральное превосходство, даешь ему право считать, что это он ведет справедливую войну.

И правда, спросим, напала ли Россия первой в феврале 2022-го года? И да, и нет. Нет в том смысле, что война и обстрелы Донбасса украинской армией шли уже почти 8 лет. За эти годы, согласно статистике ДНР, погибло более 14 тыс. человек, в том числе 200 детей.

Еще в 2015 году бард Игорь Сивак, родом из Одессы, написал песню «Горловка» (город Донецкой области примерно в 40 км. от Донецка, в котором шли интенсивные боевые действия), где были такие слова:

Прилетело и в больницу и в клуб,
И в хрущёвках по убитым скорбят.
А с экрана покупной «правдоруб»
Говорит, что это сами себя.
И опять на блокпосты мужики
Потянулись, кто откуда, кто с чем,
Карабины, топоры, кулаки,
Супротив артиллерийских систем.
<…>
По ком, по ком, по ком?
Звонит от осколков колокол?
В горле – кровавый ком –
Гор-лов-ка.
За что? – За то, что другие!
– За то, что, не шапито.
Когда мы пойдём на Киев,
Не спрашивайте: «за что?»[26].

[26] Живой Журнал Игоря Сивака. URL: https://i-sivak.livejournal.com/52567.html

То есть, например, у жителей Донбасса вопрос о справедливости действий 24 февраля не возник. Кто посеял ветер, пожал бурю. Поэтому их не смущает то, что в феврале 2022-го именно Россия первой нанесла удар, не дожидаясь прямой атаки со стороны ВСУ на Донбасс. Был ли этот удар упреждающим или прямо атакующим, мы не знаем и знать по-настоящему сейчас не можем. Однако пока можно говорить, что, как минимум, именно Россия, взяв под официальную защиту ДНР и ЛНР, перевела в феврале 2022 года вялотекущий конфликт, не имевший никаких перспектив мирного разрешения, в его горячую фазу.

Этого почти никто не ожидал. С этим и был связан шок значительной части так называемого креативного класса. Но он во многом объясняется тем, что эти люди, как и большинство населения Украины, все 8 лет были равнодушны к войне на Донбассе и гибели там мирного населения, не следили за этим и не воспринимали это как нечто важное и актуальное.

В то же время надо признать, что американцы и Запад были правы, когда многократно предупреждали, что «Путин нападет на Украину в феврале 2022-го», и западные страны спешно вывозили свои посольства и своих граждан. У нас в России это породило ураган остроумных шуток, но в итоге всем очень скоро стало не до смеха.

В связи с этим мне, однако, вспоминается один случай из жизни философа Л. Витгенштейна. Однажды Витгенштейн и его более молодой коллега, друг и ученик Норман Малькольм, обсуждали сообщение немецких газет о том, что английское правительство причастно к покушению на Гитлера в 1939 году. Витгенштейн сказал, что он бы не удивился, если бы это оказалось правдой. Малькольм на это возразил, что такие неджентльменские приемы не в национальном характере англичан, что британцы слишком порядочны и цивилизованы для того, чтобы заниматься

подобными закулисными делами. При этих словах Витгенштейн пришел в негодование от слов Малькольма, посчитав их проявлением полной некритичности и шаблонности его мышления, и даже на время прервал с ним общение. Суждение последнего он расценил как величайшую глупость и доказательство того, что занятия философией под его, Витгенштейна руководством, ничему Малькольма не научили. Позже, правда, отношения между ними восстановились, хотя и не без трудностей[27].

Тем не менее, этот случай показывает, что наивно думать о выдающихся нравственных качествах своего правительства, даже если поддерживать его действия. Все правительства играют в принципе по одинаковым правилам. Прав был выдающийся русский мыслитель К. Н. Леонтьев, когда считал, что христианская политика (за её возможность и даже необходимость выступал другой выдающийся русский мыслитель В. С. Соловьев) вещь невозможная и фальшивая. Ведь политика, скажем от себя, это мирская забота о мирских делах, она в принципе не может быть вообще без примеси греха, который неотделим от мира сего.

Великий реалист К. Н. Леонтьев говорил, например, что «известная степень лукавства в политике, замечу, есть обязанность; ибо политика есть дело механическое; это есть ничто иное как естественная взаимная пондерация общественно-государственных сил… Старомосковские князья и бояре наши были все очень искренние православные люди и, вместе с тем, очень лукавые и очень искусные политики»[28].

---

[27] Малькольм Н. Людвиг Витгенштейн. Воспоминания // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М.: Издательская группа «Прогресс» «Культура», 1993.

[28] Леонтьев К. Н. Мои воспоминания о Фракии // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. Том 1. М., 1885. 312 с.

Называть ли действия России в феврале 2022-го военно-политической хитростью или злостным коварством, — дело вкуса и партийно-политических пристрастий. Как известно, у нас разведчики, у них — шпионы. Но приходится констатировать: успешная политика (и война как ее продолжение другими средствами) невозможна без хитрости, обмана и коварства. Представляется поэтому, что с христианской точки зрения любая политика, любая война, и особенно война гражданская, всё же сущностно связаны с грехом, с греховной природой человека. Даже так называемая справедливая война — в том числе потому, что из-за боевых действий обеих сторон гибнут мирные люди.

В то же время реальная невозможность нелукавой, чистой христианской политики, необходимость военной хитрости и политического обмана не означает, что не остается вообще нравственных преград в борьбе с врагом. Конечно же, остаются. Недопустимы садизм, издевательства над пленными и пытки, сознательное причинение вреда мирному населению, и т.д. Два главных качества для конечного успеха войны, чтобы была одержана победа, и чтобы она считалась заслуженной по праву, — это превосходство в мужестве и стремление остаться человеком, не переступить на войне нравственную грань, отделяющую воина и солдата от преступника и мародера.

III

Не оспаривая правомерности провозглашённых в самом начале СВО целей демилитаризации и денацификации Украины, следует внести поправку, что это на самом деле производные задачи.

Главная цель — дезападнизация Украины.

С нашей стороны поэтому речь должна идти не только и не столько о денацификации, сколько о дезападнизации и делиберализации Украины, потому что первое предполагает второе как свое условие и причину.

Исторически значительнейшая часть территории бывшей советской Украины всегда была обширнейшим пограничьем, фронтиром между нашим Востоком и их Западом. Граница между ними на протяжении столетий была подвижной. Украина была окраиной империи, её границей, краем, хотя и непростым.

Своего рода центральная маргиналия, что и дало в итоге сегодня такие силы вызревшему в зверя украинскому национализму. После 1991 года Западу, казалось бы, удалось поглотить не только Украину, но даже и Россию, лишить их субъектности. Но теперь, в условиях вернувшегося исторического противостояния между Западом и Россией снова идёт война за украинские земли. И украинский нацизм здесь — это лишь вспомогательный инструмент в борьбе Запада с Россией, наподобие того, как НАТО и западные спецслужбы, государственные ведомства ФРГ после Второй

мировой войны брали себе на службу немецких нацистов, верно служивших Гитлеру[29].

Власть крайне хрупкой домайданной Украины держалась худо-бедно на балансе между Украиной Восточной (прорусской) и Украиной центральной и западной (цивилизационная партия Запада). В этом смысле киевский «Беркут» на Майдане, как ни странно, был последней зримой преградой, которая удерживала хлипкую украинскую государственность от будущего краха и сваливания в гражданскую войну, что было неминуемо в случае нарушения этого баланса.

Но баланс был непоправимо нарушен. Времена радикально изменились. Теперь нужно отдать себе элементарный отчет в том, что идеологический мейнстрим постмайданной Украины, конечно, всегда был радикально прозападным, за безоговорочное вхождение в ЕС и вступление в НАТО. В ней победило в 2014 году стремление безоговорочно войти в либеральную Европу, западный мир. И это воля большой части украинского общества, особенно городского, так

---

[29] Характерный пример тут Теодор Оберлендер. Нацист, оберштурмбаннфюрер СА, по совместительству специалист по «восточным вопросам» и профессор Кенигсберского университета. Перед войной был назначен политическим руководителем бандеровского батальона «Нахтигаль». С осени 1941 года до июня 1943 года командовал батальоном «Бергманн» (укомплектованном выходцами с советского Кавказа). По данным советских историков, был одним из организаторов «среднего звена» многочисленных преступных акций нацистов на территории СССР, нередко лично принимал участие в пытках и казнях. После непродолжительного пребывания в американском плену после войны стал депутатом бундестага, а 20 октября 1953 года федеральный канцлер Аденауэр даже назначил Оберлендера министром по делам перемещённых лиц, беженцев и жертв войны (!). После того, как Оберлендер в Советском Союзе в 1960 году был обвинен в собственноручных убийствах мирных граждан, а в ГДР был заочно приговорен к пожизненному заключению, всё же подал в отставку. Потом спокойно жил в Западной Германии, занимался политической и научной деятельностью, дожил до 1998 г.

называемого креативного класса, надо это признать. Того общества, которое сейчас с нами воюет за свою западнизацию — которая, конечно, иллюзорна. Ведь Украина не может и не готова быть Западом, и не только потому, что ее там не признают как равную. Но, тем не менее, это диктует то, что наша реальная задача — это дезападнизация Украины.

Украина стремится в западный мир, но при этом во многом представляет собой ухудшенный, карикатурный вариант России, ее антилиберальных черт. Если говорят, например, что в России по-прежнему сильно некое подобие монархических настроений, что у нас народ послушно идет за авторитарным лидером, то на Украине те же тенденции выступают в пародийном виде, сопровождаемые регулярной карнавальной сменой гетмана, который всегда оказывался ненастоящим. Украинское общество сначала было влюблено в Ющенко, потом в Тимошенко, потом поверило Порошенко, потом Зеленскому. И эта любовь всегда была несчастной, потому что на Украине не умеют выбирать настоящего лидера.

Безусловно, на постсоветской Украине были и есть заметные, просто бросающиеся в глаза элементы неонацизма: люди и организации, видящие себя как наследников ОУН и УПА, Бандеры и Шухевича, полк «Азов» и прочие нацбатальоны со свастиками на татуировках их боевиков, но не в их парадигме определялся официальный политический курс Украины. Не в их риторике и символизме писались и пишутся официальные политические документы.

Коллективный Запад поддерживает нынешнюю официальную Украину и ее нацистскую составляющую как таран против России. В его бесстыжих глазах очевидные проявления неонацизма на Украине — это нечто второстепенное. Там предпочитают этого не замечать, замалчивать. Украинский неонацизм для них серая зона умолчания и «орудие орудия». Если современная Украина — это

орудие для нанесения решающего поражения России, то украинский неонацизм — это самое отточенное и самое мотивированное орудие этого орудия.

И в то же время наиболее его дискредитирующее. Долгая история неразрывной связи украинского национализма с нацизмом, плотная инкорпорация второго в первый — причина, почему украинский национализм всегда будет нелегитимен в глазах России, всегда будет восприниматься как непримиримый враг.

IV

Исторические корни идущего конфликта и Drang nach Osten на этой территории очень глубокие и давние, им практически уже 800 лет, если отсчитывать их от того времени, когда Галицко-Волынское княжество во главе с Даниилом Галицким перешло в унию. Поэтому изначально крайне наивны и несерьезны были первые представления о том, что СВО должна была быстро двигаться к победе, что за несколько месяцев можно решить проблему, которой столько лет, и у которой такая непростая и запутанная история. То, что эта война затянулась, то, что для победы требуется гораздо больше средств и ресурсов — это шок для тех, кто плохо знает или не хочет знать историю. Я убежден, что сегодня именно история должна быть главной наукой, или одной из главных. Но только честная история, достойная того, чтобы действительно называться историей.

Но дезападнизация Украины как подлинная цель войны предполагает и дезападнизацию России, которая сейчас отчасти идет стихийно.

Однако возможна ли она у нас сейчас как осознанный культурно-исторический и духовный процесс? Либерализм,

западный образ и строй жизни слишком глубоко пустили корни в России. Мы уже начали с того, что современный человек у нас слишком пропитался идеологией постмодернизма. Возможна ли у нас реальная, осознанная и сознательная дезападнизация? Пока нам в этом больше всего помогают наши враги — в том смысле, что благодаря им этот процесс идет стихийно, как бы силою самих вещей. Идущая война подсказывает и будет подсказывать формы выживания и поведения. Возможно, ситуация потребует нового и более глубокого консервативного поворота, просто чтобы сохранить страну. Потребует чего-то похожего на события лета 1999 года, когда к власти стал двигаться Путин в условиях новой разгоревшейся войны на Кавказе. Возможно, из-за украинской ситуации к власти придет преемник Путина — ещё более жёсткий государственник. По крайней мере, это не будет слишком удивительно и неожиданно.

Что значит сам термин дезападнизация? Ведь у этого термина, если судить дословно, отрицательное значение: имеется в виду избавление от западных форм духовной, политической, культурной, социальной и экономической жизни. Но что должно прийти взамен?

По нашему убеждению, российскую ситуацию нельзя адекватно описать средствами теории археомодерна А. Г. Дугина. Хотя действительное положение дел эта концепция отчасти описывает верно, но лишь отчасти. Действительно, общество у нас представляет собой смесь традиционных (архаических) и модерновых черт. Однако их распределение по обществу имеет место не так просто, как по Дугину. Дескать, носителями модернистской прогрессисткой идеологии являются лишь так называемые элиты, правящий слой, а народ в глубине по-прежнему и по-хорошему архаичен, и надо только надстройку привести в соответствие с глубинным народным базисом. Но в действительности и сам народ, все мы практически без исключения уже вполне

себе перепаханы модерном и даже отчасти постмодерном, линия между модерном и так называемой архаикой проходит у нас сегодня внутри каждого человека, как и в случае с либеральным содержанием. Достаточно посмотреть на количество абортов и разводов в обществе, на число тех, кто регулярно ходит в храм, чтобы понять, что и народ уже стал во многом необратимо модерновым, хотя в то же время и сохраняет некоторые прежние традиционные (архаические в терминологии Дугина) черты. Эрозии подвергается сам традиционный русский характер с его приоритетом общего над индивидуальным. Русская женщина становится все более эмансипированной, все больше отказывается видеть в мужчине естественного главу семьи, все более стремится к карьере и самовыражению, а не к семье, и т.д. В то же время и мужской характер начинает терять свои прирожденные мужские свойства: мужественность, смелость, ответственность, воинственность.

Поэтому считать, что мы выполняем сегодня в Европе консервативную роль, что наконец-то сбылось тютчевское представление, когда он видел Россию как единственную силу, противостоящую либерально-революционной Европе с ее апофеозом человеческого Я, можно лишь отчасти. Этот разлом между идеальной консервативной Россией и Европой проходит и по самой России тоже с идущей в ней сегодня холодной гражданской войной. Горячие формы этой войны как бы вынесены на Украину, и Украина в этом смысле — своего рода «русское поле экспериментов».

Значит, в нашей ситуации, в новых условиях, речь, к сожалению, может идти лишь о том, чтобы увеличить удельный вес и значение традиционных черт в общественной и личной жизни. И уменьшить, соответственно, вес и значение черт модерновых, либерально-прогрессистских. Но реализм не позволяет надеяться на то, что России

удастся вернуться к полноценной единой культурно-исторической форме.

Поэтому мы сегодня обречены на эклектизм в идеологии. Да, эти события могут восприниматься как призыв и шанс вернуться к цивилизационным, историческим истокам, к устоям дореволюционной, монархической, до-красной России. В русской истории XX века имеет место трагический разлом, разрыв. И сегодняшняя антирусская Украина — это во многом последствия украинизации как целенаправленной политики в советское время. Тем не менее, прошедшая история советского времени необратима, оставленные ею следы слишком значительны, они в нас и, их не удалить. В контексте идущей войны ни в коем случае нельзя отрешиться от советского наследия. Враги целью поставили декоммунизацию Украины.

Стоит посмотреть также и учесть, под какими знаменами и в свете каких символов вел борьбу Донбасс предыдущие 8 лет. Это было Красное знамя, это были советские символы, это был символ Дня Победы 9-го мая. Для людей на Донбассе идущая война — это война за право уважать себя как наследников в том числе и советской истории.

Мы имеем, как минимум, две идейные колонны, просоветскую и ориентированную на наследие досоветской России и на ее ценности. И при том, что на идейном уровне они впрямую не совместимы, а надежды на непротиворечивый синтез иллюзорны, речь может идти хотя бы о тактическом союзе. Политика, в том числе идейная, — это искусство возможного.

Сегодня Украина — это место примирения красных и белых, если те и другие будут достаточно умны, и не будут

понапрасну дразнить и задирать друг друга, объявят хотя бы временное перемирие.

Раскол на «красных» и «белых», нестроения и война умов по поводу оценки советского периода истории сильно ослабляют позиции патриотического лагеря. Как бы ни относиться к советской эпохе, XX век стал для России в ее истории пиком геополитического могущества, а также пиком противостояния России с Западом. Правда, по итогам этого противостояния она добровольно сдалась на милость победителям (сказался секулярный и западный характер марксизма, его во многом буржуазно-материалистический характер), но победитель попался негуманный, и в итоге все равно пришлось расстаться с розовыми иллюзиями перестроечного времени.

V

Тем не менее, практическая политика — это одно, а понимание политики и общества — другое. Да, сегодня примирить оппонентов невозможно, но исследователи, учёные, мыслители всё равно должны искать что-то объединяющее эти две половины исторической России, которые сегодня обе идут каждая из своего прошлого и опираются на него.

Историческая Россия всегда понималась как наследница Византийской империи. 150 лет назад великий русский мыслитель Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) выдвинул концепцию византизма. Этим термином он назвал культурно-исторический тип России, то, чем она, как наследница Византийской империи, отличается от остального мира.

Общепринятое представление, что Россия — преемница Византии в религиозном смысле, К. Н. Леонтьев углубил и всесторонне продумал в цельном культурно-историческом и религиозно-политическом плане. Опорными столпами в его концепции византизма, вкратце содержащими

в себе её всю, было три пункта: Православие и Царь, восточное христианство и самодержавие, и их религиозно-политический союз. Вот как Леонтьев с его художественно-феноменологичным мышлением на конкретных примерах характеризует византизм в своей центральной работе «Византизм и славянство»:

«Представляя себе мысленно византизм, мы, напротив того, видим перед собою как бы строгий, ясный план обширного и поместительного здания. Мы знаем, например, что византизм в государстве значит — самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире мы знаем, что византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом; знаем наклонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству здесь, долу. Знаем, что византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов; что он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства.

Византизм дает также весьма ясные представления и в области художественной или вообще эстетической: моды, обычаи, вкусы, одежду, зодчество, утварь — все это легко себе вообразить несколько более или несколько менее византийским»[30].

Обратим внимание, что и сегодня в России присутствуют, пусть в сильно ослабленном виде, эти черты: автори-

[30] Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // К. Н. Леонтьев. Полное собрание сочинений. Том 7 (1). СПб. Владимир Даль, 2005. С. 300–301.

таризм центральной власти, православное христианство и Церковь как важный авторитет для большой части общества, правда, плохо на самом деле с ними знакомых. Однако с отсутствием «преувеличенного понятия о земной личности человеческой», как и с «разочарованием во всем земном, в счастье» дело обстоит ещё сложнее. Сначала марксизм с его материализмом и отрицанием духовной природы человека, а потом идеология гедонизма и либерального индивидуализма слишком пропитали общество, хотя и не захватили его все. Иначе не было бы добровольцев на Донбассе, иначе Россия вообще бы не вступила в эту войну.

Но сейчас скажут — какой византизм? Архаика! Казалось бы, византизм как доктрина может сегодня иметь только исторический интерес. После революции 1917 года и крушения традиционной, исторической России, после советского периода истории, а потом и победы либеральной революции 1991 года о каком византизме как действующей доктрине может идти речь?

Тем не менее, можно говорить о парадоксальной безнадежной актуальности концепции византизма у К. Н. Леонтьева. Безнадежной в том смысле, что, действительно, монархия и православие как официальная и единственная государственная религия остались в безвозвратном прошлом. Это прошлое не вернуть, как нельзя затолкать выдавленную пасту обратно в тюбик. Актуальности — в том смысле, что и в современной России в очень ослабленном, размытом виде продолжают действовать и хранить её былые византийские начала.

Своего рода негласный и гибридный, неосознаваемый нами византизм продолжает хранить и определять Россию. Это союз, во-первых, квазимонархической президентской власти, когда президент как бы демократически приходит к власти, но не может демократически, путем выборов быть смещён. В демократические формы, существующие в зна-

чительной степени лишь на бумаге, влито некое монархическое содержание. При этом крепкая авторитарная власть невозможна без внутренней готовности народа повиноваться партии власти, если той удается поддерживать свой авторитет. В этом находят свое выражение христианские по своему происхождению ценности терпения и смирения, которые далеки от рабского безвольного повиновения. Это добровольное согласие подчиняться власти, если она тоже руководствуется высшими идеалами и способна позвать на великие дела, если власть способна выступать как нравственный авторитет.

Крепкая авторитарная власть необходима в том числе для того, чтобы держать вместе разные народы, этносы и регионы России с их разными культурами и традициями. Эта национальная пестрота, с одной стороны, грозит России распадом, а с другой является залогом ее жизненности, сложного цветения.

Во-вторых, это важная общественная роль традиционных для России религий — в первую очередь Православия и Русской Православной Церкви, а также ислама и буддизма. Русская Православная Церковь наряду с армией среди общественных институтов является лидером по доверию среди жителей нашей страны, ей доверяют около двух третей граждан. Примерно такой же процент себя причисляет к православным. Хотя реальных прихожан, а не «захожан», гораздо меньше. Тем не менее при определенных условиях, в кризисной ситуации этот ресурс может превратиться в значительную политическую силу, и власти это понимают.

Этим мы сильно отличаемся от современной Европы, отрекающейся от своих христианских корней. Как однажды сказала автору этой статьи болгарский ученый и публицист Дарина Григорова: «Я знаю, насколько нехристианская сейчас Европа, на её фоне вы просто Дивеево, Афон. Когда на военном параде в честь 9 Мая Шойгу осенил себя крестным

знамением на весь мир, он не постеснялся показать остальному миру, что вы другие. Для вас это обычно, вы даже не обращаете на это внимания. Это был такой мощный символ, что вы, видимо, просто представить не можете. Западный политик побоится это сделать. Но для вас это нормально, вы этого даже не замечаете»[31].

Если посмотреть, какие претензии со стороны Запада и внутренней «прогрессивной общественности» предъявляются современной России, то это именно упреки в авторитаризме (исторически развившаяся самодержавная традиция) и приверженности «отсталым традиционным ценностям» — неприятие ЛГБТ и так называемых толерантности и политкорректности. То есть, это во многом тот же византийский союз государства и Церкви, только сегодня это крайне ослабленная связка также гораздо более слабых опор по сравнению с тем, что было ранее.

Мне кажется, что Россия сегодня отличается от остального мира как раз своим сегодняшним бледным подобием византизму по К. Н. Леонтьеву. Это византизм, сильно изменённый и искаженный модерном и его ценностями, но что-то ещё сохраняющий в своём ядре и хранящий Россию. Без этого византийского содержания, даже в его ослабленных модерных или модерновых формах, искаженных современностью, она падет, погибнет.

VI

Внешне византизм в леонтьевской концепции выглядит как деспотически стесняющая человека несвобода. Также и путинскую Россию часто упрекают в несвободе: нет по-настоящему свободных выборов, нет свободы ЛГБТ, свободы прессы и т.д.

[31] Россия и Болгария: есть ли у нас общее будущее? Беседа Д. Григоровой с Ю. Пущаевым. — Православие.ru. — 2019. — 18 декабря. — URL: https://pravoslavie.ru/126467.html (дата обращения 20.10.2021).

И правда, когда современники пытались анализировать общественный идеал, который отстаивал К. Н. Леонтьев, основное внимание и акцент, как правило, делался на том, что внешне византизм носит принудительный и стесняющий человеческую личность характер. Как определял С. Н. Трубецкой основную идею литературной деятельности К. Н. Леонтьева, это «византизм как совокупность принудительных начал в общественной жизни, возведенный в принцип охранительной политики; византизм как принцип русской, а затем, может быть, и всемирной реакции»[32]. Многочисленным критикам свободолюбивого XIX века крайне не нравилось, что леонтьевский идеал предполагает стеснения и ограничения для индивида и его свобод, что народ по К. Н. Леонтьеву «должен быть ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен. Не надо лишать его тех внешних ограничений и уз, которые так долго утверждали и воспитывали в нем смирение и покорность. Эти качества составляли его душевную красу и делали его истинно великим и примерным народом»[33].

И правда, многие оппоненты К. Н. Леонтьева в истории русской мысли как бы стучались в открытую дверь и упрекали его ни больше ни меньше в пропаганде рабства и мракобесия. Один из самых остроумных упреков, адресованных К. Н. Леонтьеву, принадлежит, пожалуй, славянофилу И. С. Аксакову, который попрекал его «культом сладострастной палки».

Впрочем, действительно, отстаивая свои общественно-политические и историософские взгляды, К. Н. Леонтьев и правда постоянно использовал негативно окрашенную тер-

---

[32] Трубецкой С. Н. Разочарованный славянофил // К. Н. Леонтьев: PRO ET CONTRA. — СПб: РХГА, 1995. — Т. 1. — С. 135.

[33] Леонтьев К. Н. Над могилой Пазухина // К. Н. Леонтьев. Полное собрание сочинений. Том 8 (1). СПб. Владимир Даль, 2007. С. 457.

минологию. Если внимательно посмотреть на используемую им понятийную лексику, то начинает бросаться в глаза большое количество таких терминов, как «деспотизм», «рабство», «стеснение», «насилие» и т.д., причем парадоксальным образом он их использует с положительной нагрузкой, как нечто желательное. Он говорит о «созидательном стеснении», о «спасительном насилии». «Насилие не только побеждает, оно и убеждает многих, когда за ним, за этим насилием, есть идея»[34]. Леонтьев понимает определенные виды стеснения и даже насилия как созидательные и спасительные.

Или взять хотя бы знаменитое определение К. Н. Леонтьевым формы из «Византизма и славянства»: Форма есть «деспотизм внутренней идеи, не дающей материи разбегаться. Разрывая узы этого естественного деспотизма, явление гибнет»[35]. Здесь деспотизм возводится на уровень онтологического и космологического начала, как нечто сущностно присущее внутренней идее любой вещи.

Или также К. Н. Леонтьев говорит, что коммунизм приведет к «новому юридическому неравенству, к новым привилегиям, к стеснениям личной свободы и принудительным корпоративным группам, законами резко очерченным; вероятно, даже к новым формам личного рабства или закрепощения (хотя бы косвенного, иначе названного)»[36]. Здесь ожидания от коммунистического будущего, которые категорически неприемлемы для либерально, по-европейски мыс-

---

[34] Леонтьев К. Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» // К. Н. Леонтьев. Полное собрание сочинений. Том 7 (2). СПб. Владимир Даль, 2006. С. 65.

[35] Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // К. Н. Леонтьев. Полное собрание сочинений. Том 7 (1). СПб. Владимир Даль, 2005. С. 383.

[36] Леонтьев К. Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // К. Н. Леонтьев. Полное собрание сочинений. Том 8 (1). СПб. Владимир Даль, 2007. С. 211.

лящего человека, коммунизму К. Н. Леонтьевым, напротив, ставятся в заслугу.

Однако это «деспотическое» содержание — лишь одна сторона леонтьевского идеала. Бросающаяся в глаза своим устрашающим и вызывающим характером, она скрывает другую, менее заметную, но гораздо более важную. Эта последняя, на самом деле, лежит в основе первой и оправдывает её существование, является ее фундаментальным условием. И её не могут увидеть те, у кого для этого не настроено соответствующим образом внутреннее, духовное зрение, у кого нет «глаз веры». Но обе эти стороны, явная и скрытая, на самом деле предполагают друг друга, являются двумя неразрывными сторонами одного целого.

Эта иная, более глубокая причина (вторая, скрытая сторона леонтьевского византизма) имеет отношение к области личной духовности людей, живущих в данном, «византийском» обществе. Внешние ограничения и стеснения при наличии религии как духовного фундамента данного общества нужны для формирования и высвобождения внутренних человеческих энергий, их направления по нужным, правильным каналам, чтобы человек имел большие шансы приобрести правильную внутреннюю духовную форму, направление развития. Чтобы человек не увлёкся внешним и не расплылся в нём.

Конечно, не всякий деспотизм является таким: необходимым дополнением к главной, стержневой — духовной — стороне. Мы имеем здесь прежде всего в виду собственно византизм в леонтьевской оптике — союз монархии и Православия, церковного христианства.

Таким образом, византизм как общественный идеал предполагает сковывание, различного рода стеснения для внешней социальной активности, чтобы дать большую возможность человеческим энергиям направиться в сторону интенсивной внутренней, духовной жизни. Стеснения об-

щественной жизни и разного рода социально-юридические ограничения нужны по причине слабости человеческой природы, испорченной грехом и предоставленной самой себе. Отпущенный на внешнюю свободу, человек рано или поздно теряет меру, оказываясь игрушкой своих и чужих страстей.

Также человек, озабоченный преимущественно социально-экономическими и политическими проблемами, вопросами своего личного жизненного успеха, измеряемого в земных, материальных приобретениях, и который при этом как бы собой свободно располагает, забывает о приоритете духовного начала. Активная социально-политическая жизнь (предполагающая либерально-демократическое устройство в противоположность деспотическому как пространство своего свободного действия) с её перманентными тревогами и заботами о всегда изменчивом дне сегодняшнем относится к области несущественной с религиозной точки зрения.

Но внешние социальные подпорки и институты, соответствующие византизму как полноценному культурно-историческому типу, могут быть выстроены только если есть соответствующее ему внутреннее духовное условие. В конечном итоге византизм опирается на личностно-индивидуальные глубины, корнями уходит в них, существуя, прежде всего, «на уровне душ». Это живая и искренняя ортодоксальная вера, преданность Православию, которую на личностном уровне должно разделять большинство населения. Это должно быть условием общественного консенсуса. Она является фундаментом и необходимым условием, чтобы существовал полноценный византизм как духовно-политический или церковно-государственный строй или режим. Это, так сказать, самый первый и существенный признак, главное условие вообще, чтобы византизм имел место в реальности:

«Первым существенным признаком византинизма нужно считать искреннюю и твердую преданность византийцев св. Православной вере и Церкви. Ортодоксия, Православие — вот главное отличие Христианского Востока от Запада, мира византийского от романского… Пеструю этнографическую смесь населения в Византии связывала и скрепляла религия, в форме Православия, так как почти все подданные византийского василевса были православными. Православие было не только весьма прочным объединяющим началом для византийского населения, но и, можно сказать, господствующей национальностью византийского государства, основной стихией народной жизни в Византии, ее глубочайшим, самым чутким жизненным нервом. Византийцы по преимуществу были верными сынами Св. Православной Церкви, строгими ортодоксалами в своих религиозных воззрениях, ревностными сторонниками и выразителями общецерковного богословия, точными исполнителями церковной дисциплины, обрядов, церковно-богослужебной практики. Учение Святой Церкви, как оно раскрыто в определениях семи Вселенских соборов, признавалось у них божественным и непогрешимым, его исполнение почиталось делом обязательным, необходимым условием нравственного совершенства и спасения»[37].

Как говорил в этой же работе дореволюционный ученый-византинист И. И. Соколов, в случае с византинизмом или византизмом речь идет об оцерковлённом государстве, в котором «государственный принцип становится действенным лишь в той мере, в какой проникается учением Церкви, а носитель светской власти не может стоять впереди представителя власти церковной». Оцерковленное государство есть государство христианское, говоря уже

[37] Соколов И.И. О Византинизме в церковно-историческом отношении. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Sokolov/o-vizantinizme/1.

нашими словами. Но оно может иметь место лишь при том необходимом условии, что большинство его граждан являются, как сейчас говорят, практикующими (действенными) христианами, которые не знают и не хотят другой веры.

Не может поэтому существовать православная монархия, если в государстве не осталось православных монархистов: вот главный ответ о причинах катастрофы февраля 1917 года, повлекшей за собой октябрьскую революцию. Так и Советский Союз перестал существовать, когда коммунисты-ленинцы в СССР остались в ничтожном меньшинстве, когда у подавляющего большинства людей ушла вера сначала в коммунизм, а потом вообще в социализм.

Византизм можно с известной долей условности назвать православным этатизмом, когда приоритетным является не внешняя социальная активность, направленная на земное преуспеяние, а внутреннее духовное делание. В условиях византизма «государство тянет людей к Богу, отодвигая на второй план их материальные устремления»[38]

Таким образом, внешний деспотизм нужен как подспорье для правильного направления внутренней духовной жизни, как её огораживание и защита. Он выступает в роли своего рода её аккумулятора — хранителя, накопителя и канализатора человеческих энергий — для направления их по правильному руслу. Такова идеальная собственно консервативная роль византийского, т.е. православно-монархического государства. Оно своими внешними ограничениями, несвободой, пониманием человеческой жизни как служения, соответствует святоотеческому учению о необходимости идти в жизни узким, а не широким путем.

---

[38] Козлов А. С. Современная англо-американская историография о политике СССР в 20–30-х гг. как проявлении «византизма // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сборник научных трудов/ — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. — С. 40 —48.

Конечно, как часто правильно замечают, в Евангелии не указан какой-либо предпочтительный политический режим: просто отдай Цезарю цезарево. Ведь «Царство Божие внутри вас есть» (Лк. 17:21). Однако это всё же не исключает вопроса, какие общественные условия более благоприятны для возможности обрести спасение, для прочного существования Церкви в обществе. Они не предопределяют его, потому что это невозможно по определению. Тем не менее, неслучайно эпохи господства христианской Церкви политически выливаются в монархические и самодержавные формы, а республиканское начало и республиканский образ мысли предполагают и влекут с собой секуляризацию и даже ожесточенную борьбу с религией и Церковью. Определенные социально-политические и общественные институты совсем не случайно возникли и держались более тысячи лет, пока христианство было господствующей религией. Вера оказывается важнейшим фактором, формирующим общественно-государственный режим, а последний в свою очередь становится её внешней опорой и защитой.

Деспотизм в леонтьевском понимании полезен и для культуры, хотя это может показаться очень странным и парадоксальным. Как, например, он проницательно замечает, представители «золотого века русской культуры», лучшие русские поэты и писатели, мыслители-славянофилы, были людьми 40-х годов. Они все росли при крепком, сословном, крепостническом строе, и спокойное течение жизни при Императоре Николае I дало им возможность не спеша развиваться и духовно созревать. При этом очень многие из них роптали на этот строй, ненавидели его и желали его ниспровержения. И правда, например, М.Н Каткову, А. И. Герцену, славянофилам, Ф. М. Достоевскому, Н. Я. Данилевскому — всем им было уже за 40 или под 40 лет в 1861 году. Л. Н. Толстому чуть больше 30. А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов и не дожили до падения кре-

постничества. Во всех них, как говорит К. Н. Леонтьев, «совершилось одно из тех таинств психического развития, которые наука еще не в силах до сих пор удовлетворительно формулировать; в идеале, в сознании — они все более или менее ненавидели этот крепостнический и деспотический строй (и напрасно, конечно), но в бессознательных безднах их душ эпоха эта, благоприятная досужной мысли, свершила свое органическое независимое от их воли дело»[39]

VII

Тем не менее, повторимся, сегодня мы никак не можем рассчитывать на то, что в результате идущих событий в России восстановится и возродится цельный культурно-исторический тип. Русский консерватизм сегодня вынужденно может носить лишь эклектический характер, он представляет собой просоветско-неовизантийскую смесь, во многом противоречивую внутри себя. Надо честно признать, что дезападнизация может происходить только на этом эклектическом основании.

А значит, что она скорее всего примет достаточно умеренные формы, можно говорить лишь о большей или меньшей степени желательных мер в ее рамках. Она предполагает, наверное, следующие шаги:

- Еще большее огосударствление экономики, когда все сырьевые отрасли оказываются в собственности государства.
- Суверенизация науки, культуры и искусства. Повышение в их развитии роли государства.
- Мягкая цензура, в том числе на ТВ и в интернете, насколько это возможно.
- Умеренная клерикализация в рамках возмож-

[39] Леонтьев К. Н. Записки отшельника. Владимир Соловьев против Николая Данилевского // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. — СПб: Владимир Даль, 2007. Том 8 (Кн. 1). С. 387.

ного. Поскольку исторические корни конфликта носят религиозный характер, Православие в цивилизационном смысле остается как исходный и центральный (хотя, по-настоящему, почти неосознаваемый обществом) фактор культурно-исторической идентичности.

В целом желательны и нужны более строгие формы жизни, сдерживание личности и общества, сегодняшней распущенной жизни через традиционные духовно-культурные формы.

Возможно, война, пусть и не сразу, вернет ценность мужского начала в общество. Более патриархальное общество при прочих равных — значит более традиционное и строгое, а значит, и более нравственное, где игра личных и общественных страстей сдерживается и заключается в более прочные рамки.

Разгоревшийся конфликт очень сложный и многослойный. В нем сразу несколько измерений. Одно из них заключается в том, что на Украине и в украинском конфликте имеются очевидные элементы и признаки гражданской войны. Это так хотя бы потому, что сегодня друг с другом воюют люди, которые или родители которых еще 31 год назад жили в одной стране. Разумеется, раскол внутри самой Украины на пророссскую и прозападную, из-за чего она и стала полем столкновения между Россией и Западом, тоже носит характер гражданской розни.

Это в том числе гражданская война еще и потому, что это война России не только с внешним Западом, но и с Западом внутренним, вынесенная вовне, на территорию Украины.

Поэтому этот раскол прошел внутри семей, между друзьями не только на Украине, но и в России. Я лично знаю уже, к сожалению, массу примеров подобного рода.

Что же из этого следует?

Мы должны понимать, что гражданские войны длятся долго, и еще дольше их раны залечиваются и затягиваются. Надо готовить себя к этому. Кроме того, в гражданских войнах не бывает абсолютных победителей. На обеих сторонах грех, пусть в разной степени. Он, вероятно, есть и на нас. Мы, в частности, расплачиваемся за бездумный распад СССР и тогдашнее наше предательство исторической России, за невнимание к Украине в течение постсоветских лет. Поэтому после максимальных усилий и безусловной победы, в той мере в какой это гражданская война, нужен будет некий компромисс, как он был заключен с Чечней, теперь уже и с украинской составляющей нашей страны-цивилизации, включение ее прорусской части в наше общее духовное, политическое, общественное и культурное пространство.

В том числе мы в ответе за тех мирных людей, которым эта война причинила страдания. На нас перед ними теперь лежит долг восстановления их мирной жизни.

Трухан
Анатолий Васильевич
кандидат философских наук, доцент

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА РОССИИ В ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ ИСТОРИИ: ИДЕОКРАТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Оценка текущего исторического момента.

Событие начала специальной военной операции России на Украине знаменует собой начало оружейной фазы Третьей мировой войны между главными историческими претендентами на мировое лидерство.

Это война, которую ведет глобалистская прозападная элита за сохранение своего лидерства с исторической Россией в условиях утраты западной цивилизацией политической, военно-технической и культурной гегемонии.

Эта война имеет идеократический характер. Её основная предпосылка — кризис общечеловеческой цивилизации, построенной на универсальном общественном идеале новоевропейского гуманизма. Её главная цель — смена общественного идеала общечеловеческой цивилизации. Её начало — манифестация нового цивилизационного проекта Клаусом Швабом, установление пандемического консенсуса мировых элит, реализация глобальной и тотальной антиковидной повестки дня, демонтаж гуманистических завоеваний цивилизации модерна — в 2020 году.

«Ультиматум Рябкова», признание Россией независимости Донбасса и последовавшее за этими актами начало специальной военной операции на Украине — означают политический выход постсоветской России из пандемического консенсуса мировых элит и возвращение к политическому курсу исторической России с использованием достигнутого военного и военно-технического превосходства России над Западом.

Тактические цели военных действий исторической России на Украине — восстановление территориальной целостности России. Стратегические цели России:

1) выход России из кризиса постсоветской идентичности через пробуждение русского самосознания;

2) возвращение России в мировую историю в качестве лидера общечеловеческой цивилизации;

3) минимизация глобальных разрушительных последствий в процессе смены мирового лидера.

2. Основная задача русской философии на современном этапе — теоретическое обеспечение победы исторической России в Третьей мировой войне и осуществление глобальной культурной гегемонии России в поствоенный период. Соответственно, сформулированные выше стратегические цели России становятся главными теоретическими задачами современной русской философии.

Конкретизация поставленных задач в фактических условиях глобальной войны исторической России с коллективным Западом становится главным содержанием работы Философского Собора «Великое русское исправление имен». Организаторы Собора предложили свою постановку задач, которая, на наш взгляд, должна стать исходным предметом обсуждения на заседаниях Собора. Сформулированную на первом заседании Н. В. Арутюновым задачу актуализации концепта русской идеи мы разворачиваем в следующий ряд задач:

1) преодолеть постсоветский кризис идентичности через идентификацию русского самосознания с исторической миссией России в Третьей мировой войне;

2) руководствоваться принципом социально-нравственной ответственности за осуществление исторической миссии России — в мышлении, организационной деятельности и институционализации русской философии;

3) обосновать значение и место русской интеллигенции и русской культуры в достижении победы исторической России в Третьей мировой войне;

4) осуществить переход: в русской общественной мысли — от плюрализма мнений к монизму истины, в русской философской мысли — от множества философских дискурсов к единой парадигме мысли;

5) в условиях «ухода Европы из мировой истории вместе со своей философией» (Ф. И. Гиренок) сохранить наследие классической европейской философии и стать ее наследником подобно тому, как Византия вступила в наследие античной философии;

6) разработать и предложить мировому сообществу универсальный проект общечеловеческой цивилизации, альтернативный либеральному проекту.

3. Актуализация концепта русской идеи на современном этапе предполагает актуальную реконструкцию историософии противостояния России и Европы, сформулированной в славянофильском дискурсе русской религиозной философии XIX — начала XX вв. Сегодня в России «время славянофильствует» (В. Эрн) как и в начале Первой мировой войны. Ниже предлагается несколько тезисов, конкретизирующих решение сформулированных выше задач с помощью концепта «священная война России», разрабатываемого в теоретических рамках идеократической парадигмы мысли и концепта русского идеократического сознания.

Первый тезис. Идеократическая парадигма есть универсальное пространство теоретического созерцания, открытое древними греками и конституированное в философии платонизма. Идеократическая парадигма в социально-философской области познания есть воззрение на социальную действительность с точки зрения господствующей в общественном сознании идеи (= общественного идеала), которая обусловливает единство социальной общности и целостность общественного сознания. Предметом философского анализа в идеократической парадигме выступают социальные общности и процессы идеократического типа, каковыми преимущественно выступают отношения между Россией и Европой.

Второй тезис. Идеократия — тип социального единства, сущностью которого является реализации в мировой истории определенного общественного идеала.

Россия и Европа — цивилизации идеократического типа, противостояние между которыми характеризуется несовместимостью определяющих их специфику общественных идеалов. Движение мирового исторического процесса задается идеократическим противостоянием России и Европы.

В русском типе идеократического сознания акцентуируется духовно-нравственный идеал совершенной личности Христа. В европейском типе — социальный идеал совершенного общественного устройства. Соответственно, несовместимость двух типов идеократического сознания определяется несовместимостью приоритетов преобразовательной деятельности:

У русских приоритетом является духовное преображение личности через уподобление совершенной личности Хри-

ста, у европейцев — возвращение утраченного рая через совершенствование общественных отношений.

Различием приоритетов объясняется различие в направленности познания и деятельности. Этим объясняется и превосходство европейцев в практически-ориентированном познании, в институциональном закреплении результатов познания, в социально активной преобразовательной деятельности. Это превосходство лежит в основании европейского мирового лидерства на протяжении пяти веков.

Третий тезис. Оценивая противостояние, которое развернулось в текущий момент на Украине, мы полностью согласны с мыслью А. Г. Дугина о том, что в этом конфликте базовым противостоянием не может являться противостояние русской идеи и украинской идеи, потому что украинская идея — это искусственный симулякр, а русская идея — это нечто фундаментальное. Данная оценка соответствует теоретическим выводам в идеократической парадигме. Фундаментальность русской идеи определяется библейским откровением о духовно-нравственном идеале совершенной личности Христа.

Украинство есть симулякр (означающее без означаемого).

Во-первых, общественное сознание постсоветской Украины имеет в своем основании архетипы русского идеократического сознания, которые были сформированы участием в победах России в предшествующих войнах. Последняя из них — победа в Великой Отечественной войне. Во-вторых, смена (инверсия) архетипа победы в Великой Отечественной войне требует победы постсоветской Украины в войне с Россией (эта победа — предмет вожделения украинства, но не действительности). В-третьих, сам европейский либеральный идеал общественного устройства, сконструирован-

ный когнитивными технологиями в общественном сознании постсоветской Украины, с XIX века является симулякром. В-четвертых, глобалистская элита дважды в XX веке предпринимала попытку демонтажа социальных институтов, построенных на либеральном идеале и переформатирования общечеловеческой цивилизации через возвращение в архаику (две мировые войны), однако дважды на пути реализации этих планов встала Россия, и сейчас, в ходе третьей попытки архаизации общечеловеческих отношений, Россия является главным препятствием в реализации этих планов.

Четвертый тезис. Кризис европейской цивилизации модерна имеет идеократическое основание, каковым является историческая несостоятельность универсального новоевропейского общественного идеала гуманизма. Современное противостояние России и Запада есть противостояние между духовно-нравственным идеалом совершенной личности Христа и возвращением в архаику технократического рабства.

Главная задача исторической России на современном этапе — предложить миру универсальный общественный идеал общечеловеческой цивилизации, в основании которой лежат архетипы русского идеократического сознания.

Эта задача может быть решена на основании реконструкции советского опыта выражения архетипов русского идеократического сознания. Главное достижение советского этапа в истории России — создание практической модели светского идеократического государства, в основании которого лежит духовно-нравственный идеал совершенной личности Христа. Важнейшей задачей русской философии после исторического преодоления марксизма (в разрушении СССР) является задача теоретического преодоления марксисткой парадигмы. Для этого надо выразить общественные идеалы советского строя в универсальной парадигме

христианского платонизма (например: П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев). В основании этого преодоления лежит противопоставление новоевропейскому гуманизму (человекобожию) русского идеала Богочеловечества. В идеократической парадигме русская альтернатива гуманизму может быть сформулирована словами преподобного Иустина Поповича: «Все человеческие мысли, все ощущения, все человеческие дела в конечном выражении заканчиваются только двумя путями: или в человекобоге, или в Богочеловеке. Между этими полюсами протекает вся творческая жизнь рода людского как в духовном, так и в материальном планах. Хочет человек того или нет, но он служит или человекобогу, или Богочеловеку, содействуя тем самым преуспеванию в мире или человекобожества или Богочеловечества».

Пятый тезис. Важнейшей особенностью русской религиозно-философской традиции мысли является включение библейских текстов и исторического опыта православия в состав основополагающих источников философской мысли.

Историософия русской идеи рассматривает социальный процесс в эсхатологической логике истории. В рамках данной парадигмы мы вводим понятие «священная война России». Это война, которую Бог ведет в истории за спасение человечества с помощью России.

В историософии русской идеи рассматриваются три субъекта мировой истории: 1) Промысел Божий, 2) мировое зло и 3) самоопределение России. Эсхатологический период истории характеризуется концентрацией мирового зла в тотальной власти отдельной личности — антихриста, «зверя, выходящего из бездны» (Откр. 11, 7). Начало этого периода было явлено в 2020 году демонстрацией власти мирового зла в пандемическом консенсусе мировых элит, тотальной

и глобальной лжи и насилия в реализации антиковидной повестки дня, демонтаже либерально-демократических декораций цивилизации модерна. Эсхатологическая логика этого периода состоит в том, что судьба мира определяется двумя «или-или». Вступит ли Россия в священную войну на стороне Бога с мировым злом? Победит ли Россия в этой войне?

24 февраля 2022 года Россия вступила в священную войну на стороне Бога, которую может проиграть. Потому что сказано о «звере, выходящем из моря», что «дано было ему вести войну со святыми и победить их» (Откр. 13,7). Такова эсхатологическая логика священной войны России. Либо в мировой истории реализуется апокалиптический сценарий выхода «зверя из бездны» на короткое время, а затем — конец мира, либо сценарий возвращения России в мировую историю и исполнение своей миссии катехона — «удерживающего» (Москва — Третий Рим). По какому сценарию пойдет развитие событий — решение принимает Господь. Наше дело — исполнить свой долг до конца. Задача русской философии — решить задачи обеспечения победы России в этой войне.

Отец Дмитрий (Трибушный)

«Великое русское исправление имен»: негативный платонизм или священное переименование?[40]

Негативное чудо совершается на Украине. То, чего не должно было быть, но то, что есть вопреки Божественному Логосу.

Иначе, безымянная война. Постмодернистская война, в которой традиционалисты сражаются за либеральные ценности, националисты умирают ради торжества глобалистской идеи.

Невозможное или небытие, проявляющее себя в Горловке и Харькове, говорит на языке несуществующих понятий,

---

[40] Текст донецкого богослова, поэта и священника Дмитрия Трибушного в целом вполне укладывается в обозначенную концепцию Великого русского исправления имен, показывая при этом, что сама эта концепция не догмат, а подвижная теория, в рамках которой возможны как процедуры верификации и фальсификации, так и просто критический взгляд на нее изнутри. Замечу также, что Великое русское исправление имен как процесс вовсе не предполагает отрицание всего украинского и однозначную и бескомпромиссную замену наименования «Украина» на имя «Малороссия», точно так же как оно не допускает фанатического отрицания исторического имени «Малороссия». Речь идет о начале сложного и долгого процесса, в рамках которого будет отрицаться не украинское как таковое, но именно искусственный и агрессивный идеологический конструкт, который условно можно называть «украинством», но который ни в коем случае не стоит отождествлять с украинской / малоросской культурой как частью большой русской культуры. — Прим. редактора.

актуализируя речевые стратегии либерального мира: проекцию имен, похищение имен и мифологизацию имени.

Проекция передает собственное негативное имя своему оппоненту. Так, евроатлантическая империя использует понятие «империя» (в негативном смысле) для создания мифологического образа России, а украинские нацисты называют «нацистами» русских воинов.

Похищение — речевая стратегия десакрализации имени. Поспешная реформа патриарха Никона, насильная вестернизация Петра и его единомышленников, каббалистические эксперименты большевиков и ельцинских либералов, трагедия киевских майданов сопровождались метафизической страстью к переименованию. Энергия реформаторов была направлена не просто на имена, но на имена, священные для нашего народа: «Святую Русь» (крещальное имя Родины), «Третий Рим» (имя Родины в монашеском постриге — принятии христианского служения), «Великую Отечественную войну» (сакральное имя в ситуации секуляризации Родины).

Мифологизация предполагает развоплощение имени или его внеисторическое прочтение. Оно либо говорит о том, чего нет — о «свободе» в Европе, о «правах человека» в Америке, либо воспроизводит реалии, актуальные в прошлом и неактуальные в настоящем. Так магическое использование мифологического имени «Константинополь» или «Второй Рим» привело к возникновению ПЦУ и признанию Македонской Православной Церкви.

Сегодня совершается архаизации Украины. Вспомним примат майданного права, людей, привязанных к столбам, оккультные упражнения украинских вуду, мифы о нищей России, об орках, о летчике-призраке, наконец, откровение Адрианны Курилец: «у миролюбивой и хлеборобной нации … проснулось что-то страшное. Что-то, что веками дремало в недрах днепровских обрывов. Первозданный и античный украинский бог. И теперь мы собираем кровавую жатву».

В подобной ситуации вопрос о демифологизации воспринимается как вопрос о самой возможности существования народа в соответствии с замыслом Божиим о нем.

Однако здесь мы сталкиваемся со следующей проблемой. Как известно, ведущие исследователи мифологии от Мирча Элиаде до Е. М. Мелетинского свидетельствовали о «платоновской» структуре всякой мифологии; действительно, все эмпирическое рассматривается мифологическим мышлением как «тени» неких вечных оснований»[41]. Иначе, «любой предмет и любое действие становятся реальными только тогда, когда они имитируют или повторяют некий архетип. Итак, реальность приобретается исключительно путем повторения или участия; все, что не имеет образца для подражания, «лишено смысла», то есть не есть реальность»[42]. Именно отказ от исторического, от реального в пользу идеального мы и называем «негативным платонизмом», признавая, вслед за М. Элиаде, многочисленные достоинства наследия Платона.

Реализацию идей негативного платонизма мы видим в практике Константинопольского Патриархата. Несуществующий город, несуществующий центр несуществующий империи, игнорируя историческую реальность, претендует на первенство в православном мире, дарует признания раскольническим группировкам.

К сожалению, опасность увлечения идеями негативного платонизма мы видим и в «великом русском исправлении имен».

---

[41] Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. — 407 с.

[42] Элиаде Мирча. Миф о вечном возвращении / Пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. — СПб.: Алетейя, 1998.

Одна из особенностей нынешней безымянной войны — отсутствие внятной артикуляции. Как священнослужитель могу свидетельствовать, что людей, помимо всего прочего, пугает идейная неоформленность происходящего здесь и сейчас, обращенность к прошлому при неочевидности целей настоящего. Отсутствие русского имени, выражающего суть происходящего.

Еще один из образцов негативного платонизма мы встречаем в программе Философского Собора. «Считаем, что назначение СВО заключается как раз в том, чтобы восстановить нормальный порядок вещей на том пространстве, которое исторически называется Малороссией» — отмечают организаторы Собора. Использование имени «Малороссия», так же, как и отказ в существовании отдельного украинского народа, отдельного украинского языка, отличающий немалое число русских патриотов, — результат следования логике мифа. Если история не повторяется, не воспроизводится, как в мифе, а длится, как в христианском мировоззрении, исторически это пространство называется «Украиной», существует украинский язык и украинский народ.

Как советский человек, воспитанный в сознании принадлежности к украинскому народу, не могу не напомнить о том, что украинская идентичность возникла не в результате распада СССР. Так, например, профессор П. В. Верховский в своих воспоминаниях об отце Василии Зеньковском отмечает: «По самосознанию он был русским украинцем, т.е. считая себя украинцем, он в самом украинском народе видел ветвь и неотъемлемую часть русского народа. Враждебное противопоставление русского украинскому было ему совершенно чуждо». (Подобную позицию занимал и Дмитрий Чижевский).

Разговоры о несуществующей Украине, несуществующем украинском языке типически воспроизводят разговор

о былых правах Константинополя. И в одном, и в другом случае мифы о прошлом восстают против реальности, живой жизни, истории.

Готовы ли мы допустить, что отрицание Украины и украинского является политическим вариантом ереси арианства, искажением православной политической триадологии? Если в богословии внутритроичных отношений недопустимы идеи о неравенстве Ипостасей и сомнительны идеи о «низшей божественности», то в политической теологии столь же уязвимы декларации о младших братьях и несуществующих языках.

Греческое высокомерие уже нарушило единство византийского содружества наций. К сожалению, Третий Рим во многом следует логике Рима Второго. Любовь предполагает вечно актуальную необходимость в Другом. Для того, чтобы быть вместе, необходима любящая воля к единству. Для того, чтобы «великое исправление имен» стало русским, оно должно начаться в России. Первопрестольные высокомерие и безразличие, псевдоимперская украинофобия — верный путь к тому, чтобы и Третий Рим, подобно своему предшественнику, стал мифологическим, несуществующим городом.

Сюндюков
Никита Кириллович
философ, преподаватель,
исследователь Ф. М. Достоевского

РУССКАЯ ПУСТОТА, ИЛИ К ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМУ ПОНИМАНИЮ ИСТОРИИ

Моя тема будет сосредоточена на неожиданных трансформациях, переменах, которыми так богата русская история. На причинах их возможности.

Эти перемены обескураживают, они выходят за пределы нашей повседневности. Инициатором же подобных событий, которые срывали привычный, блеклый порядок истории, ее плавную, буржуазную, покойную последовательность, чаще всего выступал именно русский народ. *Народ-бунтарь. Народ, остановивший нашествие монголов на Запад. Прервавший прогрессивно-просветительский проект Наполеона. Не оставивший камня на камне от нацистской идеологии Третьего рейха. Народ, который сегодня стоит на передовой борьбы с новым витком западного тоталитарного проекта — англо-саксонским глобализмом*. Мне бы хотелось приглядеться, почему так происходило и происходит.

Русская философия всегда была связана с историософией, осмыслением русской истории. Здесь можно брать разные точки отсчета: можно идти от доктрины Москва — Третий Рим, от спора иосифлян и заволжских старцев. Но чаще русскую историософию связывают с именем Чаадаева. Вне России, её истории Чаадаев не представлял себе собственную

философию. Он не мог философствовать абстрактно, просто о какой-то абстрактной истории или абстрактной действительности. Его философская мысль всегда была о России.

В центре историософской проблематики Петра Яковлевича стоит проблема ничтойности — не ничтожества! — России, за что его очень любят либералы и за что его клянут консерваторы и фундаменталисты. Не понимают Чаадаева, однако, ни те, ни другие.

Чаадаев со всей определенностью, твердостью, дерзостью сказал, что русская история представляет собой ничто. Пустое пространство. К началу XIX века мы ничего не привнесли на мировую арену, у нас нет никаких заслуг ни в науке, ни в культуре, ни в политике. Мы народ-кочевник. Мы не знаем, что такое «свое». Мы не можем никуда прилепиться. Мы буквально ноль в мировой истории. Мы не принадлежим к историческим нациям. Один из аргументов Чаадаева в пользу такого описания России: у нас и лица выражают это ничто, и наша история выражает это ничто, политика, культура все закручено вокруг отсутствия самого себя.

Чаадаев утверждает: западный силлогизм нам не знаком. Что это означает? *То, что Россия не подвержена рационализации*. Мы не можем последовательно, по цепочке причинно-следственных связей выстраивать свою политику. У нас все нахрапом, наскоком. Мы хаотично движемся и в виду того, что у нас отсутствует четкая преемственность, четкая линия, мы не можем к чему-то толковому прийти. Наша история — это лебедь, рак и щука.

Западный силлогизм нам не знаком. Что еще это означает? Россия — не страна модерна. Мы не пришли к пониманию себя как рационального агента, как классического субъекта. В России не случился модерн, Россия миновала эту прогрессистскую схему. Мы выпадаем из линейной логики западной цивилизации. Но на этой линейной логике и держится бытие, по крайней мере в том рациональном

смысле, как оно описывается на западе. Вынь эту линейную логику, эту последовательность, эти причинно-следственные связи, и конструкция бытия в большинстве своих случаев в западной мысли распадается.

Поэтому, собственно, мы и ничто. Но только из ничто может произойти все.

Бытие определено, бытие замкнуто, в бытие уже все есть. Здесь эта линейная логика уже расчерчена, продуман распорядок действий и нет назад пути. В бытии невозможно творчество — в том числе творчество историческое.

В русском ничто, в нашей русской пустоте возможно все.

И в этом смысле русское ничто может постоянно перегонять любые рассудочные схемы действования. И здесь — тот поворот мысли, который мы должны осуществить в отношении Чаадаева. Оказывается, ничто — отнюдь не негативная характеристика. Только в ничто возможна подлинная свобода, подлинное действование, не ограниченное субъективизмом западной рациональной мысли.

Эта возможность вырваться за пределы причинно-следственной связи обосновывалась другим русским мыслителем, отцом Павлом Флоренским. У Флоренского есть такая замечательная концепция, которую он позаимствовал из математики — концепция прерывности. Что такое прерывность? Это борьба против детерминизма и причинно-следственных связей. В современной философии есть прямо противоположное понятие — каузальная замкнутость. Мир нужно объяснять исходя, из него самого, исходя из тех законов, которые работают исключительно в пределах этого мира. Когда мы пытаемся вырваться за пределы каузальной замкнутости, оперируем трансцендентным, мы совершаем нелегитимное действие. Мы выходим за пределы познаваемого. Это невозможно.

Для Флоренского такая логика чревата нигилизмом и позитивизмом. Поэтому он вводит понятие прерывно-

сти. В какой-то момент происходит разрыв естественных причинно-следственных связей, исторических, политических, экономических, каких угодно. Происходит разрыв и вносится нечто новое. Для Флоренского это действование Бога — чудо. Проявление трансцендентного в имманентном. Вечного во временном.

В этом смысле русский народ действительно — народ-богоносец, через него действует Бог, через него прорывается каузальная замкнутость модернистского процесса. Мы можем изменять ход истории, мы можем поворачивать его в то русло, в которое он должен быть повернут согласно провидению Бога. Вне этого прорыва история будет развиваться, как западный силлогизм, по очерченным западными интеллектуалами схемам. Как только мы вносим эту прерывность, как только мы говорим, что возможно чудо, возможен разрыв каузальной логики, тогда мы оказываемся в полной неизвестности. Мы всё отдаем во власть Бога.

Взаимосвязь прорыва и Бога, которая происходит в России, возможна благодаря ничтойности нашей страны. Чувствуя это свойство русской истории, русские мыслители каждый по-своему вводят свою интуицию в разные концепции. Например, Виссарион Григорьевич Белинский говорит о прерывности русской истории и ее непоследовательности, неверифицируемости со стороны рассудка. Он пишет: «Мы вдруг переживаем все моменты европейской жизни, которые на Западе развивались последовательно». То есть та история, которая проходит по цепочке причинно-следственных связей, у нас вдруг смыкается на самой себе. Причина и следствие идут одновременно, что невозможно в классической рациональной логике. Или вот как о том же самом рассуждает Федор Михайлович Достоевский:

«Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики. Мой идеализм реальнее ихнего. Господи! Порассказать толково, что

мы все, русские, пережили в последние 10 лет в нашем духовном развитии, — да разве не закричат реалисты, что это фантазия! А между тем это исконный, настоящий реализм! Это-то и есть реализм, только глубже, а у них мелко плавает».

А что это за настоящий реализм? Это тот реализм, который учитывает прерывность, возможность вмешательства Бога в последовательность истории. Западный же силлогизм говорит об обратном: нет ничего, что происходило без достаточных на то оснований.
Есть. Русская история.

Еще одна цитата уже советского философа, культуролога Георгия Гачева: «Толстой разоблачает уродливые плоды просвещения с позиции патриархального крестьянства. Горький на первом съезде советских писателей показывает, что устное творчество народа создало такие художественные идеи, образы и формы, до высоты которых уже не могла подняться культура классового общества». Здесь отмечу, что согласно классической марксистской логике, патриархальный народный быт по своему культурному содержанию гораздо ниже, чем быт буржуазный, а буржуазный быт гораздо ниже, чем быт коммунистический. Гачев показывает, что напротив, народные художественные идеи могут быть выше, сложнее, умнее идей, которые создаются в культуре классового общества.

Еще один термин, в котором формулируется это обстоятельство, это свойство русской истории — «преимущество отставания». Самое известное его выражение: долго запрягаем да быстро едем.

И здесь стоит упомянуть о проблеме ускорения. Проблема ускорения лежит в основании классической философии. Все помнят Парменида и его ученика Зенона, который формулировал загадочную апорию Ахиллеса и черепахи.

Когда мы смотрим на Ахиллеса рассудочным образом, анализируя его ход, то оказывается, что он вообще не движется, а движется только черепаха. Это возникает как раз благодаря проблеме ускорения. Когда мы начинаем смотреть на ускорение с помощью рационального аппарата, оно исчезает, либо же превращается в замедление. Здесь такие сообщающиеся сосуды.

Соответственно, если мы замедляемся, то это же позволяет нам ускоряться. Знаменитый тезис Леонтьева о том, что Россию следует подморозить; парадоксально, но он как раз о том, что на самом деле русское общество следует ускорить.

И сейчас мы выступаем как катехон, вроде как замораживая европейский прогресс, на самом же деле его ускоряя. Как именно? Мы ускоряемся к Апокалипсису. Очевидно, что агентом Апокалипсиса являются западные страны, которые пытаются расчеловечить человека, сделать из него не человека, а машину, отказаться и от человеческого, и от божественного в человеке. Западный прогресс, понятый также рассудочно, является в строгом смысле человекобожием. Замедляя процесс человекобожия, мы ускоряем процесс богочеловечества.

Но это обратные по отношению друг к другу термины! Чем больше человекобожия, тем больше богочеловечества. Приближаясь к Апокалипсису человекобожия, мы в то же время приближаемся к богочеловечеству, потому что подлинное богочеловечество станет возможным только после Апокалипсиса. В этом смысле катехон как замедляет Апокалипсис, так его и ускоряет.

Бытие возможно только будучи противоположным небытию. Созидая внутреннюю святость, мы как спасаем от Апокалипсиса самих себя, так и приближаем его для всех остальных. Потому что, видя это внутреннее созидание, внутреннее сосредоточение русских, дьявол наступает еще яростнее, еще агрессивнее, еще быстрее. В этом смысле за-

медление и ускорение, свойственное русской истории, необходимо рассмотреть в парадоксалистском ключе, антиномичном ключе.

Есть такой замечательный американский протестантский теолог, работающий в направлении теологии смерти Бога или христианском атеизме, Томас Альтицер. Он в своей книге «Теология смерти Бога» написал, что Апокалипсис уже произошел. И произошел он в России в 1917 году. Потому что это крайняя точка напряжения нигилизма, которой ранее не было в истории.

В России в 1917 году нигилизм достиг своей последней стадии. Действительно, радикально-социалистические идеологии русской интеллигенции все выросли из нигилизма, из идеологии отрицания. В этом смысле мы дошли до последнего момента отрицания, до последней стадии небытия внутри самих себя. Апокалипсис случился. Но будучи свидетелями этого Апокалипсиса, будучи носителями его генетического кода, мы теперь можем ему противостоять. Пережив Апокалипсис, ощутив его, восприняв его, мы его затормаживаем для всего остального мира, и здесь работает ускорение-замедление, которое возможно в парадигме ничтойности.

Тезис Чаадаева нуждается в радикальном пересмотре. Как Маркс перевернул Гегеля, так и мы должны перевернуть Чаадаева и увидеть в его критике ничтойности и критике России на самом деле ее апологию.

Бовдунов
Александр Леонидович
политолог, кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела геополитики Института Царьграда
член «Международного евразийского движения»

АПРОПРИАЦИЯ «МОВЫ»: ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ С УКРАИНСКИМ ЯЗЫКОМ?

Эту статью я хотел написать сразу после лекции Дарьи Дугиной о «Метафизике фронтира», обсудить с ней вопрос ее отношения к принципу «забираем мову» — возможности и необходимости апроприации украинского языка в ходе специальной военной операции на Украине. Дарья на лекции в лагере ЕСМ выступила с имперских позиций: нужно не пренебрегать украинским языком, не исключать его, а включать в имперский контекст. У меня сразу же возник ряд соображений, но детально оговорить тему мы не смогли. Террористический акт оборвал жизнь Дарьи. Однако в последнее время этот вопрос вновь обсуждается. Поэтому имеет смысл высказаться относительно «мовы» и того, что мы в ней «забираем».

Нельзя просто так взять и бездумно «забрать мову» как она есть. «Мова» сейчас — это не «язык южных сел», не народное наречие, мы живем не во времена Ивана Котляревского. Вот уже как полтора столетия, как минимум, «мова» — интеллигентский националистический конструкт. При оформлении его литературной нормы одним из ба-

зовых принципов было создание «идиома», максимально непохожего на общерусский язык, с целью выделения части населения и территории восточнославянского (русского) диалектного континуума в противостоящий России геополитический проект. К такому «языку» прилагается соответствующая культурная традиция, которую при апроприации так просто не выкинешь и базовая идея которой: «Украина — не Россия».

То есть, критиковать русский национализм с евразийских позиций, и одновременно принимать националистический конструкт современного «украинского языка» и оформленную вокруг него идентичность — и не последовательность, и ошибка. Проглатывая «мову» «как она есть» с учебниками украинского языка и всей существующей литературной традицией, с тысячами написанных на этом языке текстов и тысячами, которые еще будут написаны, мы проглатываем украинский национализм и закладываем новую бомбу под фундамент державы.

Русский язык, кстати, — это не националистический конструкт великороссов, а продукт общего имперского творчества.

Современная русская культура и язык — во многом продукт именно западнорусской традиции, что отмечал еще Н. С. Трубецкой. Поэтому для Украины он не чужой, а также свой. Казалось бы, стоит совсем отказаться от «украинского» и придерживаться общерусской нормы. Выход найден.

Действительно, полное отвержение «украинского» во всех его формах кажется простым выходом, особенно если целью ставится создание русского национального государства. И это реализуемо. Проблема в том, что такие языковые репрессии, наделение украинского статусом языка-мученика, запретного плода, даст лишь обратный эффект.

А именно — подтолкнет процесс отказа от русского по ту сторону фронта, подвижный фронтир расширяющейся русской империи превратится в лимес, статичную границу, а украинский националистический проект получит новый стимул.

Выходом может быть лишь деактивация «украинской бомбы», которая требует работы журналистов, литераторов, филологов, лингвистов, историков, культурологов и философов. Цель — деконструкция «мовы» и всего, что с ней связано. Украинская идентичность, как она формировалась в «национальных кругах», в контексте сформированной националистами и закрепленной большевиками культуры, например, литературный канон (авторы и произведения, их подбор и трактовка), сам литературный язык, который заменил реальные народные говоры, были инструментом нахождения, подчеркивания и закрепления расхождений с остальной частью русского, восточнославянского культурного пространства с вполне понятными политическими и геополитическими целями. Всю эту работу надобно вскрыть, расчистив от националистических наслоений и советских штампов сознание как малороссов, так и великороссов. И тогда, когда мы дойдем до условного «материка» в этой археологии знания, можно осуществить идеал евразийца Г. В. Вернадского — «добровольного и единодушного «единения», признания каждым из двух народов ценности и свободы не только культуры своей, но и культуры другого, взаимного уважения и взаимного интереса».

Также необходимы коммуникативные стратегии, которые бы позволили сочетать стремление к разнообразию и отражению богатства народного этнического базиса в Великороссии ли, в Малороссии ли, и одновременно нацеленность на создание новой общерусской, понятной всем культуры, героической культуры Бронзового века, приходящего

в сполохах войны на смену Золотому и Серебряному векам русской культуры.

Миссия Украины — быть, как отмечал Н. С. Трубецкой, особой украинской (малороссийской, русинской) индивидуацией[43] общерусской культуры, выражать те особенности русского, которые менее ярко заметны в других его индивидуациях.

Как минимум, необходимо отказаться от пренебрежительного отношения к разговорной народной речи великороссийского-малороссийского континуума как к «суржику», то есть смеси «русского» и некоего чистого «украинского». На нем можно хоть песни петь, хоть программы запускать, главное оспорить направленную на раскол имперского пространства «норму» и «канон». Народная речь есть, она живая, а вот украинская «литературная норма» — это апостериорное выборочное и ангажированное обобщение, навязываемое через государственные институты.

Раз разговор идет о народной речи, то стоит и отказаться от обязательного изучения «украинского», то есть замены народного языка националистическим конструктом, в школах на освобожденных территориях. Речи, на которой и так говорят дома, не нужны учебники. Кто хочет, тот пусть учится по денационализированным учебникам малороссийского (украинского) наречия с текстами Акима Апачева и Дмитрия Вергуна. В этом же контексте важна популяризация концептов «Малороссии», русинства. Истории Украины как предмета тоже не надо, как минимум, пока мы не окажемся именно на территории Малороссии. Пока освобожденные территории — как Донбасс, так и Херсонщина и Запорожье — это Новороссия, край особой русской судьбы, который осваивали и развивали все три ветви русского народа и множество этносов, оказавшихся в орбите русского

[43] Процесс формирования человека как целостной личности.

культурного пространства. Новороссия имеет право на возрождение своей идентичности и свою историю, не меньше, чем Малороссия.

Использование украинской речи в культуре без оглядки на какую-то «норму» могло бы быть одним из путей ухода от националистического и постсоветского «канонов» украинского языка и культуры. Сближение, постепенное, где это оправданно, этой речи с общерусской (вымывание полонизмов и т.п., где существуют общерусские эквиваленты). И напротив, апроприация каких-то удачных слов и оборотов из украинского в общерусский языковой контекст могла бы только обогатить русскую культуру и язык. С той стороной можно и нужно говорить и на их языке, обращаясь к знаковым для них образам, но именно так, как это делает Аким Апачев, разрывая шаблоны: сам язык, который превращали в инструмент против русских, становится инструментом русских.

Война — это еще и форма коммуникации с врагами. Они хотят забыть, что они русские и имперские, но империя к ним приходит и через перекодирование «украинских» образов, и через их язык.

Нужна работа лингвистов и философов в направлении изучения общего, примордиального протофилософского «базиса» восточных славян, их, говоря языком М. Хайдеггера, «онтики» — через изучение языков, диалектов, компаративистику, исследование литературных памятников, продолжение линии Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова («Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов», «Славянские языковые моделирующие семиотические системы»), В. В. Колесова («Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека») и т.п. Отталкиваясь от этого, можно выстраивать и совершенно

новую, в том числе и политическую, «онтологию». Это хайдеггерианский, имманентистский путь к единству, обращенный к Земле, к народной, во многом архаичной экзистенции.

Другой путь нахождения единого семантического пространства, которое бы сближало великороссов, малороссов и белорусов, без ликвидации этнического своеобразия, можно назвать вертикальным или платоническим в духе первых гипотез платоновского «Парменида» о сочетании единого и многого. Он лежит буквально в обращении к Небу — Православию, общим святым и единому сакральному языку — церковнославянскому. Если украинскому учить необязательно, то церковнославянский — другое дело. В рамках традиционалистской утопии можно было бы предложить сделать церковнославянский государственным языком новой Империи. В конечном счете, о том, о чем нельзя говорить на языке, созданном для трансляции Евангелия и христианского богословия, можно и помолчать.

Дзермант
Алексей Валерьевич
Философ-евразиец, политолог,
директор Центра изучения и развития
континентальной интеграции «Северная Евразия»

ВОЕННАЯ СПЕЦОПЕРАЦИЯ РОССИИ НА УКРАИНЕ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

На мой взгляд, та спецоперация, которую Россия сейчас проводит на территории Украины, сопоставима с теми эпохальными событиями, которые разные исследователи называют либо разрывами, либо прорывами, революционными свершениями, обозначающими эпохальные повороты в русской истории. Каждый из этих поворотов имеет определенную терминологическую фиксацию.

Возникновение древнерусского государства, время до монгольского нашествия и после него — это период Святой Руси. Тогда формируются основные идеологемы, связанные с принятием православия, распространением русской идентичности, её осмыслением книжными людьми, людьми власти, простыми людьми. Тогда формируются основные элементы Русской земли: ее священство, царство и земство.

После этого наступает эпоха Москвы, как Третьего Рима. В это время Москва ощущает себя царством действительно православным, ковчегом внутри враждебного внешнего мира. Когда вокруг католики, исламские государства — Москва становится путеводной звездой для всех православных.

Затем, с началом эпохи Петра и основанием Санкт-Петербурга, наступает своего рода вестернизированная форма русской государственности, известной как Российская Империя.

В семнадцатом году наступает следующий этап, следующий разрыв или прорыв. Советский Союз, красный мессианский проект, который должен был распространиться на всю планету. Высшая точка этого проекта — выход русского человека за пределы Земли, реализация идей космизма, которые были изложены в русской философии еще в XIX веке Николаем Федоровым, в начале XX века Константином Циолковским, но были реализованы только во второй половине XX века советским строем.

На мой взгляд, 24 февраля 2022 года обозначает примерно такую же веху в становлении русской государственности. Не знаю, как будет называться эта эпоха. Точно не Советским Союзом. Будут востребованы какие-то иные термины, иные слова. Мы должны понимать, что это не просто восстановление утраченных земель. Это заявка на глобальное переустройство. Такое переустройство, из которого радикально не преобразившись не выйдут не только Россия и ее союзники, но и весь мир.

Понимает это высшее политическое руководство и большинство населения России или нет, но на мой взгляд, это так.

Задача философов осмыслить эпохальный и глобальный масштаб происходящего. Историческая, большая, многогранная Россия выйдет из всего этого в каком-то совершенно новом качестве и то, что сейчас происходит на территории бывшей Украины — борьба за приобретение этого качества.

Территориальные приобретения изменят геополитику России. Южные и приморские земли дадут определен-

ную мощь. То же самое произойдет в демографии. Десяток, полтора десятка миллионов человек, русских по культуре, языку (да, где-то одурманенных и еще не прозревших) дадут серьезный прирост. В интеллектуальной сфере из этой глобальной войны и спецоперации появятся новые мыслители, которые придумают новые термины для этой эпохи, новый язык будущего.

Импульс, который Россия получит в результате успешного завершения спецоперации, преобразит страну. Россия будет не просто разбираться с западными границами, с Украиной, с какими-то локальными конфликтами на западе, но вернется, в великодержавном качестве, в целом в Евразию. Россия будет решать проблемы для себя и своих союзников и в Центральной Азии, и по всему западному фронту, и с Турцией, и с Ираном. Будет совершенно другая Россия.

Для нас, как для философов, где-то теоретиков, где-то практиков, стоит задача думать над этим языком будущего. Да, термины Святая Русь, Москва Третий Рим, Российская Империя, Красная Империя, Советский Союз — прекрасны, но, к сожалению, они все из прошлого. Новая эпоха неизбежно будет рождать новые термины и новые образы. Сейчас, при помощи нашей философской интуиции, можно попытаться уловить эти образы и слова и увидеть, что Россия неизбежно вернется в великую Историю. Она расширит свои границы и выйдет за традиционный ареал Российской Империи и Советского Союза.

Мы можем представить, что будет серьезное взаимодействие с Ираном. Возможно, будет союз этих двух миров: Русского и Персидского. Мы пока не знаем, как поведет себя Турция и что будет с ней. Пока удерживается баланс в отношениях. Турки балансируют между своими амбициями, между западными проектами и, в каком-то смысле, даже евразийской ориентацией, собственной, конечно, но она может быть комплементарна нашей. Мы видим, что скла-

дывается ситуационный союз с Китаем и придется с ним серьезно взаимодействовать.

В этом, не западном мире, у России будет очень важная функция. Функция своего рода изобретателя и практического воплотителя нового типа отношений, нового типа языка между народами. В Евразии между тюркским, персидским, китайским, индийским мирами понадобится какой-то балансир, которому все эти огромные миры будут доверять. Лучше, чем Россия, с этим никто не может справиться, т.к. сейчас мы наблюдаем полное банкротство Запада: и финансовое, и политическое, и ценностное.

К Западу полностью утрачивается доверие. Все видят, что Запад не принес благосостояние, Запад лицемерен, обманчив. Это действительно империя лжи, царство лжи, прибежище лжи. В мире видят, что Запад утрачивает свое моральное право кому-то, что-то диктовать.

Появляется разносторонний многополярный мир, где у России должна быть функция Катехона, функция балансира, необходимого коммуникатора и переводчика с различных языков цивилизаций, на некий универсальный язык. Она появилась не сейчас и берёт своё начало с зарождения Руси как цивилизации, но действительно проявилась за последние сто пятьдесят лет. Функция создания и выражения действительно всемирных общечеловеческих смыслов. Я не зря вспоминал Фёдорова с его космизмом и не зря сказал, что эти идеи были воплощены в советском проекте. Тот, кто возглавит путь человечества куда-то дальше за горизонт, за пределы и тот, кто продумает, как это сделать, формулу взаимодействия с другими цивилизациями, тот и будет лидером ближайшего времени, ближайшего столетия. Конечно, лучше русской цивилизации, русской мысли этого сделать

никто не сможет. Хотя бы потому, что у нас это уже получалось.

Да, были ошибки, которые привели к краху прежних форм нашей цивилизации, нашей государственности. Но это не значит, что все оттуда надо откинуть. Конечно же, нет. Были очень серьезные достижения, такие как Победа над абсолютным злом нацизма. Сейчас приходится повторять, по сути, ту же самую процедуру. Снова уничтожать это зло, этот вирус, постоянно присутствующий в Западе и в том числе в части нашей цивилизации, которая непосредственно примыкает к Западу.

Нужно будет повторить некий рывок свершения, который, например, в советское время, воплощался в покорении космоса. Этот космос может быть разный. Необязательно новый выход за пределы земли на новой технологической платформе. Может быть, психологический выход. Возможно, через свою русскую мысль, через ее полет и присоединение к ней мыслей близких нам народов и цивилизаций, мы откроем внутренний космос в человеке. Который преобразит нашу психологическую, а может быть затем и соматическую природу.

Этот прорыв является чем-то действительно ценным в русской цивилизации, в русской мысли и этого, кстати, очень не хватает украинцам. Все их мысли о будущем сформированы в русских философских школах. Это либо методологи, либо марксизм, либо перепевки, через русскую мысль, западных правых мыслителей. Они вторичны. Мыслей о будущем, проектов будущего на Украине нет. Они просто безоглядно принимают определенные западные ценности, верят в них. Это значит они отказываются от своего духовного и интеллектуального суверенитета. Значит, они, в принципе, проиграют, т.к. у них нет этого оружия, а в Русской культуре, в Русской цивилизации это есть. Просто сейчас нам нужно действительно подняться над горизонтом акту-

альной войны, понимая, что война ведется именно за это, за будущее.

Я уверен, спецоперация — это глобальная война и она даст импульс свежей крови и мысли нашей культуре. Появятся новые образы, новые термины, новые слова, которые будут описывать наше движение вперед, к будущему. В этом и есть смысл этого назревшего противостояния. Дальше уже нельзя было терпеть, и сейчас этот прорыв, рывок совершается на наших глазах. Пусть трагично, но тем не менее с каким-то очищающим смыслом и значением.

Эрвье
Глеб Александрович
Философ, военкор

СВО КАК ВОЛЕВОЙ ТРАНЗИТ К НОВОМУ МИРОПОРЯДКУ

Честно говоря, на Донбасс ехать не хотелось. Долгое время после 2014 года я не понимал зачем мы в это влезли, мучения народа были где-то далеко (жил в Сибири) и вообще страдал распространенным букетом оппозиционных клише, стремительно заполнявшей вакуум отечественных смыслов.

Позже это улеглось, я принял внутренний нейтралитет и спокойно занимался своими делами — творчеством и философией. Поэтому забавно, что концепция, объясняющая смысл СВО и вообще Русской весны, была сформулирована как раз в период отрицания. Один из основных тезисов был найден во время подготовки к дебатам с одним молодым либертарианцем, любившим громкие лозунги о безграничной свободе индивида, невмешательстве государства в жизнь граждан и прочей предпринимательской романтике. За что ему, безусловно, огромное спасибо. Тогда его удалось разделать под орех следующей простой мыслью: одной из основных задач политики будущего является выживание человечества.

Ведь, сравнивая отношения государств после религиозных войн в Европе и до окончания Второй Мировой с тем, что было далее, сложно не заметить главное различие — появление множества проблем глобального характера. Того, что не было актуально на иных уровнях развития техники, но в полный рост встало над горизонтом уже второй половины

XX-го века, не говоря о веке XXI-ом. Это и стремительное ухудшение экологической обстановки, и появление оружия массового уничтожения, и выход на сцену глобальных информационных сетей, способных «заражать» людей идеями в духе ИГИЛ.

Не меньшей бедой стали очевидные ограничения роста рынков, на которых держатся капиталистические системы. В мире, где все уже поделено, расширение рынка, конечно, возможно за счет развития высоких технологий производства, но вот незадача: они, зачастую, привязаны к невосполнимым запасам ресурсов, весьма неравномерно размазанных по планете Земля. В таких условиях легко разгораются военные конфликты между крупными игроками, которые, на фоне имеющихся вариантов уничтожения врага, могут спровоцировать новую мировую бойню без победителей. Сомневающимся советую обратиться к опыту Первой мировой войны и ее очевидцев. То, что казалось европейским элитам легкой прогулкой, военной игрой, способной быстро добиться намеченных планов, списать излишки, раздуть военный сектор и т.д., закончилось катастрофой и распадом четырех империй (каждая из которых ну никак не собиралась до этого доводить). Все потому, что люди азартны и любят игры, а в игре есть доля риска. Просчитать тысячи переменных никому не представляется возможным и помимо аналитики всегда присутствует фактор удачи, надежды на фарт, дерзость и мастерство.

Совокупность этих обстоятельств, которые рискуют стать совокупностью катастроф, намекает нам на то, что:

а) политическим блокам/государствам/крупным игрокам рынка требуется договариваться между собой по вопросам коллективной безопасности от общих угроз;

б) войны, коль скоро мы, человечество, не в силах от них пока избавиться, обязаны быть локализованы в наименьших

пределах и иметь жесткое правовое регулирование со стороны мирового сообщества;

в) должно вообще появиться это самое «мировое сообщество» в лице реального органа власти.

И действительно. В ответ на новые общечеловеческие вызовы появилась Организация Объединенных Наций (1945), а также институты международного наднационального регулирования. Например, ЕОУС — Европейское объединение угля и стали (1952), связавшее профильные экономики шести европейских государств, главным образом для того, чтобы исключить военный конфликт между Францией и Германией. Опыт как США, так и СССР уже убедительно показывал к тому времени, что включение политических субъектов в систему общего административно-экономического устройства прекрасно защищает от прямых столкновений и укрепляет добрососедские отношения. Для регулирования использования атомной энергии в мирных целях при ООН появляется МАГАТЭ, или Международное агентство по атомной энергии (1957) и ДНЯО, или Договор о нераспространении ядерного оружия(1968).

Развитие транспортного сообщения и увеличение рисков развития глобальных эпидемий привело к появлению Всемирной организации здравоохранения (1948). Был создан ряд блоков экономико-политического свойства, таких как Евросоюз (1993), Шанхайская организация сотрудничества (2001), БРИКС (2006) и многие другие.

Казалось бы, подобная заинтересованность человечества в недопущении великих катастроф должна была свести их риски к минимуму, однако, мы видим, как раз за разом игроки геополитики продолжают заигрывать с опасными материями... но не получают за это по рукам от соответствующих международных организаций. Разве ООН наказала США за бомбардировки Югославии или массу иных развязанных конфликтов? Рискну даже обозначить, что система между-

народного регулирования так и не заработала в контексте объемов, стоящих перед ней задач. В чем же дело?

На мой взгляд, основным является противоречие в целях между актуальным наднациональным регулированием и главенствующей до сих пор концепцией национального суверенитета. Он был зафиксирован как основа новой системы международных отношений еще в 1648 году при заключении Вестфальского мира с вполне конкретной и понятной целью: остановить кровопролитие религиозных войн в Европе. Ведь только Тридцатилетняя война унесла жизни около восьми миллионов человек. Национальный суверенитет утверждает, среди прочего, примат нации, как основы государственности, с приоритетом национальных интересов перед внешними и невмешательством наций во внутренние дела друг друга по моральным принципам. Например: по вопросам религиозных и моральных норм. Отношения между нациями предполагалось строить на принципах прагматического интереса, с позиции: «выгодно-не выгодно». Это, при формировании культурных канонов новой для человечества идентичности, породило интересный феномен национального эгоизма, доставшегося, впрочем, в наследство от эгоизмов родовых, племенных, по принадлежности к княжеству, языку, профессии и иных видов человеческой идентичности, которые нация смогла вобрать и подчинить. И огромное значение тут возымела культура (в узком смысле), создавшая яркие образы национального героя и гражданина, а также... национального врага. Приоритет национального интереса (эгоизма?) стал служить отличным обоснованием военных конфликтов, агрессии, порой принимая самые ужасные формы. После трагедии Второй Мировой Войны стало понятно, что суверенитет необходимо ограничить.

И, с одной стороны, движение к этому произошло, но старые принципы не были деконструированы и отправлены на свалку истории, несмотря на имеющуюся в них опасность.

Как бы ни были людям приятны идентичности, в которых они находят пути реализации, они, все же, являются не чем-то незыблемым, но инструментами, решающими в культуре две ее важнейшие задачи — выживание сообщества и придание смысла самому процессу выживания. Многим представителям древних племен явно не хотелось отказываться от условий своего компактного проживания и традиций, но условия жизни в итоге показали, что малое и хуже организованное погибает в конкурентной борьбе. Поэтому пришлось искать формальные признаки: язык, общих богов, территориальное соседство и пр., чтобы собираться в союзы племен, города-государства и иные более крупные формы уже со своими ролями и правилами, описанными уже в новых культурных канонах. Например, в мифах, песнях, преданиях, театре (обращаясь к опыту Древней Греции). Позже функцию проводников конкретных социальных игр стали выполнять книги, радио, фильмы и иное — транслирующие образы героев для подражания, в которых мы находим красоту и архетипические сюжеты, приложенные к нормам конкретной идентичности. И Геракл, и Брюс Виллис в роли «Крепкого орешка», и Данила, герой Сергея Бодрова в фильме «Брат» – безусловно являются воинами-искателями справедливости, но выражают себя в контексте того, как их авторы видели свою эпоху, ее нормы и возможности реализации. Игра в любимого героя для читателя/зрителя/слушателя здесь становится движением от его образа к подобию.

Речь не идет о том, что фанат Данилы обязательно начнет делать самопальный дробовик и убивать, но моральные качества персонажа вполне могут стать для него путеводной звездой. Вспомните сами, разве не задумывались вы в сложной ситуации: «А что бы сделал на моем месте такой-то?»

Обобщая вышеизложенное, мое утверждение состоит в том, что

если человечеству требуется новая внешнеполитическая система, эффективный контур безопасности против глобальных вызовов, то должен усиленно создаваться и новый культурный канон, герои которого (в разных сферах), будут ощущать себя, в первую очередь, людьми, представителями одного вида, имеющими общие интересы.

И это, возвращаясь к изначальной теме, точно не про национальные государства. Политический организм, озабоченный, в первую очередь, накоплением собственных благ, зачастую видит международные договоренности как неприятную тяготу, ущемляющую его интересы.

Отдельно стоит отметить, что в ситуации, когда субъектами международного права является 200+ участников, наладить работающую, как часы, систему не представляется возможным. На передний план неминуемо выходят экономические интересы и желание (а главное, возможность) смухлевать. Как в случае с Минскими соглашениями по Донбассу, которые, как выяснилось, и не собирались соблюдаться, но лишь давали время на подготовку к новой войне. Международные нормы перестают соблюдаться моментально, а «красные линии» нарушаются, когда крупные игроки видят возможность получения материальной выгоды. А главное, что обязательно находится малый игрок, слабое государство, чья элита ради удовлетворения уже своих личных потребностей будет готова играть на противоречиях между крупными центрами силы. Ценой за ошибку или даже вполне осознанной платой за богатство и власть тут может стать война на подконтрольной им территории. Они, как циничные арендаторы, предоставляют землю и «свое» население под площадку для столкновения больших интересов.

Естественно, я имею в виду современную Украину и конфликт, свидетелем и участником которого мне довелось стать. На войне мне открылось то, что, в целом и не

было спрятано. Маленькая страна, бывшая ранее частью большого пространства, близкая культурно и этнически России, стала ареной сражения с Западным блоком по вине украинской элиты, решившей проскочить жернова законов истории и вынести из этого дивиденды. Я не стану писать, что киевскими лидерами движут исключительно алчные мотивы. Напротив, полагаю, что часть вполне идейно мечтает о создании независимого национального государства и даже готова погибнуть за исполнение этой мечты. Но трагедия украинского сепаратизма в том, что поезд ушел. И дело даже не в том, что, обращаясь за помощью к блоку НАТО, Украина обрекает себя на зависимость. Ушел поезд национальных суверенитетов, которые по причинам, описанным выше, становятся крайне опасными для человечества в целом и потому должны быть пересмотрены в пользу коллективной ответственности за общий дом на планете Земля. Вряд ли кто-то будет спорить, что со времен Карибского кризиса мы были так близко к ядерной войне как сейчас.

Кажется несомненным, что для формирования нового контура мировой безопасности необходимо уменьшение количества самостоятельных субъектов. 40 или 30 государств, как будто, легче договорятся между собой чем 200+. Да и, как в случае с племенами, выжить в переделе мира, объединившись, гораздо легче. Подозреваю, что в дальнейшем мы увидим укрупнение уже наличных центров силы (Россия, Китай, США, Арабский мир и др.) до цивилизационных блоков, вбирающих в себя мелких соседей силой или добровольно (для тех кто не желает повторить судьбу Украины).

Специальная военная операция, при всей своей сложности и противоречиях, выполняет важнейшие функции — показывает неработоспособность системы мирового регулирования, рушит ее и требует новой. Требует так, что невозможно игнорировать. Специальная военная операция на Украине стала волевым транзитом к новому миропорядку.

Пытливый критик может задать справедливый вопрос: где гарантия, что, укрупнившись до нескольких цивилизационных блоков и не имея «серых зон» для решения конфликтов военным путем, условный Союз Африканских Народов не начнет новую мировую бойню с Паназией за контроль над месторождениями цветных металлов или, например, воды? Действительно, риски велики.

Как уже отмечалось, выживание как основная цель сообщества идет рука об руку со смыслами этого самого выживания. Причем реализация смысла может быть избыточной к выживанию. Иными словами, человек или целое сообщество могут пожертвовать своими жизнями в борьбе за идею, провозглашенную главным смыслом существования их идентичности. Поэтому крайне важно уже сейчас мыслить мир будущего, мир наших детей, внуков и далее не как мир постоянной тревоги и нового шовинизма. Нельзя допустить, чтобы национализм, обособленность и прагматика стали основаниями новых суперимперий и суперэкономик.

Уже сейчас необходимо выстраивать систему не чистой конкуренции блоков (от нее никуда не денешься), но сотрудничества с целью преодоления феномена войны, работы над общечеловеческими ценностями и, в еще более отдаленном будущем, создания единой политической семьи, объединенной общей целью. И целью этой может стать космос.

Космос как пространство для экспансии вовне, вместо передела имеющегося. Космос как пространство для соревнования, а не войны; как перенос борьбы внутривидовой на открытие и упорядочивание сопротивляющейся вселенной. Космос как сотворчество всех людей и Создателя, каким бы мы его ни представляли. Космос как тайна и достойная награда исследователю неизведанного.

Благо, все необходимое в русской культуре для этого уже есть, и мы можем предложить это миру, сообразуясь с объективными процессами и желаниями иных крупных

сил. Наряду с китайской концепцией «Единства судьбы человечества», акторы которой обеспокоены созданием и обеспечением нового контура безопасности, Россия имеет в своем арсенале философию русского космизма и интуиции мыслителей близких по духу — Бердяева, Соловьева и иных.

Важной особенностью такого стиля мышления о человечестве как о целом, несмотря на культурные и политические различия, является открытость диалогу и утверждение общности природы. Причем как у материалистов, так и у идеалистов. Действительно, мы обнаруживаем точки соприкосновения в самой природе психологических состояний, поиска смысла и этических учениях. У людей самых разных конфессий обнаруживается крайне схожее понимание блага и добродетелей (качеств) необходимых для достижения счастливой жизни, что убедительно показывают исследования Далсгаард/Петерсона/Селигмана.

И если нам удастся на основании этого общего упорядочить жизнь на планете, создать на ней космос, понимая его как порядок, противостоящий хаосу актуальной системы международных отношений, то и космос внешний станет нам подвластен для великих свершений. Тогда миры, описанные у великих советских фантастов, перестанут казаться утопией и станут нормой существования. И представители враждовавших некогда народов вместо убийства себе подобных на полях сражений будут составлять единые команды покорителей внеземелья, жертвующих собой на благо разумной жизни во вселенной. Тогда мы обязательно колонизируем планеты, полетим к звездам и будем с горечью вспоминать инферно прошлых веков.

Но чтобы это стало реальностью, продуктом осознанного сотворчества, за мечту необходимо сражаться. Так, в парадоксах и стальных грозах рождается открытый русский космос.

Арутюнов
Николай Владимирович
Социолог,
Руководитель Культурного Пространства «Солнце Севера»

ВСТРЕЧА В НОВОМ МЕСТЕ

Три идеологии эпохи модерна – либерализм, национализм (фашизм), коммунизм (социализм) – создали в XX веке пространство для политического самовыражения государств. При этом каждая из этих идеологий может быть разложена на составные элементы, идеологемы. Идеология соотносится с идеологемами как проект здания и его конструктивные элементы. Идеологемы – это и несущие конструкции, и детали фасада здания, служащие для украшения. Каждая идеология имеет как общий, так и свой собственный набор идеологем. Общие идеологемы — это свобода, справедливость и др., которые в своих рамках любая идеология будет трактовать положительно, исходя из своих установок. Так, свобода для либерализма — это свобода от коллективных идентичностей (концепт Дж. Милля), но для национализма это понимание свободы упирается в не снимаемую ценность государства-нации, а для коммунизма – в классовую теорию. В результате для либерализма субъектом истории является индивид (греч. «неделимый»), очищенный от «шелухи» всех возможных наслоений общегрупповых ценностей, для национализма — нация, для коммунизма — класс.

Однако сегодня мы находимся в ситуации, когда старые идеологические модели давно деформированы, но, как по накатанной, сохраняют влияние на умы большинства интел-

лектуалов в мире и России. Классическая для первой половины XX века схема правых идеологий выглядела следующим образом: капитализм (свободный рынок) + национальная культура, основанная на религии; и для левых идеологий: социально ориентированная экономика (план) + низложение традиционных ориентиров в культуре (эмансипация от буржуазных устоев).

В XXI веке в России данное противостояние левых и правых существует преимущественно на эстетическом уровне. Монархисты героизируют Колчака и Александра Третьего, коммунисты — Дзержинского и Сталина. Сейчас можно даже говорить об определенном сближении позиций: российские коммунисты признают за православием, как минимум культурологически, стержневую функцию в цивилизационном строительстве, выступают за сохранение традиционной русской культуры. Российские правые признают необходимость контроля крупных производств государством, выступают за социальные гарантии гражданам. Общим местом для патриотически настроенных интеллектуалов и пассионариев является защита традиционной семьи и российской государственности.

Настоящий же враг кроется для вышеобозначенных сил под маской либерализма. Именно под маской, так как это либерализм не классический, а такой, каким он стал в последние 30 лет, перейдя от позиции свободного рынка к рынку, на котором есть место только крупным игрокам, транснациональным компаниям, поглощающим средних и малых предпринимателей в любой стране мира; от модели доминации европоцентристской культуры «бремени белого человека» к идеологеме дивидуума, то есть человека как «делимой» до бесконечности сущности. Сущности с вариативным гендером в рамках все расширяющейся повестки ЛГБТ+, что на деле означает уничтожение традиционного антропологического типа как такого, расчеловечивание человека.

Россия как страна-цивилизация вбирает в себя живые соки сотен культур этносов, населяющих ее просторы. Россия будет всегда превышать любые идеологии и формулы, однако для совместной деятельности здоровых патриотических сил нужны новые смыслы и концепты, ведь новое вино нельзя вливать в старые меха. Необходимым шагом в этом направлении я считаю введение концепта «встреча в новом месте».

Встреча в новом месте — концепт, нацеленный на создание интеллектуального пространства, в котором представители различных политических взглядов могут сойтись для возвращения сути существующих понятий и категорий и выработки новых, основываясь на представлении о цельности российской истории, необходимости сохранения и развития российской государственности, а также традиционной многодетной семье как фундамента общества.

Важно, что СВО может рассматриваться как «встреча в новом месте» для российских левых и правых. Либералов — ни классических, ни нео — практически нет на фронте. Однако и монархисты, и сталинисты, верующие в Бога или в справедливость, бок о бок стоят на рубежах защиты Родины. Слава бойцам! Перед ними сейчас стоят задачи военные, от которых напрямую зависит наше будущее. Задача интеллектуалов в тылу — перейти от склок и ругани к осмыслению происходящих процессов как процессов обновительных, из которых должны выковаться новые смыслы и слова. Новый философский и концептуальный язык должен создать условия для наступления русского будущего. Убийства Д. Дугиной и М. Фомина (В. Татарского) указывают нам на то, что понятие тыла стало относительным. Требуется не только духовная мобилизация каждого интеллектуала, но и деятельная помощь фронту, выезды в земли, где идёт война,

для поиска и артикуляции новых слов в целях выстраивания архитектуры новой непротиворечивой идеологии.

Разъясним подробнее концепт «встреча в новом месте»:

1. В свете данного концепта употребление понятия «экономика Сталина» насторожит правого интеллектуала, но нейтральным и понятным именем будет «государственный контроль крупных предприятий и развитие сектора малого предпринимательства». То есть следует расшивать, детализировать устоявшиеся идеологемы для снятия противоречий между правыми и левыми.

2. Под цельностью российской истории следует понимать однозначную трактовку отечественной истории как непрерывного целого в различных государственных формах, с выделением положительных и отрицательных сторон, но без отрицания какого-то из периодов как ошибочного.

3. Сохранение и развитие российской государственности есть минимум, который служит водоразделом между здоровыми и разрушительными общественно-политическими силами в России. Представители любого политического фланга должны понимать, что уничтожение государственности и ее институтов повлечёт смерть для России как страны-цивилизации и катастрофу для этнокультурных идентичностей ее составляющих. 3.2. Не стоит забывать о двух этажах трактовки понятия «русский». Первая указывает на этнический уровень, здесь русский – это великоросс. Великороссы исторически составляют ядро русского народа. Второй этаж служит цивилизационной задаче, в рамках которой русский есть тот, кто говорит по-русски, интегрирован в русскую культуру и ощущает себя частью русского народа (суперэтноса в понятии Л.Н. Гумилева). При этом условием развития российской государственности всегда являлась возможность для человека сохранять идентичность и своего этноса. Возможно быть русским грузином, русским

бурятом и т.д., то есть быть частью русской цивилизации, но не забывать о своих этнических корнях .

4. Защита традиционной семьи сегодня является настоящей позиционной войной с глобалистским миропорядком, а точнее с идеологемой «дивидуума». Постчеловек-дивидуум даже если и создаст семью, то в ней не будет душевно здоровых детей. Традиционная многодетная семья — это уже контрнаступление российского общества на неолиберальное мироустройство. Дети из таких семей будут воспроизводить в будущем модель своей семьи, в которой они росли среди сестёр и братьев. Общество дивидуумов недолгосрочно, так как не может самовоспроизводится, кроме как привлекая новых членов в свою секту. Транслирование модели многодетности на примерах крепких семей через образование и СМИ, через фильмы и компьютерные игры позволит сделать многодетность привлекательной и даже революционной идеей. Ведь сегодня мейнстрим большого города, всегда выступающего ориентиром поведения для провинции, это быть чайлдфри и/ или сомневаться в собственном гендере. Вкупе с мерами господдержки семей и многодетности такой подход можно назвать консервативно-революционным. Он позволит преодолеть демографический кризис в обществе.

В связи с этим, считаю важным указать на проект «международный союз традиционных семей» как на простую, но действенную мягкую силу для России на международной арене. Конечно, данный концепт сначала должен быть на практике реализован в России: законодательно в федеральном масштабе для регионов с отрицательной рождаемостью следует ввести и реализовать широкие меры финансирования и социальной поддержки семей (по примеру Белгородской области), запретить аборты не по медицинским показаниям (сначала требуется убрать аборт из ОМС) и пр. После этого Россия будет иметь нравственное право создать проект «международный союз традиционных семей» с представи-

тельством в виде НКО в каждой стране для общественно-политической поддержки семей, состоящих из отца-мужчины и матери-женщины.

Люди, имеющие детей, в Европе сегодня зачастую не имеют защиты перед ЛГБТ+ повесткой, интегрированной в систему образования, науки, медицины. Так, в Париже 500-тысячный митинг против легализации однополых браков прошёл в 2014 году, но не привёл к блокированию закона. Классические родители смогут объединиться под юридической и культурной защитой России и будут являться нашими союзниками в дальнейшем. При этом люди, имеющие детей, с социологической точки зрения всегда будут общественно-активными, особенно в случае, когда требуется защита прав их семей. Нужно только протянуть им руку помощи, выступив на стороне правды.

Итак, Россия должна показать всему миру пример, наведя порядки во внутренней политике, соответствующие традиционному мировоззрению ее народа. Также как и преодоление мнимого раскола между левыми и правыми российскими интеллектуалами (через осознание общего врага, расшивку старых и создание новых понятий и категорий) позволит нам выступить с положительной концептуальной и проектной повесткой в международном формате.

Коробов-Латынцев
Андрей Юрьевич
философ, кандидат философских наук,
офицер Вооруженных Сил Донецкой Народной Республики,
начальник научно-исследовательского отдела
Донецкого высшего общевойскового командного училища

«ВЕЛИКОЕ РУССКОЕ ИСПРАВЛЕНИЕ ИМЕН»: БОРЬБА ЗА ОТКРЫТЫЙ РУССКИЙ КОСМОС И СТОЯНИЕ ЗА ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ДОВОДЫ

«Мы на чистом энтузиазме за онтологические доводы будем сражаться до последнего»

Эти слова произнес безымянный философ в балаклаве на подступах к Славянску в 2014 году, когда местные активисты (тогда еще даже не ополченцы) сдерживали голыми руками украинские вооруженные силы. Видео есть в интернете, можно посмотреть. Не знаю, остался ли в живых этот человек (если ты остался, дай знать), но он уже в 2014 годы обозначил ту бытийную сторону Донбасской войны, о которой спустя восемь лет, после 24 февраля 2022 года, все заговорили на центральных каналах.

Война на Донбассе (или Донбасская война, официального названия в нашей историографии пока, увы, нет, настолько на нее не обращали внимание) явила собой очередной виток столкновения целых цивилизаций: западной цивилизации, которая находит свое завершение в глобалистском проекте, и русской евразийской цивилизации (по выражению А.С.

Панарина, русской православной цивилизации, или Русского Міра).

Это противостояние – прежде всего, идейное. В действительности войны всегда начинаются из-за идей. Идеи, как говорил Лермонтов, создания органические, они стремятся к своей реализации. Кроме того, идеи состязаются. Они не существуют промеж собой в мире – они существуют в пространстве агона, палестры, вечного состязания. И если человек, являющийся носителем какой-либо идеи и готовый эту идею отстаивать, встретит другого такого же человека, но носителя иной, противоположной идеи, то между ними неизбежно произойдет конфликт. Вот онтологические основания войны. Войны существуют постольку, поскольку существуют идеи. Тезис «нет войне», если его переводить на философский язык, будет звучать как «нет идеям». Или «нет идей». Не знаю, как у некоторых моих коллег по «философскому цеху» язык поворачивается эти слова произнести, ведь с профессиональной философской точки зрения этот тезис абсолютно неприемлем, это все равно что собственноручно расписаться в собственной профнепригодности.

Идей нет там, где они закончились. Либо где победила какая-то одна идея. Но пока в нашей человеческой истории еще не победила одна какая-то идея. Продолжается никогда не прекращавшееся противостояние идей, столкновение целых цивилизаций (если употреблять термин С. Хантингтона). Поэтому идет война, поэтому продолжается история. Вопреки мечтаниям/пророчествам/прогнозам Ф. Фукуямы о «конце истории». Американского философа Фукуяму победил русский (кстати, родом из Донбасса, из Горловки) философ Александр Сергеевич Панарин, написавший книгу «Реванш истории».

История взяла реванш, и сейчас на Донбассе мы отчетливо ощущаем поступь мировой истории. Мы воюем за

историю, воюем за Победу. На самом деле, все новые войны против России ведутся против нашей старой, нашей вечной Победы, которая Западу не дает покоя.

Эта Победа встроена в нашу онтологическую систему координат. Это Победа бытийна – Победа бытия над небытием. Именно за это сейчас идет война – за наше бытие. В Донбассе это бытие за восемь лет невероятно сосредоточилось, сконцентрировалось. Потому что бытие, по Достоевскому, только тогда и есть по-настоящему, когда ему грозит небытие.

Мы сейчас отстаиваем свою собственную онтологию. И об этом было сказано в самом начале, в 2014 году, безымянным философом в балаклаве у баррикад на подступах к Славянску: «Мы на чистом энтузиазме за онтологические доводы здесь будем сражаться до последнего».

Начавшаяся Специальная военная операция, явившаяся логическим продолжением Донбасской войны, длящейся с 2014-го года по февраль 2022-го, представляет собой эпизод большой войны, целого столкновения цивилизаций, столкновения миросистем. Соответственно она имеет философский характер, у нее, как и вообще у почти всякой войны, философские основания.

Что из себя представляет СВО в философском смысле?

В философии конфуцианства есть такая реформа, которая называется «исправление имен». Суть этой реформы заключается в том, чтобы привести вещи в соответствие с тем, чем они должны быть. Вот, допустим, есть чиновник, государственный деятель. Он должен быть честным гражданином, патриотом своего государства, а он на самом деле мелкий взяточник и подлец, - значит, надо привести его в соответствие с его должным обликом. Или вот есть жена, которая, если следовать традиции, должна быть верной супругой, сподручницей и хранительницей домашнего очага, а она уходит в блуд. И так со всем. Конфуцианцы были

столько же философами, сколько и общественными деятелями, политиками, и даже их философские трактаты иной раз имели вид политических постановлений и резолюций, но понятие политики они расширяли с поистине философским размахом. И в результате их политическая реформа, названная «исправление имен», носила характер всеобщий, и в наше время мы едва ли бы решились назвать ее сугубо политической реформой, настолько она фундаментальна и радикальна по отношению к действительности.

Такова и развертывающаяся на наших глазах спецоперация по демилитаризации и денацификации Украины. Это наше великое русское, евразийское исправление имен. Она носит характер не только военный, но и характер мировоззренческий. Она обозначила фундаментальный поворот в нашем политическом сознании, в нашей аксиологической системе координат. Сейчас все вещи начинают занимать положенные им места.

В самом начале СВО наш Верховный Главнокомандующий заявил, что цель спецоперации состоит в том, чтобы вернуть Украину к истокам ее государственности. Т.е. к тому, какой Украина должна быть. Разумеется, если исходить из парадигмы русской цивилизации, Русского Міра. Если исходить из парадигмы западного глобализма, то Украина должна была стать (и почти уже стала) анти-Россией. Ну а для России Украина должна быть нашим добрым соседом, братом, частью большой евразийской цивилизации. Трагическое положение Украины, расположенной на окраине этой цивилизации, сейчас может быть преодолено, если исправление имен довести до конца.

А его нужно довести до конца. Без этой философской спецоперации народ Украины никогда не вернется к мирной нормальной жизни. Слишком долго на Украине извращались все имена, а стало быть, и все вещи, их нормальный порядок, их уклад. Теперь пришло время восстановить его, этот

порядок, что мы и делаем – делают русские войны вместе с войнами прочих наших народов (чеченцами, бурятами, башкирами, тувинцами и др.), делают наши журналисты, военкоры, волонтеры, гуманитарщики, ученые, музыканты и, конечно и прежде всего – философы. Ведь если исток войны – в столкновении идей, то, получается, что войны начинают философы. Кому же тогда их заканчивать?

Быть может, далеко не все понимают глубинную цель спецоперации, однако она, эта цель, объективно есть.

Нашему академическому философскому сообществу предстоит впереди серьезная работа, именно на ниве практической философии: политической философии, социальной философии, и прежде всего философии нравственной, т.е. собственно практической философии (ибо сам вопрос о войне – это вопрос, прежде всего, этический, а вовсе не сугубо политический, социальный или экономический).

Хочу напомнить своим коллегам из академического мира, что в Великую Отечественную войну советские философы активно включились в противостояние: сотрудники Института философии отправлялись на фронт добровольцами – и не только воевали (на земле, на море, в небе), но и проделывали важнейшую работу агитаторов, которые поднимали бойцов в атаку своим примером, вдохновляли их идейно, проводили лекции и т.д.

Со стороны нашей современной философии будет просто преступно сейчас никак не отреагировать на подобное событие, а тем более выступить против. Если философ выступает против философского мероприятия (каковым по сути и является наша спецоперация), то возникает резонный вопрос: а философ ли это вообще?

Хочу также напомнить коллегам слова Сократа (из платоновского диалога «Тимей»): «Что касается рода софистов, я, разумеется, всегда считал его весьма искушенным в составлении разнообразных речей и в других прекрасных вещах,

но из-за того, что эти софисты привыкли странствовать из города в город и нигде не заводят собственного дома, у меня есть подозрение, что им не под силу те дела и слова, которые свершили и сказали бы в обстоятельствах войны, сражений или переговоров как философы, так и государственные люди».

Итак, по Платону, философам «в обстоятельствах войны» должны принадлежать особые слова и дела (определенно, Платон не имеет в виду слова «нет войне»). Надеюсь, что наше академическое философское сообщество наконец выйдет из своих академических пещер в реальный мир, увидит глобальное противостояние, развертывающееся на наших глазах, и, по завету Платона, скажет свое особое слово и сделает свое особое, философское дело.

Ведь если Платон за нас, то кто против нас?

Сейчас русскому философу необходимо сделать невероятное усилие мысли, проявить то самое дерзание духа и духовную свободу, без которых немыслима подлинная философия. Необходима философская работа, которая будет называться «великое исправление имен». Спецоперация идет не только на территории Украины, в действительности она идет и на территории России, но в ней уже заложена заявка на то, чтобы она прошла по всему миру, который давно мечтает избавиться от диктата западного либерализма и глобализма.

СВО – это один из эпизодов (впрочем, один из важнейших) нового мирового конфликта, Четвертой мировой войны, которая уже идет и которую уже невозможно игнорировать, особенно для философов, которые занимаются полемосом профессионально, т.е. буквально имеют профессиональный интерес к войне.

Вместе с тем в локальном смысле, если брать бывшую Украину как один из театров военных действий Четвертой мировой войны, СВО – это логическое продолжение Донбас-

ской войны. Для многих наших граждан это неочевидно, для них война началась лишь 24 февраля 2022 года, вторглась в их жизнь, испугала их, возмутила, ободрила, вдохновила, мобилизовала. Война, как писал Бердяев, это великая проявительница, и она многое проявила за время СВО.

Но ведь надо отдать себе отчет, что на самом деле ужас войны начался не в феврале 2022 года, а девять лет назад, и многие-многие русские люди этот ужас испытали всем сердцем, и все это время с ним жили. И те, для кого этот ужас становился далее нравственно непереносим, собирали вещи и ехали в Донецк и Луганск, привозили гуманитарку, освещали обстановку в СМИ, вставали в ряды ополчения, чтобы защитить мирный народ, по которому почти в упор начали стрелять тысячи украинских орудий.

В Донбассе привыкли к смерти. Донбассовцы за время войны прониклись фатализмом и стоицизмом. Поэтому того, что началось 24-го февраля, никто даже не ожидал. Все, конечно, верили, что большая Россия не бросит, но чтобы одним прекрасным утром началось Возмездие в таком масштабе – никто в такое не верил, даже не надеялся на такое.

Я и сам не верил, хотя живу и служу в Донецке с 2018-го года. И вот когда я увидел масштабы операции, как самолеты, вертолеты, танки моей страны идут освобождать русских людей от кровавой, освиневшей в своей наглости и безнаказанности, доставшей уже решительно всех вокруг украинской хунты, в этот момент я испытал настоящее счастье. Говорю как есть - счастье. Общее с теми людьми, которые меня сейчас окружают и с которыми я когда-то решил быть до конца.

Начало спецоперации я встретил на боевом посту. Сообщил своим бойцам обстановку у нас и в мире – и сначала мне просто не поверили, решили, что командир шутит. Потом недоверие прошло, и все будто бы превратились в детей, стали улыбаться друг другу, смеяться, шутить самые смешные и безобидные шутки. Пацаны с автоматами. Пацаны

с детскими глазами и детской радостью. С надеждой, что наконец-то этот восьмилетний ужас вскорости завершится.

Ужас не завершился, он продолжается, и у этого ужаса есть имя – террористическое гособразование «Украина». И для того, чтобы справиться с этим ужасом, нам нужна тотальная мобилизация – не только в государственном, экономическом и культурном смысле, но и в смысле экзистенциальном, как внутреннее решение быть со своей страной и своим народом до конца, как решение свободно избрать судьбу своего Отечества как свою собственную.

В России и на Донбассе, в Новороссии должна быть реализована та самая Философия общего дела. Война, как отец всех вещей, родила и пробудила в людях самые лучшие их качества: милосердие, добродушие, щедрость, смелость, жертвенность, сострадание, любовь. Особенно это чувствуется именно в Новороссии как окраине Русского мира, его фронтире, непосредственно столкнувшимся с врагом. Такое сосредоточение счастья, единения, такую концентрацию и полноту Бытия можно сегодня встретить лишь здесь.

Потому-то и так важен сейчас Донбасс. Не только геополитически – как плацдарм, от которого пойдет по всему миру заряд на сопротивление мировому глобализму, но и нравственно, экзистенциально – как топос свободы, проявившейся общенародно, незапрограмированно, как настоящее чудо, т.е. как полнота Бытия.

Это война Бытия с небытием. Это русское Бытие возвращается на свои законные места обитания: от Донецка и Луганска в Волноваху и Славянск, в Херсон и Одессу, в Харьков и Полтаву.

Это война бытия с небытием. С тем небытием, которое уготовил Запад для человека и человечества в стремлении заменить его постчеловеком и постчеловечеством. Мы в буквальном смысле отстаиваем сейчас человеческое бытие, противостоим не просто «империи лжи», или цивилизации

лжи, мы противостоим мировому злу, которое отменяет не просто национальные культуры, это зло отменяет человека. Потому ведь весь мир и согласился с определением «империя лжи», что мир, при всем его многообразии, все-таки желает остаться человеческим миром, тогда как глобалистский коллективный Запад агрессивно навязывает проект постчеловека (генетически и технически модифицированного, без пола, без семьи, и без Бога, с памятью, перенесенной на флешку).

Нынешний мировой конфликт – это конфликт за человека, за то, быть ему или не быть человеком. Это в буквальном смысле война Бытия с небытием.

В последнее время много говорят о философии войны, множество недавних эпидемиологов превратились в военных экспертов. А на самом деле об онтологии войны всё было сказано в самом начале, в 2014-ом году, безымянным философом в балаклаве на подступах к Славянску:

«Мы на чистом энтузиазме за онтологические доводы здесь будем сражаться до последнего».

Продолжаем сражаться, братья. Работаем. Работы впереди еще много.

Мы вышли в открытый русский космос и теперь должны его отстоять.

Назад уже нельзя.

Это нужно для самого мира, для всего человечества.

Мы начали великое русское исправление имен.

ISBN 978-5-906708-57-1

Великое русское исправление имен

Издательство «Солнце Севера»
https://solsevera.ru, https://vk.com/solsevera